

Казань Татарское книжное издательство 1988 ББК 88.5 С 81

В сборнике рассказывается о последователях замечательного воспитателя-педагога А. С. Макаренко, вложившего огромный труд в дело воспитания подростков,— педагогах и мастерах производственного обучения, наставниках, комсомольских активистах, работниках правоохранительных органов.

Адресуется широкому кругу читателей.

$$C\frac{4308000000-307}{M32(03)-88}28-88$$

ББК 88.5

© Татарское книжное издательство, 1988.

«МНЕ МЕШАЕТ ЖИТЬ СОВЕСТЬ...»

(Анализ анкеты старшеклассников «Кто я в этом мире?»

В юности время от времени человек задаётся «вечными» вопросами. Позже эти вопросы расщепляются на десятки производных, более конкретных и более мучительных, и человек обнаруживает, что они преследуют его и в новогодней компании, и в любой средней величины очереди: вопросы о неизбежности случайностей и цене счастья, о том, исчезнут ли когда-нибудь у нас очереди, и о том, кого же всё-таки надо ломать — себя или других...

Все эти вопросы человек сначала задаёт себе: «Кто я в этом мире?» Потом пытается понять другого: «Кто он?» И шире: «Кто мы?»

Каждый из нас — тайна, которая хочет, чтобы её разгадали. Вернее — поняли. Особенно это нужно тем, кому сегодня шестнадцать-семнадцать. Что только о них не говорят! Кто-то считает, что никто ничего о них не знает. Кто-то — что тут и знать-то нечего: «Сегодняшний подросток? Все интересы в сфере сугубо материальной. Реалист в нём граничит с приспособленцем». При желании можно украсить этот перечень новыми определениями. Но аргументация, обычно идущая в ход, дабы доказать эффективные формулировки: «У меня племянник... Соседка сверху... Вчера в трамвае», будет прежняя и весьма сомнительная. А вопрос этот далеко не праздный. «Суеверия распространяются быстрее, чем познания, и легче вырастить гангстера, чем

воспитать культурного, благородного человека», — писал Эренбург. Мы мало знаем о тайном, странном, замкнутом па себе мире подростков, и результаты — налицо...

Нет ничего проще морали. Её выводят из судебных дел, ею питается пафос учителей, её читают мамы и прохожие. Следователи морали не читают. Они читают показания и суровые буквы закона!

Итак, модель подростка-прагматика. Срабатывает ли она? Чтобы уточнить, удостовериться, мы, редакция молодёжной газеты «Комсомолец Татарии», провели небольшое исследование. Задали семь коротких незамысловатых вопросов в четырёх старших классах трёх казанских школ: 86-й (Горки), 36-й и 112-й (Ленинский район).

Не властны мы в самих себе

Только 26 человек из 103 опрошенных безоговорочно довольны собой. Они так и ответили на наш первый вопрос. Правда, можно сказать иначе — целых 26 человек. В ответ на следующий вопрос: «Какие черты у себя считаешь отрицательными?» они поставили прочерк или ничтоже сумнящеся написали: «Таковых не имеем», Сначала — об этой категории. Плохо ли, если человек доволен собой? Да, плохо. Это значит, что требования к себе минимальны, что себе всё прощается, что не к чему и незачем стремиться: и так «всё нормально, капитан». «Я» — человек без недостатков, человек идеальный, светлая мечта о котором долгие века вдохновляла творчество титанов мысли. Стоп, человечество, приехали. Я, Саша, Лена, Эдик — твой венец. Остальным семидесяти семи — «недовольным» — ещё не раз придётся набивать шишки об их равнодушную самоуспокоенность...

Остальные... Они тоже разные. Одни недовольны собой потому, что не всё выходит так, как они задумали (хорошо, что недовольны собой, а не валят всё на жизнь). Другие... Да, впрочем, для недовольства собой всегда есть тысяча причин: от плохого характера до недостаточной физической подготовки. «У меня мало веры, я считаю себя неинтересным человеком». «Я эгоистка. И ещё мне не хватает времени на эстетическое развитие, так что я не отличаюсь глубиной мысли и интеллекта. Я очень часто делаю то, что мне хочется, вместо того, что надо делать. У меня очень слабая воля». «Я не умею держать себя в руках. Плюс ко всему я злая, а порой грубая. Честное слово, не преувеличивая». «Нет цели в жизни». «Не могу сказать человеку в лицо всё, что о нём думаю». «Не активна в комсомольской работе. И во мне есть капелька мещанства». «Мне хочется подраться, когда не надо, и наоборот».

Разный уровень подхода к проблеме? А кто сказал, что у нас все несовершеннолетние находятся на одном уровне? Мне лично очень дорога эта искренность, эта беспощадность к себе: «Я ленив, вспыльчив, люблю поспать, прихвастнуть; я капризная, вредная, обсуждаю других». Всё, как есть все, всё признают. А осознать, говорят,— встать на путь исправления. Правда, тут были свои нюансы, своя демагогия: «Да, у меня много недостатков, но я буду работать над собой и все их исправлю. И вообще, хороших качеств у меня больше». Иногда кокетничали... Одна и та же черта для одного — отрицательная, для другого — положительная. Кстати, часто среди отрицательных называются качества по сути неплохие, но мешающие беззаботно жить, и недостатки, которыми, по-видимому, постоянно попрекают («неусидчивость, неаккуратность»).

«Уезжаю в Ленинград. Как я рада, как я рад»

О этот полуриторический вопрос о планах на будущее, подстерегающий каждого вступающего в жизнь! Он привычен, обкатан, и 54 наших старшеклассника (то есть большинство) заученно, почти автоматически выдали — хорошо кончить школу, поступить в вуз. Остальное — детали — приложится. Нацеленность вполне определённая, чувствуется твёрдая направляющая рука. Техникум назвали несколько человек, ПТУ — никто. Всего в двух анкетах — планы о работе. Зато в 14 — вовсе нет никаких планов, не созрели ещё. Коекто написал — «есть», не углубляясь в тему.

Помните предложенную модель подростка-прагматика? Признаться, мы ожидали прочитать во многих анкетах о каких-то меркантильных намерениях. Прочитали всего в трёх! Один хочет машину, второй — мотоцикл, третий — поехать на Север за деньгами. Значит, напрасно обвиняем подростков, значит, они лучше, чем мы о них думаем? Да, лучше.

Но если под прагматиком (как его трактует социальная психология) понимать человека, который интерпретирует информацию и стремится принимать быстрые, грубые, готовые решения в сложных и неопределённых ситуациях, упрощая их; который, оказавшись в явно затруднительном положении, смотрит на других для того, чтобы узнать, как бы они поступили на его месте, то, безусловно, известный прагматизм чувствуется в этой «вузовской» запланированности и даже в одинаково сформулированных ответах, этих готовых палочках-выручалочках языковых штампов.

Мне кажется, что в вопросе о будущем человек может себя проявить наиболее полно. В том, чего мы смутно ждём от жизни,— и наши иллюзии, и рациональный подход, и надежда... Итак, наш вопрос:

«Ваши планы на 3-5 лет вперёд?» «Планы огромные. Даже писать не буду». «У меня есть план стать большой личностью. Я не хочу прожить жизнь без какой-то основной, идеи, просто так. Я не хочу хвалиться, но каждый человек что-то должен оставить после себя, оставить труды свои». «После десятого класса хочу уехать в другой город и полностью сменить обстановку». «Выйти замуж и дать счастье любимому человеку». «Получить права на вождение автомобиля и уехать на Север зарабатывать деньги». Трое хотят стать кандидатами в мастера спорта. А одна девятиклассница написала так: «Кто знает, что будет. Может, уже ничего не будет. А сколько ещё не сделано». Мне почему-то кажется, что у неё многое получится: она ничего не будет откладывать, рассчитывать на бесконечность...

В конце десятого класса будущее представляется огромным и перламутровым (с одной стороны оно — светлое, с другой — переливается). С тобой может случиться практически всё. Выбором себя ограничиваешь, но приближаешь к чему-то конкретному (это похоже на то, как смотришь в бинокль). Выбор профессии, места жительства, друзей, образа действий... Итак, ваши планы? «Планов много. Нужно стать самим собой». Хорошо, правда?

«Мир полон дверей, которые не открываются...»

Два следующих вопроса: «Понимают ли тебя родители? Ты их?» и «Есть ли у тебя близкий друг?» — в сущности, об одном. Об одиночестве. У двенадцати старшеклассников — никакого контакта, никакого взаимопонимания с родителями. У тридцати шести — понимание есть, но не всегда и неполное. У восемнадцати — нет близких друзей, другие не разобрались в самих себе и в своих отношениях с близкими. О чём это говорит?

Существует, видимо, значительная группа подростков, которые практически одиноки. Родители «не понимают», «стараются понять, но выходит только хуже», понимают, но не хотят войти в положение», «считают ребёнком». «Мы никогда не разговариваем по душам, но меня это мало беспокоит». «Родители понимают, что мне хочется много (разговор не о вещах), но не понимают, что хочется иметь близкого человека, и тем не менее занимаются моим воспитанием так, как их в своё время воспитывали (в чём я не понимаю их). Например, я рассказал им, что познакомился с девушкой, сказал, что она хороший человек. Они устроили мне скандал». «У меня вечная проблема «отцов и детей»...

Но только душевной тонкости, деликатности часто не хватает и «отцам», и «детям» — не хватает порой элементарного желания попытаться понять друг друга. Взрослых детей отпугивают нотации, ханжество. Родителей — то, что дети уже действительно взрослые. Им как-то спокойнее относиться к ним чуть-чуть свысока: «Родителям мои проблемы кажутся мелкими». А это обида надолго, всерьёз.

«Дети» самоуверенны. Им в большинстве своём кажется, что они-то уж давно «отцов» раскусили. А вот те их, увы, не способны понять. Да, бывает и так. Но как-то больше верится тем, кто думает о родителях как о личностях, с которыми надо строить отношения.

Судя по нашим анкетам, таких немало. Многие довольны своими взаимоотношениями с родителями. А некоторые девушки даже на вопрос о близком друге отвечают: «Мама». Но не будем спешить радоваться. Хорошо, когда мама близкий друг, и всё же плохо, когда она — друг единственный. Значит, в отношении остального мира — изоляция. Трудности в общении. Замкнутость. Комплекс недоверия к сверстникам. Что вы думаете, когда неглупый шестнадцатилетний парень пишет; «у меня никогда не было близкого друга»? Или

десятиклассница спрашивает: «А бывают ли близкие друзья?»

Любовь — и счастливая, проверенная годами, и мимолётная, оставляющая после себя опустошённость, тяжёлые сны, боль в сердце, — выпадает человеку очень немного раз в жизни. И очень трудно бывает думать, что та, единственная, быть может, возможность счастья утеряна. Потому что ты оказался не в состоянии понять, что это было, низка была культура сердца. Вот этой культуре и учит дружба, на которую жизнь к нам гораздо добрее. И даёт ещё много. «Есть в дружбе счастье оголтелое»...

«Друзей много, но настоящего нет. Но я думаю, что могу найти, если будет нужно». Вот это уже прагматизм чистой пробы. Если бы знала эта девушка, как она обедняет свою жизнь... Если бы знала, что «когда будет нужно», будет уже поздно искать. Друг — это не временное явление, не ветры-муссоны, не «скорая», которую призываешь на помощь в экстренных случаях. Спасти тебя могут совсем чужие люди, чужие и пригласят на праздник, но чем будет жива твоя душа?

«И лица те же, и осень та ж...»

Два вопроса, которые вызвали больше всего недоумений. Два вопроса — две стороны одной медали: «Чего тебе не хватает?», «Что тебе мешает жить?» Иначе — как ты относишься к миру? «У меня всё в порядке», — привычно спрятались многие в раковину. «Я живу хорошо». А потом высунулся грустный глаз: «Живём, как есть. А как ещё может быть?» А может быть, как ты сам захочешь. Если привнесёшь в жизнь то, чего не хватает, и будешь бороться с тем, что мешает, и теми, кто мешает. 23 человека ответили, что им всего достаточно. Многим не хватает времени, терпения, смелости. Друзей. Общения. Духовной поддержки. Понимания. Самоотдачи.

Настоящего дела. Двоим не хватает идеала. Одному — романтики. Ещё одному — власти. Этот последний пугает: а что, если он искренен? Пятерым не хватает материальных благ. Это не страшно и разрешимо. С идеалом сложнее... Кому-то не хватает интересных кружков, кому-то хороших книг, например, по психологии. Но ведь это всё можно найти не в одном ДК, так в другом, не в одной библиотеке, так в другой...

То, чего не хватает этим ребятам, характеризует их больше и лучше того, что у них есть. Ведь и смелости, и самоотдачи они ждут не от других — от себя. Каждый делает себя сам, может, этот путь сложнее, но во всяком случае он верный. Путь к себе — путь к другим...

Сорока двум старшеклассникам, судя по анкете, ничего не мешает. По-моему, среди ответивших так — люди двух типов: одни знают, что им ничего не помешает жить, так как всё зависит только от них. В этой группе народ волевой, самостоятельный. Во второй — люди, которым ничего не мешает жить, так как их требования к себе и к жизни невысоки. Чем богаты, тем и рады. Возможно, есть в этом своя мудрость, но уж больно она приспособленческая... Десятерым мешают группировки — «драки между дворами». В это верится. Странно только, что они вроде никого не устраивают, а участвуют в них многие... Четверых сковывает то, что нельзя гулять после девяти. Мешает скука, однообразие жизни, свои недостатки. Мешает ложь и несправедливость. Многих совершенно осознанно мучает мысль о войне. А вот что написал девятиклассник: «Мне мешает жить совесть. Моя личная совесть». Ему стыдно, когда личные интересы встают у него выше общественных. И он не одинок. Многие мучаются из-за своего несовершенства.

Принято считать, что эти мальчики и девочки выросли на иронии и скептицизме. И очень рано о многом узнали. Эти дети НТР хорошо освоили культуру материальную и ощутили тоску о культуре духовной. Умея непринуждённо общаться, кое-кто из них так и не научился разговаривать. Они знают, что жизнь не оставляет иллюзий, но стараются казаться рационалистичнее, чем есть на самом деле. Часто они несамостоятельны как в манере одеваться, так и в мыслях. Реализация себя запаздывает, но это скрадывается ростом и информированностью. Всё хорошо, всё есть, что надо. Только вот всё-таки жить благополучно мешает совесть, и это о многом говорит...

ЗАРОНИ ДОБРОТУ

лучай этот, казалось бы, частный, нетипичный, но до сих пор не выходит из головы. Учительница вошла в класс. Начался урок. Чётко сформулирован вопрос. Для ответа вызывается ученик. Однако высокорослый десятиклассник даже не считает нужным встать. С издёвкой в голосе он говорит:

- А я сегодня отвечать не буду.
- Почему?
- Желания нет, да и настроение не располагает.

Класс дружным хохотом реагирует на эту откровенную дерзость.

Вызывают другого, но и он в тон своему однокласснику про-износит:

- Я к уроку не готов.
- По какой причине?
- Причины никакой, просто не хотелось вчера заниматься вашей биологией.

Называются фамилии ещё пятерых учеников, и все они, будто соревнуясь в невоспитанности, отказываются аналогичным образом.

Человек, никогда не работавший в школе, может не понять всей сложности такой ситуации: дескать, обычная мальчишеская бравада, стремление позировать. Стоит ли обращать

внимание? Поставить им всем «двойки» — и всё тут.

Да, так может рассуждать тот, кто никогда не оставался один на один с классом. Но учитель, испытавший хотя бы один раз нечто подобное, хорошо знает, сколько обиды, горечи, душевной боли доставляют такие выходки учеников. Сколько надо самообладания, нервов, не побоюсь этого слова, мужества, чтобы не сорваться. К чести учительницы, она выдержала, довела урок до конца. Но какой ценой! Лишь прозвенел звонок, она удалилась в лаборантскую и горько заплакала.

Я присутствовал на этом уроке и видел, как трудно учительнице. Меня не покидала мысль, откуда у этих юношей такое неуважение, такая жестокость? Ведь перед ними стояла учительница, их старший друг, наконец, просто женщина, которая по возрасту годится им всем в матери. Пусть они никого не избивали, не оскорбляли бранными словами, но ведь они хорошо понимали, что делают человеку больно, очень больно. Как же можно так? После урока беседовал с ребятами, и что удивительно, по их мнению, ничего особенного не произошло. Обида? Неуважение? Что вы! К чему такая чувствительность, сентиментальность в наше время! Попытался выяснить мнение о классе у руководителей школы и был поражён, узнав, что класс этот их не волнует. Это благополучный класс. Полугодие ребята закончили со стопроцентной успеваемостью, они успешно выступили на математической олимпиаде, провели интересный КВН. Вот параллельный десятый приносит больше хлопот: как-никак там двое неуспевающих... Значит,

класс, оказавшийся нравственно незрелым, числился в благополучных.

Всё чаще и чаще в школах, профтехучилищах, общественных местах приходится встречаться с грубостью, наглостью, чёрствостью подростков.

Больше того, объединяясь в различные группировки, они стремятся создать такую среду, которая бы воспитывала злость, ненависть, жестокость, доходящую до садизма. Отношения между ними зачастую строятся на культе силы, на кулаке. Вот что поведал на страницах «Вечерней Казани» шестнадцатилетний подросток Валерий, решивший порвать со своей группировкой. «Особенно раздражали бессмысленные жестокие драки, в которые по приказу «старших» втягивалась вся группировка, весь микрорайон. Жизнь тогда сужалась до примитивного: или ты бъёшь, или тебя бьют. Боишься выйти из своего района, боишься каждого встречного, если идёшь один. Действовали волчьи законы: не хочешь драться, но приходится.

Издевались при девчонках: били, плевали, унижали. В школе учителя или не видели, или делали вид, что не видят. В лучшем случае позвонят в инспекцию, скажут, чтобы нас на учёт поставили. «Молодые» били каждый день. Я дрался до ожесточения. Мать не успевала отмывать кровь в подъезде. Впоследствии я понял, что эти ребята жестокие бессмысленные фанатики, которым ничего не стоит избить пацана до полусмерти... В группировке из пацана делают волка. Там никто не говорит о будущем, об учёбе, о семье. Только о драках. У девчонок то же самое, что у ребят. Те же

установки. Деньги отнимают друг у друга вещи, дерутся, унижают друг друга» ^{1} .

Читая эту исповедь, не столько поражаешься нравственному цинизму, сколько задумываешься над истоками душевной глухоты, откуда она? Ведь дети не рождаются на свет добрыми или злыми, активными или равнодушными. Тогда откуда она?

Когда пятнадцатилетний американский школьник Джек Грехем, подложив бомбу в чемодан родной матери, улетающей на побывку к сестре, взрывает самолёт, чтобы стать обладателем завещанной ему страховой суммы, то тут, как говорится, всё ясно и легко объяснимо. Насилие, грабежи, убийства, обильным потоком льющиеся с экранов телевизоров на неокрепшие души подростков, широко пропагандируемый культ денег делают своё чёрное дело. Иными словами, сама социальная среда порождает моральных уродов. Но у нас-то этого нет! Все мы хорошо знаем, как много делается в нашей стране для того, чтобы дети всесторонне и гармонично развивались, чтобы они росли не только умными, здоровыми, трудолюбивыми, развитыми физически, но и добрыми, бескорыстными, чуткими. Так почему же и в наших условиях появляются бездушные, бессердечные, способные на жестокость подростки? Вот в чём суть проблемы.

Хотим мы того или нет, но она реально существует, от неё не отмахнёшься, её не прикроешь десятками дисплейных классов, сотнями громких воспитательных мероприятий.

¹ Вечерняя Казань, 1987, 9 апреля.

Она, эта проблема, требует чёткого, прямого разговора, глубокого психолого-педагогического анализа, мобилизации усилий всех, кто в большей или меньшей степени причастен к её решению. Такой вывод вытекает из установок февральского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС, указавшего на необходимость усиления внимания к формированию коммунистической нравственности, воспитания у молодёжи высоких духовных запросов.

Жестокость ни с того ни с сего не появляется.

Нельзя отрицать того, что на воспитание чувственной среды подростков оказали влияние такие негативные явления, распространившиеся в нашем обществе, как ложь, обман; показуха, неискренность, двойная мораль: на людях одно, втихомолку — другое. Ведь нередко молодёжи втолковывали одно, а в жизни она видела другое. Всё это содействовало формированию одного из самых опасных нравственных недугов — равнодушия, доходящего до цинизма. И всё-таки абсолютно убеждён, что истоки нравственной глухоты, а то и жестокости подростков таятся в пробелах воспитания, и прежде всего — семейного.

Не буду говорить о тех семьях, где пьянствуют, где властвует культ силы, где между супругами складываются неправильные взаимоотношения, короче, где семейный климат не содействует воспитанию высоких нравственных чувств. Но кому из нас не приходилось наблюдать такие вот, на первый взгляд, безобидные сценки, характерные для очень многих семей. «Помогите советом,— обратилась одна родительница,—

сыну моему четырнадцать лет, и учится неплохо, и музыкой увлекается, и читает вроде бы много. Но нет у него уважения к старшим, нет чуткости, отзывчивости. За хлебом сходить в магазин — без понуканий не пойдёт. Другое что попроси помочь, не допросишься. А если что и возьмётся сделать, то с такой неохотой, с таким выражением лица, будто хочет сказать: «Как вы мне все надоели с вашими заботами и работами». Скажите, почему он такой чёрствый, бездушный?»

Как-то пришлось участвовать в таком небольшом исследовании. Совершенно случайным людям (молодым и постарше, матерям и отцам, бабушкам и дедушкам) было предложено назвать три качества, которые бы они хотели в первую очередь воспитать в своих детях, внуках. Назывались самые разные черты характера. Родители хотели видеть своих детей умными, деловыми, трудолюбивыми, смелыми, энергичными, умеющими хорошо устроиться в жизни. Точно не помню, сколько человек мы опросили, но лишь только одна родительница из их числа пожелала, чтобы дети её выросли добрыми, чуткими, человечными. Обратите внимание: только одна.

Было бы неверным предположить, что все остальные семьи не хотят воспитать в своих детях доброту и отзывчивость. Хотят. Но почему же всё-таки они не поставили эти личностные качества на первый план? Здесь-то мы и подходим к истокам наших ошибок и просчётов в нравственном воспитании детей.

Некоторые родители полагают, что воспитание ума, трудолюбия, смелости, настойчивости и других подобных качеств требует постоянных усилий и внимания со стороны взрослых. Для этого надо учиться и приложить немало сил и стараний. Что же касается доброты, человечности, то эти черты, мол, формируются сами по себе. Поэтому-то, приходя в школу, они интересуются главным образом успехами рёбенка в учении и, если нет тревожных двоек, уходят со спокойной душой, считая, что у сына или дочери дела обстоят вполне благополучно. Согласитесь, не так уж часто в беседах с учителями мы пытаемся выяснить, как относится ребёнок к товарищам, навестил ли он больного, помог ли в трудную минуту своему однокласснику, защитил ли слабого, разделил ли чьи-либо радость или горе. То же самое происходит по возвращении детей из школы. Заглянем, в лучшем случае, в дневник, тетрадочку и на том успокоимся. Где уж там до душевных качеств. Некогда! Такие родители забывают, что надо постоянно вникать в нравственный мир ребёнка, выращивать доброту. Иной раз, когда речь заходит о грубости или чёрствости детей, родители начинают оправдываться, мол, мы их этому не учили. Верно, этому не учили. Но настойчиво не учили и уважению и состраданию к другим людям, умению сочувствовать, сопереживать.

Никто не учит маленького человека быть равнодушным к людям, отмечал талантливый советский педагог В. А. Сухомлинский. Всё дело в одной очень важной закономерности нравственного воспитания. Если человека учат добру — учат умно, настойчиво, требовательно, в результате будет добро. Учат злу (очень редко, но бывает и так), в результате будет зло. Не учат ни добру, ни злу — всё равно будет

зло, потому что человек рождается существом, способным стать человеком, но не готовым человеком.

Нужно помнить, что исходные нравственные чувства, такие как сострадание, сопереживание, сочувствие, уважение и любовь к людям, воспитываются с самого раннего детства в семье. Недаром выдающийся советский педагог А. С. Макаренко утверждал, что абсолютное большинство нравственных качеств человека закладывается в возрасте до пяти лет. Упустишь это время, наверстать потом будет трудно.

Недавно довелось быть свидетелем такой сценки в универмаге «Детский мир». Малыш попросил маму купить какую-то игрушку. Она ему отказала. Тогда он залился слезами. Видя, что и это не помогает, повалился на пол, начал стучать ногами, и... мать уступила. Вы бы видели, с каким видом победителя выходил он из магазина. «Мелочь»,— скажете вы. Нет, далеко не мелочь.

В жизни ребёнка бывает такой период, когда он делает чрезвычайно важное для себя открытие: оказывается, своим криком, плачем, капризами можно влиять на поведение тех, кто удовлетворяет его желания,— мамы, папы, бабушки. Можно их заставить отложить самую срочную работу и бежать к нему. С удивлением убеждается он в том, что для исполнения всех его желаний есть могучий ускоритель — крик, плач. Так начинается переживание первого эгоистического удовлетворения: всё, что захочу, будет сделано.

Ныне, когда своеобразной нормой для многих становится один ребёнок в семье, когда резко улучшились материальные и бытовые условия,

семейное воспитание значительно осложняется. Единственное чадо — явление весьма исключительное. Оно, будто центр Вселенной, вокруг которого крутятся и родители, и тётушки, и бабушки, и дедушки. О нём постоянно заботятся, его любят, им восхищаются. В таких случаях чаще всего и формируются эгоистические черты, избалованность, себялюбие.

Современный быт — это комфорт, но одновременно и отсутствие объектов труда, столь необходимого в воспитании.

В одной из школ Челябинска провели сочинение среди восьмиклассников на тему «Что я умею делать?». Пятнадцатилетний парень откровенно делится: «Моя мама очень хорошая, ничего не заставляет меня делать. Она рано встаёт и поздно ложится. Мне не приходится чистить картошку, мыть посуду, стирать. К уходу в школу завтрак готов». Видите, мама очень хорошая, потому что ничего не заставляет делать. Рост материальных возможностей превращается нередко в страсть накопительства, в желание выглядеть не хуже других, в культ вещей. В обстановке вседоступности, материальной пресыщенности у подростков развивается потребительская психология, иждивенчество. Человек нищает душой. Вместо воспитания чуткости, отзывчивости, щедрости, доброты в детях закладывается чёрствость, жадность, зависть.

«В семье я живу, как принцесса,— пишет семиклассница,— мама меня оберегает от любой работы по дому, и стоит только одно слово сказать — любая понравившаяся вещь назавтра будет у меня». Так семейная педагогика

столкнулась с трудностями передачи здорового социального опыта, и многие родители пошли по пути облегчения жизни детям, по поводу которого Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» прозорливо предупреждал: «Иногда облегчение — вовсе не есть развитие, а даже напротив есть отупление».

Воспитание доброты начинается с самой простой заботы. Доброта проявляется прежде всего к близким людям, поэтому ребёнок должен принять на себя часть родительских забот о доме, о малышах, о пожилых. Тогда он с самых малых лет начнёт познавать радость доброго дела, а главное — учиться чувствовать рядом с собой человека, понимать его интересы, стремления, согласовывать свои поступки с его достоинством. Но если о магазине, продуктах заботится только мама, то сын или дочь вряд ли будут беспокоиться о какой-либо покупке, сколько бы ни обвиняли их в равнодушии к домашним делам, бессердечии. Если мама берёт на себя заботу усаживать сына за уроки, она автоматически снимает её с него: теперь он и не притронется к учебникам, пока не раздастся строгое мамино напоминание.

«Да если моему не напомнишь про уроки, он сам ни за что не сядет,— сетует иная мать.— Вчера на собрании задержалась, и пожалуйста,— весь день пробегал и двоек нахватал!» Да потому и пробегал, что привык к равнодушию, к понуканиям! Забота не возникает сразу, в один день, она созревает постепенно и обязательно созреет, если мы будем терпеливы, настойчивы, последовательны, если не уподобимся ребёнку, который, посадив зёрнышко, каждую минуту выкапывает его, чтобы

посмотреть, не появился ли росток. И ещё одно условие. То, каковы мать и отец сами, как они относятся друг к другу, к другим людям, какой общий семейный климат, и формирует нравственность их детей. В семье Анатолия К. два школьника: Боря, ученик восьмого класса, и пятиклассница Таня. Дети хорошо учатся, посещают музыкальную школу, занимаются спортом, ровные и добрые по характеру, чуткие и внимательные к людям. Отличительная черта этой семьи — откровенность, взаимопонимание, взаимоуважение между родителями и детьми. Ребята с малых лет приучены заботиться друг о друге, о родителях, честно рассказывают о всех своих неудачах и промахах, делятся планами на будущее. Родители всегда находят время просмотреть дневники детей, проверить их домашние задания, расспросить о школьных делах, общественных поручениях, взаимоотношениях со сверстниками. И отец, и мать всегда охотно помогают классным руководителям. Праздность и лень в семье недопустимы. Родители сумели найти необходимое равновесие между строгими требованиями и лаской. Самое же главное, что они повсеместно приучают ребят к нравственной жизни и нравственным поступкам, добиваются, чтобы дети были, как говорится, хорошими не только на словах, а в практической деятельности. Делясь опытом воспитания детей, отец на классном родительском собрании сказал, что для них, родителей, самое главное даже не то, что ребёнок совершил добрый поступок ради товарища. Самое важное что чувствует он при этом. Счастлив ли, что сделал доброе? Находит

ли радость в своём поступке или нуждается в том, чтоб его заметили, похвалили.

Семья, что растит и пестует малыша, лепит из него человека. Она желает ему счастья, а потому обязана учить его жить среди людей, считаться с ними, любить их. И если семья не заронит в детскую душу ростки доброты и порядочности, самые хорошие советы могут впоследствии и не помочь.

Воздавая должное роли семьи в развитии чувственной сферы, спросим себя честно и откровенно, как того требует время, всегда ли и во всём виновата семья, не допускаем ли и мы, педагоги, сбоев в нравственном воспитании? Всегда ли мы безупречны, не совершаем ли педагогических ошибок, которые способны ожесточить ребят?

Научно-техническая революция принесла массу перемен в нашу жизнь. Она подняла на небывалую высоту авторитет науки, и мы, захваченные её успехами, впадаем порой в крайность, уделяя всё внимание умственному развитию детей, забывая о воспитании их нравственных чувств.

Слов нет, школа решает сейчас сложные и ответственные задачи. Новые программы, новые учебные предметы, обучение шестилеток, внедрение активных методов обучения, всемерное развитие познавательных сил и способностей школьников, повышение их компьютерной грамотности — всё это потребовало повышенного внимания к совершенствованию учебного процесса. Прямо скажем, немало делается в этом направлении.

Ещё на заре становления советской школы В. И. Ленин сформулировал её основную задачу – воспитание

коммунистической нравственности. Надо, говорил он, чтобы всё дело воспитания, образования и учения современной молодёжи было воспитанием в ней коммунистической морали.

Предельно чёткая и ясная мысль. Она означает, что и урок, и факультативы, и предметные олимпиады, и общественно полезный труд и многие другие воспитательно-образовательные дела школы должны прежде всего направляться на формирование высоконравственного человека. Однако образовательные функции школы превалируют над заботой о моральной воспитанности детей.

Седьмой класс писал контрольный диктант. Более половины учащихся написали на «двойку». Факт этот буквально взбудоражил всю школу. О нём говорили на педсовете, заседании предметной комиссии, производственном совещании. Не буду спорить, вероятно, такая тревога была вполне обоснованной. Но в то же время другой, не менее важный факт из жизни этого же класса остался незамеченным. Ученик около трёх недель лежал в больнице, и никто из товарищей не счёл возможным и необходимым хотя бы разок навестить его. Или другой пример. У восьмиклассника умерла сестрёнка, и в тот день, когда он был на похоронах, класс проводил заранее запланированный «огонёк».

Спрашивается, почему эти факты не привлекли такого же пристального внимания, не стали предметом серьёзного и принципиального обсуждения в педагогическом коллективе?

Провозглашаемые нами нравственные нормы и правила срабатывают только в том случае,

если они соответствуют реально существующим в коллективе нравственным отношениям. Если же нет такого совпадения, то наши усилия могут просто-напросто оказаться безрезультатными, или, того хуже, стать источником ханжества. Мы часто говорим ребятам о необходимости проявлять уважение к девочкам, будущим матерям, ограждать их от тяжёлого труда, проявлять рыцарство. Но везде ли подкрепляются эти слова делами?

В школе Сухомлинского есть сад идей. Деревья здесь посажены группами, рядами, аллеями. Сажали в разное время, разные люди и по поводу разных событий. Есть деревья, посаженные выпускниками, есть деревья, посаженные в честь матери. Была в школе крепкая традиция: сажать деревья в честь матери, отца, а потом все годы ухаживать за ними. В. А. Сухомлинский учил не только словесной, но и действенной доброте. По окончании уроков мальчики подавали в гардеробе девочкам пальто, а в женский праздник дарили им не пятикопеечную открытку, а выращенный собственными руками цветочек. Какой глубокий нравственный смысл заложен в этих традициях. К сожалению, гораздо чаще встречаешься е фактами противоположными.

Мы, педагоги, настолько уверовали в свою непогрешимость, что иной раз и не замечаем, как больно бьют подростков вскользь, мимоходом брошенные фразы, реплики, не та интонация, не тот взгляд, жест.

Прозвенел звонок с урока. Семиклассники разошлись, а учительница русского языка задержалась, делая записи в классном журнале. И в это время раздался какой-то невообразимый

с захлёбом хохот, совсем как у Авдотьи Никитичны. Не поднимая головы от журнала, учительница отреагировала: «Что это за идиотский смех?» Подойдя к ней, Андрей К. спросил: «Что ж, по-вашему я идиот?» На что последовал ответ: «Я же не сказала, что ты идиот, но обычно так идиоты смеются».

Отрубила, взяла журнал и вышла из класса.

Цепь событий, последовавших после этого, казалось бы, рядового, не заслуживающего внимания инцидента, в течение почти полутора лет будоражили школу. Андрея будто подменили: стал грубить, демонстративно не выполнял требования учительницы, отказывался отвечать, умышленно срывал уроки, словом, где только мог, мстил ей. Естественно, последовали беседы с родителями, с директором, обсуждения на педсоветах, но ничего не помогло... Неизвестно, чем бы закончилось дело, если бы не вмешательство тренера спортивной школы, которого подросток глубоко уважал и которому доверительно раскрылся. К чести учительницы, она не ударилась в амбиции, извинилась перед подростком, и инцидент был исчерпан.

Убеждён, что слово педагога, родителей, взрослого человека всегда должно быть добрым. Оно может быть требовательным, строгим, но в сути своей — всегда добрым. Доброе слово не только лечит, стимулирует, вдохновляет человека, но и делает его добрее, человечнее.

О подростках часто говорят, что это переходный возраст, трудный возраст, опасный возраст. Стремясь направить их неуёмную энергию в полезное русло, взрослые создают дворовые

клубы, кружки по интересам, культурно-спортивные комплексы. Всё это хорошо, но только в том случае, если на каждом шагу ребята будут получать уроки человечности, если в тысячах мельчайших соприкосновений со своими наставниками в их душах будет зарождаться доброта.

НАЙТИ СЕБЯ

Уважаемая редакция! Решила написать вам письмо по давно наболевшему вопросу. Я учусь в одном из профтехучилищ профессии токаря. Учусь на первом, курсе, но токарное дело мне не по душе. Если честно, то я даже видеть не хочу эти станки и больше делаю брак, чем нормальные детали. Я разговаривала с мастером, но он не хочет меня отпускать.

Ещё с детства я стремилась к профессии продавца, но одна подруга увлекла меня рассказом о профессии токаря. И вот теперь очень раскаиваюсь в этом, понимаю, что допустила большую ошибку в своей жизни, послушав других. Что же мне теперь делать? Я вас очень прошу: помогите мне, дайте совет...

Люда М.»

«Я хочу стать поваром, но мама говорит: «Чего хорошего всю жизнь пирожки лепить. Ты учишься хорошо и можешь поступить в медицинский институт». Конечно, врач — это профессия очень интересная и нужная. Но чем хуже быть поваром? Помоему, все профессии хороши. Я решила стать поваром. Но вот как убедить в этом маму? Посоветуйте, пожалуйста... Альфия III.»

Писем подобного содержания поступает в молодёжную редакцию Казанской студии телевидения, в редакции республиканских газет немало. Они говорят о том, как далеко не просто молодым людям, стоящим на пороге самостоятельной жизни, правильно профессионально определиться.

Выбор профессии, вступление в трудовую жизнь иногда называют вторым рождением человека — так ответственно значение этого шага. Это, по существу, выбор жизненного пути, выбор судьбы. Ведь именно от труда, работы, составляющих главное содержание человеческой жизни, в значительной степени зависит удовлетворённость человека своей судьбой и самим собой, его счастье.

Удачный выбор профессии — это и высокая производительность труда, и моральная удовлетворённость, и высокое качество продукции, и общественная активность.

Короче говоря, если человек трудится там, где он больше всего может принести обществу пользы и где сам получает удовлетворение от своего труда, тогда и происходит полная гармония: и человеку хорошо, и обществу хорошо. Как же найти такую работу? Что значит правильно выбрать профессию? Чем руководствоваться в её выборе?

Трудности выбора

В нашей стране созданы благоприятные условия для правильного выбора профессии. Непрерывный плановый рост общественного производства, гарантирующий отсутствие безработицы, доступность получения всеобщего среднего и профессионального образования, отсутствие каких-либо социальных ограничений при приёме в высшие и средние специальные учебные заведения — всё это действенный залог успешного решения проблемы выбора той единственной профессии, которая в наибольшей мере соответствует конкретной личности. Но эти широкие возможности одновременно создают и определённые трудности выбора. Не случайно выдающийся советский педагог А. С. Макаренко говорил: «Конечно, выбор профессии в советское время — дело гораздо более трудное, чем до революции. Главное затруднение, если угодно, главный недостаток нашего времени слишком много путей, слишком широки возможности. Чтобы выбрать профессию, теперь не нужно оглядываться ни на классовое или сословное положение, ни на материальную обеспеченность, ни на самодурство родителей. И бывает нередко, когда юноша или девушка растеряется перед этими просторными далями, бросится в одну сторону, увидит нечто более привлекательное. Потом оказывается, что ему вовсе не это нужно, что на самом деле по призванию

своему он не лётчик, не инженер, а музыкант или медик. И поэтому в настоящее время гораздо большее значение имеет помощь родителя и воспитателя» ^{1} .

Одна из трудностей выбора — большое количество профессий, профессиональных дорог, из которых надо выбрать одну. Очень метко отразил эту особенность поэт С. Щипачёв:

Далека, заманчива дорога, Тайнами влечёт она, Но профессий в мире много, К сожаленью, жизнь одна!

Нередко молодые люди не имеют ни малейшего представления, даже не знают о существовании многих профессий. Социологи приводят любопытные данные: 57 процентов из числа опрошенных школьников не могли мотивировать выбор ими той или иной профессии. Некоторые путают профессию с областью знаний, изучавшейся ими в школе. Иногда поле деятельности избирается из чувства товарищества — «пойду туда, куда и они». А один восьмиклассник выбрал техникум лишь потому, что он «близко от дома»!

Сплошь и рядом можно встретиться с таким положением, когда подросток сам не знает, что ему нужно, так как не имеет информации ни о потребностях в тех или иных профессиях, ни о самом себе, своих склонностях, возможностях. А без этих данных трудно осуществить правильный выбор. Например, кому-то

¹ *Макаренко А. С.* Выбор профессии.— Соч., М., 1958, т. 5, с. 394.

понравилась специальность монтажника-высотника, а вот по своему состоянию здоровья этому человеку работать на высоте противопоказано. Допустим, однако, что этот паренёк не учтёт этого обстоятельства и, руководствуясь своим интересом, всётаки приобретёт эту специальность. Ну, и что дальше? Работать по-настоящему он не сможет и рано или поздно вынужден будет сменить эту профессию. Потеряны годы, затрачены большие материальные средства на обучение профессии, и всё это впустую. Теперь возьмём другой случай. По своим данным человек может быть, скажем, врачом, но интереса к профессии, склонностей не проявляет. «Не лежит» у него душа к медицине, но под давлением то ли родителей, то ли друзей всё-таки поступил в медицинский институт. Проучившись несколько лет, этот несостоявшийся доктор обнаруживает своё абсолютное безразличие к врачеванию и решает поискать себя в другой области деятельности. Как видите, опять потеря драгоценного времени, средств, бесплодные раздумья, тревоги, волнения.

Наконец, третий случай. Молодому человеку нравится профессия юриста, по своему здоровью он отвечает всем её требованиям. Казалось бы, смело можно браться за изучение юриспруденции. Но тут молодого человека должен осенить такой вопрос: «А нуждается ли данный район, город, республика в юристах?» Конечно, в каждом городе, районе имеются органы юстиции, которые тоже должны пополняться квалифицированными специалистами. Но сколько нужно таких специалистов на район? Разве можно сравнить потребность

в юристах с потребностью в станочниках, механизаторах, строителях, специалистах службы быта и т. д.?

Значит, правильный выбор профессии предполагает гармоничное сочетание трёх факторов: хочу, могу, надо.

Вот на перекрёстке этих трёх ведущих мотивов чаще всего и допускаются ошибки.

Первая из них состоит в том, что мотив «хочу» зачастую базируется не на подлинных интересах и склонностях молодого человека к тому или иному виду деятельности, а вызывается случайными обстоятельствами.

Для одних (как в приведённом письме) это совет подруги, для других — настойчивое требование родителей, третьи выбрали профессию «за компанию», четвёртые — потому, что училище рядом, пятым приглянулась форма одежды, шестые пошли под воздействием учителей... Конечно, сбрасывать со счетов эти ситуативные побудители нельзя. Но такой серьёзный шаг, как выбор профессии, не может определяться ни романтическими побуждениями, ни навязанной извне волей, ни случайностью. В основе его должны лежать явно выраженные интересы и склонности к соответствующей профессии с учётом потребностей в ней народного хозяйства, так как приложить свои знания и умения лучше всего там, где тебя ждут, где ты нужен.

Здесь, однако, следует подчеркнуть, что интересы и склонности — это всегда результат развития. Они не могут сформироваться вне соответствующей деятельности. Поэтому, если школьник никогда не видел «живого» токарного станка, не пробовал на нём работать,

не ощущал радости от изготовленной своими руками детали, трудно представить, что у него может появиться интерес именно к профессии токаря. Зато для тех, у кого в школьные годы сложился определённый интерес, проблемы выбора профессии, как правило, не существует.

Вот что пишет десятиклассница в своём сочинении: «Я уверена, ребята будут писать о профессиях архитектора, инженера, лётчика, врача, капитана дальнего плавания. Конечно, это заманчиво. Но почему чураются таких необходимых специальностей, как строитель, повар, шофёр, ткачиха? Я с четвёртого класса люблю кроить, шить, придумывать интересные фасоны. Мне нравится моя будущая профессия: шить для людей красивые, изящные платья. Историю костюма я читаю, как увлекательную книгу».

Как видим, девушка ещё со школьной скамьи чётко определила свой выбор. Это хорошо и для личности, и для общества. Исследованиями установлено, что наиболее устойчивой по отношению к избранной профессии оказывается та часть школьников, которая поступает в профессиональные учебные заведения с выраженным интересом и склонностью к данной профессии. Так, через три-четыре года после окончания училища свыше 92 процентов из них продолжали работать по избранной специальности. Среди школьников же, поступивших в ПТУ без сформированного интереса, случайно, оказался большой процент сменивших вскоре приобретённую профессию на другую.

Увеличение количества часов на трудовое

обучение, включение учащихся в настоящий производительный труд, предусмотренные реформой школы, как раз и направлены на то, чтобы подростки знакомились с профессиями не «вприглядку», а в процессе активного труда.

Другая характерная ошибка, допускаемая при выборе профессии, состоит в том, что многие молодые люди не считаются с реальными потребностями нашего народного хозяйства в кадрах, то есть недооценивают мотив «надо».

Ориентировочные прогнозы показывают, что свыше 70 процентов ежегодной дополнительной потребности в рабочей силе падает на сферу материального производства.

Если при этом учесть напряжённость баланса трудовых ресурсов в двенадцатой пятилетке, то станет совершенно очевидным, что реальная жизненная перспектива для подавляющего большинства молодых, вступающих в трудовой возраст,— приобретение рабочей профессии. А что происходит сейчас? Вот результаты опроса полутора тысячи восьмиклассников ряда городов республики, в том числе и Казани. Намерены продолжить обучение в десятом классе 57,2 процента, в техникумах — 27,3. в средних ПТУ — 12,4, не решили — 3,1 процента. Обратим внимание: собирается поступить в средние ПТУ только восьмая часть восьмиклассников. Кто же будет заполнять ученические места в существующих и вновь образующихся училищах?

Конечно, выбор профессии молодыми людьми должен быть сознательным и свободным. По иногда свободу выбора понимают примитивно, по принципу «вольному — воля». Например,

девушка захотела стать учительницей, Она поступает в педагогический институт, учится, сдаёт зачёты и экзамены, но её тяготит общение с детьми, не увлекает практика в школе, после звонка в класс направляется со вздохом... Нарастает поток тягостных переживаний, и в конце концов уже с дипломом учителя она устраивается корректором в издательстве. Через некоторое время оказывается, что и эта работа ей не по душе. Она очень любит вышивать, особенно конструировать одежду. Но профессия модельера раньше казалась ей не очень престижной, она как бы стеснялась сделать свой выбор. После долгих лет блужданий девушка поняла свою ошибку, исправила её, именно здесь нашла себя.

В этом примере выбор профессии, на первый взгляд, сделан свободно: «захотела — выбрала». Но это лишь кажущаяся свобода, так как человек оказался в полной зависимости от обстоятельств, которые не пытался предвидеть, учесть, поэтому допустил немало ошибок. Подлинно свободный выбор — это не только выбор со знанием дела. Выбирать профессию, искать себя надо с первых школьных лет.

Во время подготовки очередной телевизионной передачи из цикла «Сто дорог — одна твоя» довелось встретиться с человеком, как он сам себя представил, несложившейся судьбы. Ему уже под пятьдесят. В школе был отличником. По окончании Казанского химико-технологического института работал химиком-технологом. Но работа не нравилась, может быть, потому, что сказывалась на здоровье. Пошёл преподавателем в школу, но и здесь

ничего не получилось. Не находил контакта с ребятами. Тогда решил испробовать себя в торговле. Поступил на курсы продавцов. Однако спустя несколько лет почувствовал, что и к этой работе душа не лежала. И опять начались мучительные поиски.

«Вот так,— заключил он,— ничего путного в жизни не добился, почти вся жизнь прошла в поисках любимой работы. А всё это потому, что вовремя профессионально не определился, не искал себя. Все силы и время отдавал учёбе. Думал, что отличные знания сами по себе выведут на прямую жизненную дорогу, но ошибся».

Что можно сказать по поводу этой исповеди?

Искать своё призвание нужно не после школы, а именно в школьные годы. По существу школьные годы, процесс обучения, для того и предназначен, чтобы подготовить человека к самостоятельной, трудовой жизни.

А что на деле получается?

С молоком матери мы усваиваем, что школа существует только для того, чтобы давать знания, чтобы в ней учиться. И постепенно школьная отметка стала заслонять все другие стороны жизни. Хорошая успеваемость — это показатель хорошей работы учителя, безмятежная жизнь для родителей и благополучие самого ученика. Конечно, прочно овладеть знаниями очень важно для жизни.

Однако отличная учёба — не цель, а только средство достижения цели. Целью же является познание самого себя, своих способностей, своего призвания. Вся школьная работа, отмечала Н. К. Крупская, должна быть направлена

на то, чтобы подготовить ученика к сознательному выбору профессии. Эта первейшая заповедь школы оказалась почему-то забытой. С двойкой по химии человека не выпустят из школы, а с несформировавшимся жизненным планом — пожалуйста. Не парадокс ли?

Поэтому очень важно заботиться не только о хороших отметках, общественной активности, но и о том, чтобы к окончанию школы твёрдо знать, в какой работе с наибольшей пользой для общества применить свой ум, силы, знания, полученные в школе, то есть постоянно искать себя.

Долг и призвание

Любопытная история произошла с одним абитуриентом, поступавшим на геологический факультет Казанского университета. Его спросили, почему он выбирает профессию геолога и попросили рассказать, что он знает об этой профессии. Исчерпав свой ответ двумя-тремя фразами, ибо его знания по части геологии не превышали того, о чём поётся в известной песне А. Пахмутовой, он вдруг заявил: «Но если я не поступлю на геологический факультет, ничего страшного не случится. В УПК я получил специальность радиомонтажника». И дальше началась такая поэма о радиомонтажном деле, что комиссии стало ясно: вот она где любовь к профессии, а геология — это случайное в его жизни, дань чему-то.

Каждый человек обладает определёнными способностями, то есть индивидуальными особенностями, которые содействуют успешному выполнению той или иной деятельности. Если

интересы человека совпадают с тем, что он делает, если его черты характера соответствуют особенностям выбранной профессии, тогда можно с уверенностью сказать: этого человека никогда не постигнет разочарование или сожаление, независимо от того, пытается ли он проникнуть в тайны атома или стоит у станка, держит в руках штурвал самолёта или пашет землю, учит детей или испытывает ракеты. Вот тогда-то и приходит истинное увлечение, вдохновение, страсть к работе, желание сделать чтото новое, оригинальное, потребность в творчестве.

К каким же профессиям и специальностям стремится сегодня наша молодёжь? Всегда ли здесь учитываются реальные потребности нашего общества и личные возможности каждого?

Многих юношей и девушек интересуют в первую очередь профессии учёного, артиста, писателя, журналиста, некоторые инженерные специальности. Иным молодым людям кажется, что овладение этими специальностями автоматически обеспечивает интересную жизнь, известность, материальное благополучие. И наоборот, необходимость работать слесарем, продавцом некоторые воспринимают как крушение своих жизненных планов.

Правильно ли это?

Главным руководителем, который должен направлять человека при выборе профессии, указывает К. Маркс, является благо человека, наше собственное совершенствование. «Если мы избрали профессию, в рамках которой мы дольше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнёмся под её бременем, потому

что это — жертва во имя всех, а наше счастье будет принадлежать миллионам...»

И далее, развивая свою мысль, Маркс писал: «Не следует думать, что оба эти интереса могут стать враждебными, вступить в борьбу друг с другом, что один из них должен уничтожить другой. Человеческая природа устроена так, что человек может достичь своего усовершенствования только работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага» ¹.

Выбор жизненного пути нашим современником только тогда может быть удачен, если он согласуется с интересами общества, его планами.

Надо трезво осознавать, что токарей пока что требуется гораздо больше, чем геологов, а механизаторов — неизмеримо больше, чем космонавтов. Важно учесть это хотя бы для того, чтобы прикинуть, какова сегодня реальная нужда в профессии, которую человек для себя наметил, и, значит, каковы перспективы движения по выбранному пути.

А как обстоит дело в реальной жизни?

Опрос учащихся десятых классов ряда школ города Казани показал, например, что ни один из них не изъявил желания стать слесарем, аппаратчиком, станочником, строителем, водителем общественного транспорта.

Приведём для примера фрагмент беседы с учащимися десятого класса, проходящими обучение в одном из УПК города. Беседа состоялась в токарном цехе.

 $^{^{1}}$ *Маркс К.*, Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 4-5.

- Какую работу выполняете?
- Изготовляем болты для завода.
- Нравится работать на токарном станке?
- Нет, не нравится.
- А профессия токаря кому из вас нравится?
- Никому не нравится. Только один вроде бы собирается стать токарем.
  - А какие же профессии вам нравятся?
  - Журналист, врач, геолог, конструктор, лётчик...
- Зачем же осваиваете профессию, к которой душа не лежит?
  - Заставляют.
- Вы не хотите стать рабочим, другие не захотят, кто же тогда станет работать на заводах?
- Кому надо было идти в рабочие, те поступили в ПТУ после восьмого класса, а кто прошёл этот барьер, тем дорога в институт.

Теперь давайте задумаемся над таким вопросом: а что если все захотят стать артистами, врачами, лётчиками и т. п.? Кто же тогда будет растить хлеб, строить дома, водить трамваи, шить платья и костюмы? Задумывались ли эти десятиклассники над этим? Думается, что нет. Чувствуется, что для них ответ на вопрос «Кем быть?» не вызвал глубоких раздумий.

Мне же вспоминаются встречи с бригадиром штукатуров «Казремстроя», лауреатом Государственной премии А. А. Доценко, токарем Рафаилом Сагдетдиновым, водителем троллейбуса Фаридом Хабибуллиным. Всех их объединяет одно — увлечённость своим делом, преданность своей профессии,

постоянный поиск путей её совершенствования. Рабочая профессия даёт им не только материальное, но и огромное моральное удовлетворение от своего труда. Вот что сказал по этому поводу слесарь-сборщик вертолётного объединения Михаил Иванович Калмыков. «Конечно, все работы важны. Каждая профессия требует, чтобы к ней относились с любовью. Но так уж устроен человек, что ему доставляет большую радость не только процесс труда, но главное — его результат. Учитель, писатель, учёный и другие могут увидеть результаты своего труда спустя многие годы. А вот пекарь, к примеру, испёк прекрасную булку и тут же видит результат своего труда, швея сшила красивое платье и понимает, что кто-то наденет его и будет благодарен ей. Я прохожу мимо красавца вертолёта и знаю, что в таком-то узле сработанная мною деталь. И это здорово вдохновляет.

Кроме того, рабочая профессия в отличие от многих других требует напряжения и физических, и умственных, и нравственных сил. Рабочая профессия, как лакмусовая бумага, говорит, кто на что способен, кто к чему пригоден».

Почему же ребята не выбирают рабочие профессии?

Здесь, видимо, сказывается сила традиции, привычки. Как известно, длительное время школа ориентировала своих выпускников в основном на высшие учебные заведения. Это было тогда, когда не было всеобщего среднего образования. Количество поступивших в вузы являлось чуть ли не главным показателем её успешной работы.

И чем больше учащихся пробивалось через

конкурсные барьеры из той или иной школы, тем выше оценивалась её учебно-воспитательная деятельность. Ясно, что в такой обстановке каждый педагог стремился всячески нацелить своего питомца на институт, безотносительно к его склонностям, способностям, потребностям в кадрах народного хозяйства. С другой стороны, такое профориентационное направление совпадало с желанием родителей и стремлениями самих учащихся. В этих условиях ни родителей, ни учащихся долго не приходилось профориентировать, так как вся проблема состояла в том, какой выбрать институт. Так сложилась стойкая традиция, что после школы одна дорога — в институт.

Сейчас положение изменилось коренным образом. Наступил период, когда кадры народного хозяйства комплектуются из молодых людей со средним образованием. Чтобы обеспечить рабохозяйство, профессиональнонародное В чими кадрами технические училища должны ежегодно поступать свыше 60 процентов учащихся после окончания восьмилетней и вредней школы. Отсюда следует, что основным направлением подготовки учащихся к сознательному выбору профессии является их ориентация на поступление в средние профтехучилища, что и было подчёркнуто в реформе школы. Однако практическая реализация этих задач наталкивается на определённые трудности, вызванные тем, что не только учащиеся, но и далеко не все родители и учителя осознают эту реальность. С другой стороны, многие школьники не замечают тех изменений, которые претерпевают рабочие профессии, нередко считают их очень простыми с точки зрения

освоения, легко и в любое время доступными для каждого, а потому с их получением торопиться не следует.

На первый взгляд такая позиция может оказаться оправданной. Действительно, нужно ли проявлять поспешность? Ведь в среднем ПТУ нужно учиться три года, а школу заканчиваешь за два. Выгадываешь целый год. С другой стороны, а почему не попытаться поступить в вуз? Велик ли риск? А вдруг повезёт? Вроде бы, всё верно. Но правильность подобных рассуждений кажущаяся, так как построены они на желаниях и чувствах и не учитывают многих обстоятельств, связанных с профессиональным самоопределением. Давайте рассмотрим два примера из жизни. Восьмикласснику Ренату давно пригляделась профессия станочника. Трудно сказать, что повлияло на его интерес: то ли уроки труда, когда его, бывало, за уши не оттянешь от токарного станка, то ли экскурсия на завод, то ли друзья из ПТУ. Но факт остаётся фактом: по окончании восьмого класса Ренат твёрдо решил поступить в ПТУ и учиться на токаря-универсала. Родители Рената (мать — учительница, отец — инженер), зная склонности сына, поддержали и одобрили его намерения. Парень успешно закончил профтехучилище, работал на заводе, был призван в армию. После службы вернулся на прежнее место работы. Сейчас сочетает работу с заочным обучением в институте. Видите, какая чёткая жизненная позиция? Никаких шатаний, колебаний, разочарований. А вот у другого паренька, назовём его Андреем, жизнь начала складываться несколько иначе. Он тоже хотел после окончания восьмого класса

поступить в ПТУ: освоить профессию электромонтажника, но родители, особенно мать, работавшая медицинской сестрой, настаивала на том, чтобы сын непременно поступил в медицинский институт. Они добились своего: в училище Андрей не пошёл, правда, и в институт поступить не смог. И начались поиски места в жизни.

Два месяца проработал рабочим в овощном магазине — работа не понравилась, ушёл. Три месяца вообще нигде не работал — не смог подобрать что-либо подходящее. Затем поступил на какую-то стройку, потому что она была рядом с домом, но и там не прижился. Стал выпивать, пропадать ночами. Побывал в медвытрезвителе.

Подведём итог: два года проучился в школе, год «кантовался», профессионально не определился, да и ясной цели на будущее нет.

Такая трудовая неопределённость приводит к потребительскому отношению к жизни, безответственности, расхлябанности, неустроенности, неудовлетворённости собой и окружающим миром. Поэтому, говоря о поиске своего места в жизни, нельзя не коснуться ещё одной очень важной проблемы об отношении родителей к выбору своих детей.

А что скажут родители?

«В этом году заканчиваю десятый класс, учусь хорошо. С удовольствием работал в школьных мастерских. Длительное время посещал кружок юных техников. Теперь увлёкся автоделом. После окончания школы мечтаю пойти работать слесаремсборщиком. Люблю технику, машины.

Но против моего намерения в буквальном смысле слова восстали родители. Оказывается, мама чуть ли не с пелёнок видела меня за конспектами в светлых аудиториях вуза. Отец обошёлся со мной по-мужски, пообещав выбить дурь из головы».

Юноша оказался в сложной ситуации. Интерес и привязанность к технике, сформировавшееся на этой основе твёрдое профессиональное намерение столкнулись с непониманием со стороны самых близких людей. Казалось бы, именно они, родители, имеют наиболее полное представление о склонностях и способностях своих детей, могут сопоставить их желания с реальными возможностями, и, опираясь на свой жизненный опыт, добрым советом помочь в выборе профессии. В действительности же порой бывает наоборот. Дело здесь, скорее всего, в несоответствии между благими намерениями значительной части родителей и их педагогической подготовленностью.

Между желанием родителей помочь детям в выборе правильного жизненного пути и практическими умениями оказать им такую помощь нередко лежит незримая преграда — недостаток знаний о подлинных интересах и склонностях своих детей, о профессиях и их требованиях к человеку, о тех принципах и правилах, которыми следует руководствоваться при обсуждении и решении столь важного вопроса.

Родителям учащихся ряда школ города Казани предложили ответить на такую анкету: 1. Каким бы вы хотели видеть будущее своих детей?

2. Какую профессию посоветуете избрать и почему?

Что касается первого вопроса, то здесь было полное единодушие. Все родители хотят видеть своих детей «полезными обществу», «получающими удовлетворение от своего труда», «счастливыми в трудовой, общественной и личной жизни». Истоки этих добрых пожеланий естественны и понятны, в их основе — родительское чувство. Посмотрим, какое психолого-педагогическое подкрепление они получают.

«По поводу профессионального будущего дочери в нашей семье полное совпадение взглядов. После восьмого класса Лена будет поступать в профтехучилище, где готовят кондитеров. С малых лет проявляет она интерес к этому делу, всегда мне помогает, очень любит читать литературу по кулинарному искусству. Мы с супругом всячески поддерживаем её увлечение и одобряем сделанный выбор».

Чёткость и определённость профессионального старта, педагогически грамотная, обоснованная поддержка родителей сыграют, бесспорно, значительную роль в будущей жизни Лены. К сожалению, таких мотивированных ответов были буквально единицы. Большинство родительских решений и мнений не подкреплялось никакими аргументами.

«Своему сыну советую стать инженером-строителем. Если же эта профессия ему не понравится, то я хотела бы, чтобы он занимался научной работой (химией, физикой, математикой)».

«По окончании средней школы дочь будет поступать в высшее учебное заведение. Какое именно, мы ещё не определили. Не исключено, что она не сумеет с первого захода поступить в вуз, тогда куданибудь устроится на работу, чтобы затем вновь попытаться».

«По нашему мнению, ребята должны заканчивать десять классов, а затем учиться в вузе. Для этого и введено всеобщее среднее образование».

Как видим, большинство родителей связывают счастливое будущее своих детей с поступлением в вуз. По их разумению выходит, что высшее образование уже автоматически делает человека счастливым. Правда, есть в такой позиции ещё одно слабое звено. Можно было бы привести немало примеров того, как родители чуть ли не с пелёнок обручали своё чадо с облюбованной ими профессией, чаще всего из сферы науки, литературы, искусства. И руководствовались при этом не какими-то выдающимися способностями своего ребёнка, а тщеславным желанием выделить его из общего ряда, придать ему ореол исключительности. Но захочет ли сын впоследствии заниматься наукой или литературой? Не теряет ли общество способного конструктора, педагога, станочника, авиатора? Такой статистики нет, но жизнь даёт немало примеров того, как дети талантливых учёных, артистов, музыкантов, обречённые слепо следовать по родительской стезе, оказывались весьма посредственными служителями науки и искусства, испытывая от этого разочарование и душевный разлад. Менять же профессию уже поздно. Да и как менять, когда не выявлены другие склонности и способности?

Не в этом ли драматизм проблемы? Ведь и тот папаша, который пообещал выбить дурь

из головы сына, и мамаша, пророчащая своему ребенку профессию инженера или научного работника, твердо убеждены, что они не враги своим детям и желают им подлинного счастья.

Конечно же, все родители душой болеют за будущее своих детей, но относятся к проблеме выбора детьми профессии поразному. Одни придерживаются позиции невмешательства. Они рассуждают примерно так: «Пусть дети сами выбирают себе дело по душе. Ведь работать придется им, а не нам». Такая «свобода», предоставленная детям, часто приводит к ошибкам, разочарованию в неправильно выбранной профессии. Другие родители убеждены, что вопрос о выборе профессии должны решать только они и ни в коем случае не сами дети. Они полагают, что дети не разбираются в таких сложных вопросах, они мало и плохо знают жизнь. Такие родители идут наперекор профессиональным устремлениям детей, подавляют зародившиеся у них интересы и склонности.

Третью группу составляют те родители, которые выступают в роли тактичных неназойливых советчиков. Они исходят из интересов и способностей детей, прислушиваются к их желаниям и одновременно учитывают потребности общественного производства. Они не только советуют, но и в меру своей компетенции раскрывают содержание рекомендуемой профессии, показывают ее народнохозяйственное значение, рассказывают о путях ее получения. Отношения в таких семьях основываются не на принципе подчинения младшего старшему, а на глубоком взаимном уважении и доверии.

Именно в таких семьях пожелание счастливого будущего своим детям — это не просто красивая фраза. Она наполняется реальным содержанием.

А если всё-таки ошибся?

Но как же всё-таки быть, если выбранная профессия разонравилась? Явление это в какой-то степени правомерное. Гладкие пути к вершинам не ведут. Дорога к мечте не обязательно должна напоминать геометрическую прямую от А до Б. Но следует учесть и такой момент: возникшее разочарование к профессии может быть необоснованным, беспочвенным. Поэтому прежде чем поменять профессию, надо хорошо её познать.

Не у всех молодых людей этот процесс проходит безболезненно. Требуется время, чтобы найти свой собственный ключик к делу, увидеть его радостные стороны, оценить его важность и войти в рабочий ритм, наконец — полюбить. Настоящее увлечение делом, привязанность и преданность профессии проявляются только после самого глубокого проникновения в суть рабочего процесса, в его технологию. Примеров тому немало. Вот что пишет выпускница одного из ПТУ: «Моё отношение к профессии за три года очень изменилось. Когда поступала в училище, профессия эта мне не совсем нравилась, но со временем я изменила своё мнение о ней, тогда, когда самостоятельно сумела на «отлично» изготовить очень нужную деталь и мастер меня похвалил».

Каждый человек, особенно молодой, мечтает

о том, чтобы жизнь его сложилась счастливо. Люди всегда желают друг другу счастья. От чего же оно зависит? Ответ на этот вопрос дал великий русский педагог К. Д. Ушинский: «Если вы удачно выберете труд и вложите в него всю свою душу, то счастье само вас отыщет».

БЫТЬ ХОЗЯИНОМ

тчётно-выборное собрание шло как обычно. Звучали марши, вносили знамёна и произносились речирапорты. Над сценой висел лозунг «Поменьше громких слов, побольше громких дел». Но о делах... не говорили.

В основном подсчитывалось количество заседаний и проведённых мероприятий. В зале, откровенно позёвывая, сидели школьники. На лицах у них было написано равнодушие. Даже слова о самоуправлении, о необходимости его развивать не разбудили интерес у них. Когда мы задали вопрос, что же изменится в их комсомольской организации, то вместо ответа увидели непонимающие взгляды.

Собрание ничего не заронило в души ребят, а ещё раз убедило их в том, что это игра по придуманным кем-то правилам.

В этой игре есть разные роли. Актив делает вид, что переживает за жизнь школы. Учителя делают вид, что предоставляют ребятам самостоятельность, а сидящие в зале делают вид, что верят им. Побывав на таком собрании, которое проходило через два дня после завершения XX съезда ВЛКСМ, задумываешься о том, как трудно рождается в школах и ПТУ то настоящее ученическое самоуправление, о котором так много говорят и пишут.

Годами сложившаяся ориентация на воспитание приспособленчества, которая и сегодня преобладает как в общеобразовательной, так и в профессиональной школе, формировала послушных и пассивных молодых людей. Опрос педагогов школ и училищ показывает, что большинство из них считают главной чертой, которая должна быть у учащихся, дисциплинированность. В то же время на необходимость формировать инициативность и творчество указывают лишь единицы.

Сегодня такой подход к воспитанию молодёжи уже не может удовлетворить общество. Время молчальников и соглашателей прошло. Однако оно оставило глубокие изъяны недоверия и пассивности.

В условиях перестройки общественных отношений, их демократизации нужно сформировать у каждого чувство хозяина, преодолеть то ложное понимание, что «кому-то там виднее» как и что делать, преодолеть явление «долампочкизма», которое породили годы застойного периода. Периода, который не обошёл своей негативной стороной и школу.

Быть хозяином! — сегодня этот призыв из формального в привычном словосочетании

превращается в реальную задачу, которая стоит перед каждым членом нашего общества. Поэтому особое значение приобретает то, чтобы учась в школе или ПТУ, юноши и девушки приобретали бы навыки самоуправления, осознавали бы свою ответственность за свой коллектив, за результаты своей работы.

Как же это сделать?

Несколько лет назад в Татарии был создан лагерь активистов профтехучилищ «Данко». В нём собрались ребята со всех концов республики, чтобы научиться организаторской работе, обменяться опытом. Система работы в лагере была такова, что каждый учащийся чувствовал себя ответственным не только за этот временный коллектив, но и за то, чтобы семена самостоятельности, коллективизма, инициативы дали всходы в дальнейшей работе коллективов профтехучилищ. Через несколько месяцев после завершения работы лагеря мы получили письмо от Фарида М. Он писал, что уехав из лагеря с надеждой совершенно подругому построить комсомольскую работу в училище, он столкнулся с рядом непреодолимых трудностей. Во-первых, педагоги не хотят доверить ребятам самостоятельно организовывать свою работу, во-вторых, сами ребята не проявляют должной инициативы.

Такое положение учителя объясняли тем, что в лагере актива другие условия, да и ребята специально подобранные, а в условиях учебного заведения развивать настоящее самоуправление невозможно.

Несомненно, в лагере есть своя специфика работы. Однако те учащиеся, которые побывали в нём, так верили в возможность переноса

творческого духа лагеря в жизнь коллективов профтехучилищ, так же, как верят в это школьники, побывавшие во Всероссийском лагере «Орлёнок», где в основу воспитательной системы положена коммунарская методика ленинградского учёного И. П. Иванова.

И вера в свои возможности, возможности коллектива реализуется там, где ребята встречают своих единомышленников, там, где педагоги становятся настоящими товарищами своих учеников, там, где есть интересное дело.

Не игра в самоуправление, не временные кампании и не долгие речи с призывами к самостоятельности, а дело и только реальное дело может сформировать у учащихся чувство хозяина, которое так необходимо в условиях демократизации общества.

На заседании совета бригадиров СПТУ-51 спор был горячим. Как повысить продуктивность труда, улучшить качество продукции? Над этим ломали голову не инженеры, не экономисты, а сами учащиеся. В том, что учащиеся справятся с организацией выпуска сложной продукции, сомневались многие педагоги училища. Но всё же было решено доверить важное дело. И результаты превзошли самые смелые ожидания.

А главное — подростки почувствовали себя ответственными за плоды своего труда, за свой коллектив. Возможно впервые в жизни ребята в полной мере ощутили себя самостоятельными.

Созданные в СПТУ-51 комплексные бригады, объединяющие учащихся разных курсов, работают на подряде. Ребята сами планируют, организуют работу, подводят её итоги. На собраниях

обсуждают вклад каждого в производственную деятельность, определяют коэффициент трудового участия. Для учащихся интересно решать сложные производственные проблемы.

Однажды перед советом бригадиров была поставлена задача: выполнить срочный заказ предприятия. Для этого требовалось значительно больше времени, чем было отведено в расписании на производственное обучение. «Раз надо, будем работать поударному», — подытожил результаты всех расчётов Ренат Багаутдинов, один из опытных бригадиров, и ребята трудились даже в выходные дни. Заказ выполнили вовремя. Ребята поверили в свои силы, окрепло в них чувство ответственности за коллектив. Такое чувство появляется у подростков только тогда, когда есть настоящее дело. Это доказывает и опыт работы школы № 2 города Казани. По предложению ребят, высказанном на общем комсомольском собрании, было предложено создать музей выпускников школы. Комитет ВЛКСМ создал инициативную группу, которая стала центром, объединяющим большую группу учеников школы. Дело и только дело должно определять структуру органов самоуправления я в школе, и в ПТУ. Сегодня многие формалисты, пытаясь превратить самоуправление в очередную кампанию, стремятся к созданию как можно большего количества всевозможных советов, штабов, комиссий.

Важно, чтобы создание таких органов не было самоцелью, а отвечало целям и задачам, которые стоят перед ученическим коллективом.

Однажды мы были свидетелями такого разговора.

Классный руководитель, придя после окончания занятий в класс, сказала: «Сейчас мы проведём собрание на тему...»

- А зачем нам его проводить? задал резонный вопрос ктото из учащихся.
  - Мы получили такое указание.

Самоуправление по указанию? Собрание по одной и той же повторяющейся из года в год повестке дня? Не это ли создаёт у ребят равнодушие к общественной работе? И не случайно опрос учащихся показал, что они совершенно не отличают классные и комсомольские собрания, классные часы и пионерские сборы. А на вопрос, какое решение они приняли на этих собраниях? — почти всегда затрудняются ответить. 24 процента опрошенных учащихся ПТУ не смогли ответить, чем занимаются выбранные ими органы самоуправления, а больше половины опрошенных нами председателей учкомов школ города указали на то, что плохо представляют свои права и обязанности. А ведь Антон Семёнович Макаренко подчёркивал, что наличие в коллективе органа самоуправления должно быть для него так важно, что его отсутствие и должно ощущаться коллективом, как недостаток.

Активно действуют органы самоуправления в Нижнекамском СПТУ-44. Как лучше провести свободное время — решают сами ребята. Различные кружки, клубы по интересам возглавляет ученический актив. Популярен у девушек клуб «Подружка». А начинался он так: однажды кто-то из девчат предложил научиться вязать носки. Попробовали — получилось. Дальше — больше. Девочки увлеклись рукоделием, стали осваивать азы домоводства, кулинарии.

А потом на заседании совета клуба родилась идея создать в ПТУ гостиную. Здесь ребята принимают приезжающих к ним родителей, и принимают по всем правилам: в гостиной можно послушать музыку, выпить чаю, перекусить.

Большинство профтехучилищ Нижнекамска, Набережных Челнов, Альметьевска, Лениногорска участвуют в работе социально-педагогических комплексов, комитеты комсомола и ученические профбюро профтехучилищ являются инициаторами создания различных клубов и кружков по месту жительства, оказывают активное содействие в проведении разнообразных праздников в микрорайоне. Расширение прав органов самоуправления укрепляет у ребят веру в свои силы и возможности, развивает инициативу.

Формирование чувства хозяина предусматривает создание обстановки, в которой каждый член коллектива осознаёт ответственность за дела своего коллектива.

В СПТУ № 19 города Казани ребята заявили, что им не нужны скучные, никому не нужные собрания. Комитет ВЛКСМ и ученический профком училища, посоветовавшись с НИИ профтехпедагогики, решили, что надо изменить как содержание, так и форму проведения собраний.

Исходя из того, что активность ребят могут разбудить лишь проблемные вопросы, от решения которых зависит реализация интересов учащихся, одно из собраний прошло с такой повесткой: «Как стать хозяином коллектива?».

Накануне активисты провели опрос учащихся, которым было предложено ответить на

вопрос «Что бы я сделал, если бы был директором ПТУ?». Заранее были вывешены результаты опроса.

С анализом ответов на собрании выступил член комитета ВЛКСМ. Он предложил обсудить наиболее часто повторяющиеся в анкетах ответы. Кроме того, когда началось обсуждение проблемы, каждой учебной группе было предложено в течение нескольких минут подумать и внести предложения по совершенствованию работы коллектива.

На собрании были приняты правила, позволяющие сделать его более конструктивным:

- за решение, которое принимает собрание, отвечает каждый;
  - говорить только правду, невзирая на лица;
  - равнодушие равносильно предательству;
  - нельзя топтаться на месте, нужно идти вперёд.

В результате дискуссии собрание приняло конкретные решения. Одно из них предлагало создать совет управления из педагогов и учащихся.

Для того чтобы сформировать чувство хозяина у каждого учащегося, недостаточно научить их принимать решения на заседаниях, собраниях, совещаниях. Нужно ещё дать им управленческие здания. Комсомольцы объединения «Органический синтез», СПТУ-19, школы № 2 решили создать «Клуб хозяев производства», в котором организовать лекции, встречи, деловые игры, помогающие формировать у учащихся готовность к участию в управленческой деятельности.

Участвуя в работе клуба, ребята узнавали

не только о своих правах и обязанностях, не только обучались навыкам вести дискуссии, принимать управленческие решения, но и знакомились с участием в управлении производством членов трудовых коллективов. На одно из занятий клуба пришли представители всех общественных организаций базового предприятия. Разговор с ними вылился в настоящую пресс-конференцию.

Чтобы быть хозяином, надо научиться считать. И не только учиться, а реально участвовать в решении экономических вопросов школы и профтехучилища. К сожалению, не многие из учащихся знают, сколько стоит их обучение, здание, мебель, как расходуются деньги. Для того чтобы сформировать экономическое мышление, очень важно не просто информировать их об этом, а непосредственно включать в экономическую деятельность.

В СПТУ № 44 города Нижнекамска создано бюро экономического анализа, участвуя в работе которого учащиеся осуществляют поиск более экономного расходования материальных средств. А выпускники училища активно работают в этом направлении на базовом предприятии объединения «Нижнекамскнефтехим».

Все эти перечисленные формы могут иметь воспитательный эффект в том случае, если ребятам доверяют педагоги, если они на равных разговаривают с ними, если вместе решают самые сложные проблемы, стоящие перед коллективом.

В школе № 122 города Казани прошёл необычный педсовет. Учителя и школьники вместе обсуждали проблему — что необходимо сделать, чтобы ребята стали более активными? Это был жаркий опор, но спор на равных. Оля из 10 «А» долго не соглашалась со своим классным руководителем, которая обвинила в пассивности актив класса. Много внесено было предложений. Их обсуждали как педагоги, так и школьники. Голосовали за каждое. И, оказалось, что больше было принято предложений школьников. В школе стало традицией проводить прессконференции, на которых директор и его заместители отвечают на самые «острые» вопросы своих воспитанников.

К сожалению, так обстоят дела далеко не везде. «Не ваше дело», «Не лезьте куда не следует» — такие высказывания часто ещё можно услышать в школах и ПТУ.

Как боятся подчас педагоги, чтобы на собраниях, заседаниях органов самоуправления не коснулись ребята запретной темы — педагогической работы коллектива. На одном из общеучилищных собраний произошло непредвиденное. Обсуждался вопрос об укреплении дисциплины. Не трудно представить традиционный ход этого собрания. Неожиданно он был нарушен выступлением одного из учащихся.

— Мы говорим здесь о дисциплине учащихся,— сказал он,— при этом совершенно не говорим о дисциплине членов педагогического коллектива. А ведь многие из наших мастеров и преподавателей опаздывают на занятия, а некоторые, написав на доске задание, вообще уходят с уроков.

Реакция на такое выступление была, прямо скажем, неоднозначная. Многие учащиеся встретили это выступление с одобрением. Некоторые жалели оратора: «Что с ним теперь будет?»

Неодинаково оценили выступление и педагоги. Большинство увидели в нём вопиющий факт анархизма. А некоторые назвали этот поступок хулиганским.

Когда начали обсуждать вопрос на педагогическом совете, мнения разделились. Педсовет не принял никакого решения. Однако дисциплина педагогов резко повысилась, они стали более добросовестно относиться к своим обязанностям.

Быть хозяином — это значит быть неравнодушным, болеть за дело, быть спокойным.

Сегодня много говорят о самоуправлении. Но проблемы его развития ещё медленно решаются в ученических коллективах. Главной причиной этого является то, что существует предвзятое мнение, что учащиеся не могут самостоятельно решать сложные вопросы жизни, однако там, где это мнение изменилось, где педагоги и учащиеся живут одной семьёй, делая общее дело, успешно вырабатывается чувство хозяина коллектива.

ЖИЗНЕННАЯ ВЫСОТА

(Рассказ о народном учителе СССР Борисе Макшанцеве)

Официально Борис Григорьевич находился в отпуске. Шутка сказать: директор училища пять лет не отдыхал. И как бы ни убеждали его, что трудиться вот так, на износ, неразумно, он уверенно доказывал: иначе нельзя. И не забывал ссылаться на незыблемый для себя авторитет — Антона Семёновича Макаренко, который на вопрос: «Что такое любовь к детям?» — отвечал: «Труд — физический, душевный, какой угодно, но прежде всего труд».

Макшанцева всё-таки уговорили уехать в санаторий. Он выбрал самый ближний — Васильевский. Пять дней Борис Григорьевич кое-как протомился там, а в субботу не выдержал, сел в электричку. И вот его громкий, командирский голос, на всю жизнь поставленный на фронте, когда ему, майору артиллерии, надо было вести корректировку огня, перекричать грохот пушек, разносится по этажам здания СПТУ-33 города Казани. Только сегодня этот голос нескрываемо счастливый, праздничный.

Своей радости Борис Григорьевич и не пытался скрыть: его открытой, прямой натуре претит малейшая фальшь. Увидев в просторном холле красочный поздравительный плакат, остановился как вкопанный и замолчал. Зачем-то погладил сильной рукой неровные буквы, и когда медленно повернулся, чтобы подняться на второй этаж, лицо его было задумчивым, а глаза как-то предательски заблестели. Стол в кабинете был завален телеграммами, письмами. Народного учителя СССР — первого в Татарии среди работников профтехобразования — поздравляли бывшие однополчане, однокурсники, коллеги, друзья. Когда опустели учебные аудитории, кабинеты, мастерские, за окном сгустились сумерки, Борис Григорьевич пересел к небольшому столику, по давней, ещё с госпитальных дней, привычке, скрестил на животе руки, и по беспокойным движениям пальцев заметно было, как нелегко даются ему воспоминания.

Беседовать с Борисом Григорьевичем всегда приятно. Но всегда нелегко заставить его говорить о себе. Об училище, учащихся, коллегах, проблемах профтехобразования, пожалуйста. А о себе... Да он и есть — училище, здесь его жизнь со всеми радостями и заботами.

Но вот Борис Григорьевич прикрыл глаза, крепко сжал беспокойные пальцы, словно ворвались воспоминания о пережитом в скромно обставленный директорский кабинет.

Строго говоря, человек не бескорыстен в труде, поскольку труд оплачивается. Но человек бескорыстен в выборе трудного пути.

А путь Макшанцева в педагогике — не из самых лёгких, и подступ к нему — на фронтовых дорогах. В октябре 1942 года лейтенанта артиллерии Бориса Макшанцева принимали в члены партии. Кандидатскую карточку ему вручали ещё в Сарапульском миномётно-артиллерийском училище. Заявление было коротким: «Хочу идти в бой коммунистом».

И в первом же сражении на Волховском направлении был ранен, к счастью, легко. Из Синявинских осенних болот под Ленинградом попал в весенние под Старой Руссой. А оттуда путь на Орловско-Курскую дугу. Грохот артиллерийских залпов, леденящую душу картину дымящихся пожарищ в фильме «Освобождение» выдерживают далеко не все зрители. Борис Григорьевич, говоря об этой киноэпопее, только усмехается: «Какое там, отдалённо даже не напоминает то, что в действительности происходило под Орлом и Курском». Пылало всё вокруг, утробно ухала земля от взрывов, как будто непрерывно гудели огромные чугунные колокола. Трое суток не спали солдаты, командиры. Свалился капитан Макшанцев ничком на землю в блиндаже, ни команды, ни огня не слыша. К расчёту встал дублёр. Думал Макшанцев, что проспал сутки, оказалось — полчаса. Не успели скорректироваться артиллеристы, как фашистская авиация снова прижала к земле.

Разрывом снаряда сразу вывело из строя командиров полка, дивизиона, батареи. У адъютанта срезало череп. А Макшанцев только успел схватиться за живот и потерял сознание. К счастью, рядом находился полковой

врач, сам довёз до полевого госпиталя. Дежурный хирург, взглянув на раненого воспалёнными глазами, категорически отказался класть его на операционный стол — со времени ранения прошло пять-шесть часов, наверняка начался перитонит. Какая уж операция — не выдержит. Очнулся Макшанцев ночью, окликнул соседей. Молчат. Не помня себя, закричал: «Есть тут кто живой?» В операционной хирург только удивлялся, каким богатырским здоровьем наградила капитана природа. Выдюжил, перенёс сложнейшую операцию.

Но впереди были долгие месяцы в госпиталях разных городов и приговор медиков: инвалид второй группы, к строевой службе не годен. Выдали «белый» аттестат и билет домой. Макшанцев же сел в трофейный «Опель», примчался на нём к друзьям-артиллеристам своего полка.

За форсирование Буга и бои на Львовско-Сандомирском направлении к медали «За боевые заслуги» у капитана Макшанцева прибавился орден Красной Звезды. Но хирурга вспомнить всётаки пришлось, снова угодил Борис Григорьевич в госпиталь. В феврале 1945 года в городе Львове закончилась для него война.

Вернулся к родителям в Чувашию. Поступил в Чебоксарский педагогический институт, тем более, что до войны был учителем физкультуры. Да и врачи посоветовали выбрать профессию поспокойнее, дескать, школа не завод, инвалиду второй группы с детьми будет легче. А через два-три месяца забросил Борис Макшанцев все разумные диеты и с

комсомольским задором окунулся в общественные дела. И в зачётной книжке — только пятёрки,— иначе нельзя, какой же ты студенческий лидер. После окончания вуза ему предложили аспирантуру.

Коммунист Макшанцев предпочёл учёной карьере практическую работу старшего инспектора по делам несовершеннолетних. Скоро назначили директором специального ремесленного училища, а проще говоря — колонии для подростков. Сердце сжималось, стоило взглянуть на эти стриженные под «нуль» головы, не по-детски угрюмые лица. Дети войны, беспризорники, успевшие узнать жизнь не с лучшей стороны...

Вузовская педагогика оживала в конкретных делах. А дела-то поначалу были совсем невесёлыми: в училище верховодили урки, свои порядки установили. Воспитатели давно на всё махнули рукой, даже на линейку не могли построить правонарушителей. «Командовал парадом» здоровенный рецидивист, наводивший страх не только на мальчишек.

— Если Маслова «не сломаю», порядка не наведу,— эта мысль не давала покоя всю ночь.

На вызов директора Маслов демонстративно не являлся. Борис Григорьевич приказал:

— Доставить немедленно в любом виде!

И вот к нему в кабинет... вносят лежащего на кровати лохматого парня, кричащего истошным голосом. Молодой директор даже не взглянул в его сторону. Такого невнимания не могло вынести сердце Мишки. Соскочил с кровати, сделал на ковровой дорожке сальто-мортале, раз, другой, десятый, а Борис

Григорьевич будто и не видит «спектакля». Надоело кривляться Михаилу, потоптался, да и за дверь. Утром явился бузотёр по всей форме: аккуратно одетый, коротко постриженный. Разговор складывался трудно, но, почувствовав искреннюю заинтересованность старшего, младший поведал горькую свою историю. Бравады как не бывало, перед Борисом Григорьевичем сидел обиженный взрослыми большой ребёнок, лишённый с ранних лет родительской заботы, человеческого внимания. Отсюда и пошло утверждение себя с помощью кулака, а хамство, давно замечено, идёт от ущербности личности.

Когда Макшанцева перевели директором Шумерлинского ремесленного училища, готовившего рабочих для мебельной промышленности, жизнь его легче не стала. Снова «трудные», а попросту педагогически запущенные, растущие без родительской любви, дети. Слов нет, доброта необходима каждому педагогу, она нужна ему как воздух, должна быть в ряду его врождённых качеств. Но доброта — понятие с двойным дном, со множеством «но», о которых не вправе забывать воспитатель. Она, доброта, нередко оборачивается равнодушием, терпимостью к недостаткам, педагогической пассивностью.

Борис Григорьевич не приемлет такой облегчённой доброты. Он за активное вмешательство в судьбы подростков, ведь училищу зачастую приходится брать на себя и чисто семейные, родительские обязанности. Формула А. С. Макаренко: «Как можно больше требовательности, как можно больше уважения к человеку» стала педагогическим кредо Макшанцева.

И вывела его к первому успеху — Шумерлинское училище № 6 стало лучшим в стране.

В 1963 году Борис Григорьевич переехал в Казань, попросил самое отстающее училище. В посёлке нефтяников стояли бараки бывшего строительного училища, открытого в годы войны. Вокруг болотистая местность, непролазная весной и осенью грязь. Привести в порядок территорию для опытного директора — не очень сложное дело, ребята-то строителями готовятся стать, надо только их расшевелить, организовать. Асфальт прокладывали сами, голубые ели высадили, газоны, клумбы разбили.

А Макшанцеву этого было мало, он ходил из кабинета в кабинет, доказывал, убеждал, что надо строить настоящие помещения, да не просто учебный корпус, а целый комплекс. На столе у него появился перспективный план развития среднего профтехучилища. Кое-кто над ним посмеивался, мечтателем окрестили, мол, куда замахнулся, в стране-то всего несколько средних ПТУ, в Казани ещё ни одного нет, а он из бараков не выбрался, а прожектёрствует...

Понимал Борис Григорьевич, что одному, без поддержки инженерно-педагогического коллектива, не выдюжить. А настоящего коллектива единомышленников пока не было. Вроде бы добросовестно работают мастера производственного обучения, преподаватели, но были они разобщены, инертны. Много молодых, только что пришедших из индустриально-педагогического техникума. С одним из них даже вышел конфуз.

Заходит как-то Макшанцев в столовую. У входа стоит паренёк с повязкой дежурного на голой руке.

- Это что ещё за маскарад? спрашивает директор.
- Жара ведь, Борис Григорьевич, а тут ещё кухня. А вы разве меня не узнаёте? Я же Анатолий Максимов, второй день работаю...

Теперь смутился директор. Как же это он не узнал одного из лучших выпускников Шумерлинского училища, которого сам уговорил поступить в индустриально-педагогический техникум!

— Очень уж молодо вы выглядите, — признался Макшанцев.

Забежим вперёд. Мастер производственного обучения Максимов, по совету директора, заочно закончит финансовоэкономический институт, станет преподавателем спецдисциплины. Коммунисты изберут его секретарём партбюро. Ещё пятеро братьев и сестёр Максимовых получат дипломы об окончании СТПУ-33, а Павел, как и старший Анатолий,— диплом Шумерлинского училища.

Другой мастер — краснодеревщик Геннадий Михайлович Городецкий — поразил неукротимой энергией. В группе штукатуров-маляров заприметил Катю Лысову. Шустрая девчонка, работает — залюбуешься. Получит диплом, надо обязательно направить её в индустриально-педагогический техникум, есть у неё учительская жилка. Пройдут годы, в группу Екатерины Дмитриевны Лысовой-Жирновой придёт сестра Галя, окончат училище и братья Владимир и Виктор.

Трудовая биография Владимира Дмитриевича

Фирсова начиналась в стенах ФЗО. Отличника учёбы направили в индустриально-педагогический техникум. Служил в армии, писал солдатские письма преподавателям, теперь сам получает их пачками. От него директор услышал:

— Самое главное, самое тонкое, что есть в искусстве воспитания, это добиться того, чтобы подросток стыдился праздности, презирал, ненавидел лень. Он должен видеть результаты своего труда, тогда постепенно и придёт к человеку понимание того, на что он способен.

Что ученики Владимира Дмитриевича способны на многое, подтверждает судьба одного из них (а таких — множество). Муддарис Файзрахманович Файзрахманов теперь не только коллега Фирсова, но и руководит всем корпусом мастеров производственного обучения, человек творческий и очень сердечный.

Так вот они — золотые россыпи педагогического опыта, черпай пригоршней, да в общую копилку, в общее дело. С такими людьми и горы своротить можно.

Строительную площадку для нового училищного комплекса отвели среди красноствольных сосен, на окраине посёлка Дербышки. Путь от посёлка нефтяников не близкий. Но директор сумел убедить мастеров производственного обучения, преподавателей, и они, закончив занятия, вместе с учащимися отправлялись на другой конец города, работали при свете автомобильных фар. Изо дня в день, не зная выходных — три года! Последним с объекта уходил Макшанцев.

А сколько оказалось непредвиденных трудностей,

это ведь легко сказать, дескать, училище-то базовое стройтреста № 2, кому-кому, а своему-то учебному заведению помогут в первую очередь. Выходило как раз наоборот — объект не производственного профиля, учились двадцать лет в бараках, подождут. И здесь коллектив училища в полной мере оценил организаторский дар директора. Одержимость, преданность делу, волевой, строгий характер, государственный ум и дальновидность Бориса Григорьевича воспитывали и преподавателей, и учащихся лучше любых призывов.

Активное участие в создании материально-технической базы училища и оказалось той прочной основой, которая объединила преподавателей, мастеров производственного обучения и учащихся в слаженный, сильный, дружный коллектив единомышленников.

В 1978 году СПТУ-33 было удостоено премии Ленинского комсомола за большую работу по подготовке и коммунистическому воспитанию молодой смены рабочего класса. Тогда в стране насчитывалось свыше 6,5 тысячи ПТУ, лауреатов же — всего двенадцать, в том числе — единственное училище из нашей республики.

Если же коротко расшифровать эту высокую награду, то добился её инженерно-педагогический коллектив училища тем, что очень умело и последовательно проводит в жизнь ленинский принцип соединения обучения с производительным трудом.

Диплом лауреата училищу вручали во Дворце культуры строителей. В зале рядом с учащимися сидели те, кто возводил это красивое здание,

в большинстве — бывшие воспитанники ОПТУ. Вот сидят рядом два заслуженных строителя ТАССР — мастер производственного обучения СПТУ-33 Геннадий Андреевич Голяков и его бывший ученик, теперь кадровый рабочий треста Михаил Васильевич Железнов.

В память врезалось ответное слово Бориса Григорьевича. Получив красную папку диплома лауреата премии Ленинского комсомола, он сказал:

— Какое это большое счастье вносить свою лепту в рождение нового, коммунистического завтра.

Каждого, кто переступает порог СПТУ-33, радует образцовый порядок во всём, высокая эстетическая культура отделки интерьеров, будь то холлы, напоминающие оранжереи, кабинеты, производственные мастерские, комнаты общежития или столовая.

Как-то пригласили сюда ректоров казанских вузов. Шумно, по-студенчески восхищались они кабинетом технического черчения, столярной мастерской. В кабинете литературы с полукруглыми столами, отделанными голубым пластиком, радовала глаз настенная роспись, отважный Данко, смелый Буревестник, гордый Сокол. На белой доске цветным фломастером выведен увеличенный автограф Павла Поповича. Космонавт, получивший в юности профессию столяра, писал: «Учиться, ребята, надо прилежно. Добро?»

Когда в Казани проходила II Всесоюзная конференция по научной организации труда в системе профтехобразования, училище произвело огромное впечатление на всех побывавших здесь участников.

— Да, восхищаются все, но как ни парадоксально звучит, это оборачивается против нас,— не без горечи сказал Борис Григорьевич.— Сколько слышим нареканий от пап и мам: «У вас ребята слишком много работают». «Конечно,— отвечаю,— ведь мы строителей готовим, не побежишь же в Госкомитет по профтехобразованию просить ремонтную бригаду, мы должны содержать здания в порядке своими силами. Да ещё новый учебнолабораторный корпус строим...»

К посетителям в училище привыкли, полы ребята драят не под праздники, а ежедневно, во всём безукоризненный порядок, полное самообслуживание. Действительно, много работают здесь ребята, но ведь в такой занятости великий смысл. Через постижение ремесла в учебных мастерских, через первые успехи в трудовом обучении рождается интерес к общеобразовательным предметам, у многих подростков растраченный ещё в школе.

Среднее образование стало всеобщим, обрело силу закона. А в кабинете Макшанцева происходят и такие сценки.

Наш разговор прервала посетительница. С грохотом распахнув дверь, женщина средних лет закричала с порога:

— Почему моей дочери документы не отдаёте? Я переведу её в учебный заводской комбинат.

Директор просит секретаря отключить телефон, усаживает посетительницу, молча смотрит, как дрожит стакан с водой в тяжёлой рабочей руке. Разговор поначалу уходит

куда-то в сторону, о детях, муже, семье, о работе матери, квартире. Выясняется, что в доме — материальный достаток. В училище дочка поступила по совету учителя рисования — она хочет стать альфрейщицей (непонятное слово женщина произносит, заглядывая в бумажку).

- A зачем вы хотите поломать её судьбу? спрашивает Макшанцев.
- Да соседский Витька хвастался, что в комбинате стипендию дают, 80 рублей в месяц. А у вас...
- А у нас,— парирует Борис Григорьевич,— ваша дочка на полном государственном обеспечении: кормим три раза в день, хорошо кормим, загляните в столовую, одеваем, а нуждающихся обеспечиваем и местом в общежитии. Прибавьте всё это к стипендии, разве не все восемьдесят рублей получатся.

Женшина молчит.

— А если ваш Витька с первой же стипендии пьяным домой придёт? Как быть? Там, в комбинате, нет мастеров производственного обучения, всегда ли может правильно распорядиться и деньгами, и свободой пятнадцатилетний подросток?

Женщина молча поднимается, не прощаясь, выходит из кабинета. Борис Григорьевич отправляется к Геннадию Михайловичу. Крепкая дружба связывает этих людей, которой не мешает значительная разница в возрасте. Городецкий во многом обязан директору, по его совету закончил институт, вырос до заместителя директора. Работают они удивительно слаженно. Крепко уважает своего

помощника Макшанцев, ценит его незаурядные педагогические способности, цепкий ум, сердечность.

— Да не расстраивайтесь так, Борис Григорьевич, не заберёт Наташа документы, я же её знаю, она в 22-й школе училась,— успокаивает директора Городецкий.

Да, школу он знает. Сидит как-то на классном родительском собрании, смотрит на других отцов, которым тоже не по себе от выговоров учительницы за двойки и тройки, и вдруг не выдерживает, просит слово — за живое задело его, когда классная руководительница заявила, что нерадивым ученикам, место только в ПТУ.

— А сами вы там бывали? — спросил Геннадий Михайлович.— Нет? Тогда зачем такие несправедливые слова? Приходите к нам в училище, всех приглашаю,— обратился он к родителям.

Пришли многие, а сын Городецкого Юра сказал: «После восьмилетки поступать буду только в ПТУ».

Юра Городецкий успешно закончил отделение столяракраснодеревщика. Строительную профессию получила и дочь Геннадия Михайловича.

Что касается Наташи Д., то она не рассталась с училищем, встреча матери с директором погасила семейный разлад.

Случается, что дети оказываются умнее и дальновиднее родителей. В потребительстве приходится порой упрекать не детей, а взрослых. Нет для Макшанцева страшнее слова, чем потребительство, пресловутое: «Дай, дай, дай». Ох уж эта сиюминутная выгода, мещанская психология,

как живучи её корни. Не в пример матери Наташи известный татарский писатель Тариф Ахунов гордится, что его дочь окончила СПТУ-33, стала альфрейщицей — мастером по росписи интерьеров.

Что значат все эти пресловутые разговоры о непрестижности профессии строителя? Люди забывают, что плохих профессий не бывает, есть только нелюбимые, и это беда, если приходится всю жизнь заниматься работой, которая не даёт человеку в полной мере раскрыть заложенные в нём природные способности, максимально использовать полученные знания.

У Макшанцева другая жизненная философия. «Надо чтобы человек нашёл своё дело, а дело нашло человека. Человек, если его умно и душевно настроить, сделать может очень много, даже свыше своих сил». Да, в СПТУ-33 все работают очень много, воспитатели нагружены что называется сверх меры, никаких ссылок на объективные трудности, никаких «от сих до сих» директор не признаёт. Но его требовательность идёт от понимания того, что каждый может сделать больше и лучше.

И тем не менее на протяжении последних 24 лет коллектив стабилен. Уходят или на пенсию, или из-за переезда в другой город. В чём секрет стиля руководства Макшанцева?— с этим вопросом обратилась к преподавателям и мастерам.

— С Борисом Григорьевичем интересно работать, он всегда на гребне нового, скажем, какая-то проблема в педагогике только прогнозируется,

она ещё в зародыше, а директор уже закладывает её в учебный процесс.

— Новатор, пристально следит за передовым педагогическим опытом, о всех новинках методики, рекомендациях, услышанных на всесоюзных, республиканских совещаниях, обязательно расскажет, позаботится, чтобы каждый преподаватель, мастер ознакомился с ними, приложит все силы для внедрения.

Мы говорили о том, что самое ненавистное слово для Макшанцева — «потребительство». К нему надо добавить ещё одно: «формализм». Поясним. Когда училище стало средним, резко ухудшились дела с набором. Кажется, перепробовали всё: наладили самую тесную связь со школами, профориентацию начали проводить с шестиклассниками, в учебных заведениях Советского района провели свыше тысячи бесед, широко открыли двери своих первоклассных мастерских. Словом, использовали все доступные средства профориентации. А городские ребята с большой неохотой шли в училище. Да если честно разобраться, кому хочется учиться на каменщика три года, достаточно ведь и нескольких месяцев.

Борис Григорьевич поставил перед коллективом новую задачу: перейти к подготовке строителей широкого профиля. Скажем, каменщик, монтажник железобетонных конструкций, сварщик. Или маляр-штукатур, облицовщик-плиточник-отделочник. Или альфрейщик-маляр. В Арске открыли филиал училища: теоретическая подготовка — на основной базе, в районе — практическая, на объектах Агропрома. Построили там общежитие.

Три года существует такая форма обучения и вполне себя оправлывает.

— Крепко помогли нам Арский райком партии и базовый стройтрест № 2,— говорит Макшанцев.— В таких условиях ребята быстрее становятся самостоятельными, а это очень важно для современной молодёжи, ускорения её трудового и нравственного становления. Или ещё один аспект проблемы: закрепление кадров строителей. Если посмотреть в том же тресте № 2, кем работают вчерашние армейцы, грамотные, двадцатилетние мужчины? На подсобке, конечно, долго не продержатся. А мы уже обкатали этот вопрос: в Арском филиале за 2,5 месяца они получают теоретические знания, необходимые каменщикам, под руководством мастера производственного обучения, столько же времени под наблюдением наставников из ПМК проходят практические занятия — и готова строительная бригада для колхоза. И ещё одна польза: надобность в шабашниках отпадает.

Так что к реформе профессиональной школы в СПТУ-33 были готовы заранее, собственно, она возникла на базе передовых училищ, где умеют смотреть вперёд, жить не только сегодняшним, но и завтрашним днём. Здесь смело идут на производство, и там активно себя проявляют.

Первого сентября 1986 года вступил в строй новый четырёхэтажный учебно-лабораторный корпус училища. Тридцать новых кабинетов, часть которых будет работать по цеховому принципу, на промышленной основе, где учащиеся будут изготовлять реальной продукции на 50 тысяч рублей в год. ...Не секрет, что мастерам производственного обучения бывшие воспитанники пишут чаще, чем директорам. Бориса Григорьевича вниманием не обходят.

«Здравствуйте, дорогой Борис Григорьевич! Сколько я Вам доставил огорчений! Вы простите меня, Борис Григорьевич! Я давно отличник боевой подготовки, передовик учёбы, имею множество поощрений со стороны командования. Я Вас не подведу. Вы мне отец. Разве можно забыть, как поздравили меня с 18-летием. До сих пор помню тот день, когда Вы с тётей Соней вошли в зал и вручили мне подарок и большой пирог. Мой батя, когда вспоминаю Вас, вспоминаю добро, которое Вы для меня сделали, появляются слёзы на глазах. Только берегите себя. И пишите мне, хотя понимаю, что Вам некогда, но хоть несколько строчек... Я все Ваши письма берегу».

Эх, Витя, Витя, разве могут беречь себя такие люди, как Борис Григорьевич. Очень ты порадовал его своим письмом. Ради таких минут и стоит педагогу жить на свете, отдавать день за днём, год за годом благородному делу образования и воспитания всё, чему научился сам. Мальчишка вырос в соседней школечитернате, отец определил его туда и счёл свои родительские обязанности исчерпанными. В СПТУ только и было слышно:

— Опять этот Егоров набедокурил, сладу с ним никакого.

До выпуска Виктора довели, Макшанцев сам написал ему характеристику в военное строительное училище, свято веря, что выправится парнишка. Приезжал Виктор в отпуск,

вырос, похорошел до неузнаваемости, а главное — сколько доброты, сердечности в нём, сколько чувства признательности. Вот такие пареньки, лишённые отцовской, материнской ласки, навсегда привязываются к своим воспитателям, их сердца переполнены таким зарядом благодарности, какого не встретить у ребят из семей благополучных. Таких пареньков потребителями никак не назовёшь.

Около 13 тысяч путёвок в рабочую жизнь подписал директор СПТУ-33 Борис Григорьевич Макшанцев, ныне директор института повышения квалификации руководящих работников и специалистов профтехобразования, народный учитель СССР, заслуженный учитель профтехобразования РСФСР, кавалер орденов Великой Отечественной войны I степени, Красной Звезды, Октябрьской Революции, участник Великой Отечественной войны, посвятивший свою мирную жизнь самой мирной профессии на земле.

ПОЭЗИЯ ПЕДАГОГИКИ

Кажется, обычное дело: старшекурсники индустриальнопедагогического техникума приходят на практику в профтехучилища. Обычное дело, когда наставник щедро делится своим опытом, не утаивая секретов мастерства, ибо он кровно заинтересован в том, чтобы в коллектив ОПТУ приходили люди, горячо любящие дело, которому он, мастер производственного обучения, посвятил жизнь. Но как же надо запасть в душу практиканту, чтобы свою дипломную работу он написал о наставнике. С таким дипломом я столкнулась, когда в годы учёбы в аспирантуре проводила педагогический эксперимент.

Геннадий Андреевич Голяков. Высокий, худощавый, с застенчивой улыбкой и мягким взглядом. Воплощение самой сердечности — ни окрика, ни грубого слова, предельно ровное, уважительное отношение ко всем — и к коллегам, и к учащимся, вплоть до последнего лодыря и забияки. У него такой принцип: на уроках мастер должен быть строгим и требовательным, после уроков дистанция между ним и учащимся сокращается до минимума.

И ещё: «Не жалейте своего времени и как можно больше его отдавайте ученикам».

Вроде бы азбучные истины педагогики, он, мастер, общается с учащимися постоянно — в учебной мастерской, на производственной

практике, в общежитии, во внеурочное время на различных мероприятиях. Он имеет возможность глубоко и всесторонне изучить своих воспитанников — их интересы и склонности, нравственные и волевые качества, способности, взаимоотношения друг с другом. Он даже нечто вроде няньки, ведь в ПТУ учатся подростки самого сложного переломного возраста — 15-17 лет. Это возраст становления личности, выработки характера, поисков себя, нравственных идеалов, самоутверждения, возраст повышенной нервной эмоциональной возбудимости.

Он, мастер, вместе с преподавателями общеобразовательных и специальных дисциплин призван создать коллектив группы и воздействуя через него воспитать из каждого учащегося высоко-квалифицированного рабочего, образованного, с широким кругозором, культурного советского человека с передовым марксистско-ленинским мировоззрением, горячего патриота Родины, интернационалиста.

Но пока они такие разные, пришедшие из разных школ, и далеко не ангелы, у некоторых характеристика — хуже некуда. Вспоминает Геннадий Андреевич свою преддипломную практику в училище. Мастер-наставник пожаловался ему, что Володя Михеев уже восемь месяцев не был на занятиях.— Как? — не понял Голяков.— Совсем не приходит в училище? Тяжело болен?

— Да не знаю,— отвечает мастер группы.— Мальчишка живёт в Борисково, ехать туда далековато.

Геннадий Андреевич, ничего не сказав своему руководителю педпрактики, в тот же

вечер отправился в посёлок Борисково. Разыскал дом, познакомился с пареньком. Славный такой на вид. Разговор вёл о том, о сём, чтобы не спугнуть. Нотациями ему, видимо, и в училище, и дома надоели. Во вторую встречу Голяков выяснил, что Володя плохо усваивал учебный материал, стыдился признаться мастеру. Раз не пришёл на занятия — никто не заметил, другой — вроде бы так и надо. И пошло-поехало. Утром собирает портфель, а сам: вместо занятий — в кино или на берег Волги. И не заметил, что учебный год подходит к концу.

Геннадию Андреевичу удалось убедить подростка, что ему надо закончить училище, получить профессию. И предложил помощь: Володя каждый вечер стал приезжать в общежитие индустриально-педагогического техникума, где учился Голяков. С гордостью показывал ему аудитории, кабинеты. А в воскресенье съездили на лыжные соревнования в Юдино. И занимались, занимались, стараясь ликвидировать «белые пятна» в Володиных познаниях.

На всю жизнь запомнил Геннадий Андреевич, как снова появился в училище Володя. Собралась вся группа. А он стоял перед товарищами и, то краснея, то заикаясь, рассказывал всё без утайки (как договорились с Поляковым) о малодушии, слабой воле. Прощения у товарищей попросил твёрдым голосом, обещая, что постарается догнать. И догнал, активно включился в общественную работу, ему доверили оформление стенгазеты — Володя хорошо рисовал.

— Из-за этой стенгазеты произошёл досадный

казус, — рассказывал Голяков. — Возвращаюсь как-то поздно в общежитие, а у подъезда стоит Володя. Замёрзший, весь в инее...

- Ты что здесь делаешь?
- Вас дожидаюсь, Геннадий Андреевич. Хотел пригласить в кино,— протянул он билеты.— Да они уже пропали. Опоздали.
- В кино мы с ним ходили потом много раз, а в тот вечер он задержался в училище, готовил стенгазету, увлёкся. Счастливые ведь часов не наблюдают.

Доверие. Взаимопонимание и взаимоуважение. Тоже азбучные истины педагогики. А для Голякова — это профессиональное кредо и в то же время поэзия его труда.

Если бы не поверил ему тогда Володя, смог ли бы он, мастерпрактикант, одержать свою первую победу на трудном педагогическом поприще? Да, не пожалел своего времени студент Голяков, сумел убедить подростка, и вот Владимир Михеев получает диплом об окончании училища, рабочую путёвку. В строительный трест № 2 Казани пришёл ещё один каменщик, человек самой мирной профессии на земле.

О своих учениках Геннадий Андреевич может рассказывать бесконечно. Удивительная память. А впрочем, надо ли удивляться, ведь это свойство каждого настоящего педагога — жить делами своих учеников, радоваться вместе и горести делить пополам. У Голякова имеются все необходимые сведения о семье каждого учащегося, он знает, где работают родители, какие взаимоотношения между взрослыми, ведь семейный микроклимат вырабатывает

нравственный облик подростка, здесь закладываются первичные понятия честности и чести, порядочности, ответственности и долга. Но нелегко складываются отношения мастера производственного обучения с семьёй.

Николай Ф. очень упрям, внешне неаккуратен, вступает в пререкания со старшими, старается всячески подчинить себе коллектив группы. Геннадий Андреевич познакомился с семьёй — безотцовщина. Мать во всём потакает сыну, к воспитателям настроена агрессивно, грубо заявляет:

— Это ваша работа — детей наших учить, деньги за это получаете.

Подросток сидит здесь же, в комнате, видит, как подавлен и смущён мастер, и внутренне торжествует победу. Ещё бы: за его спиной — мать! Только невдомёк родительнице, чем может обернуться её слепая любовь к сыну. Не пройдёт и двух-трёх месяцев, как она прибежит в училище, не скрывая синяков, которые наставил её обожаемый сыночек. Как поступить мастеру? Экстренное собрание в группе. Пусть товарищи дадут оценку поведению Николая Ф. Геннадий Андреевич сидит за задней партой, мысленно повторяя слова А. С. Макаренко: «Ни один проступок воспитанников не должен быть незамеченным. Все нарушения должны регистрироваться и быть предметом обсуждения в группе».

Ребята выступают гневно, нелицеприятно.

- Поднять руку на мать? Это же позор!
- Николаю не место в нашем коллективе! Страсти накалились, домашнему хулигану припоминают все его проступки ведь он оскорблял чуть ли не каждого, пытаясь верховодить в

группе. Тогда поднимается Голяков. Непривычно сдержан и холоден. И спрашивает, обращаясь к ребятам:

— А вы подумали, куда Николай пойдёт? Ах, куда угодно? Да, это проще всего! Зачем возиться, мы — чистенькие, пачкать рук не желаем. А у Николая нет отца, который научил бы его уму-разуму, бесхарактерная мать только портит своими потаканиями. Он и верховодить-то пытался только потому, что ни трудолюбием, ни знаниями похвастаться не может, а вы испугались его кулаков (они, действительно, как чугунные), а теперь рады расквитаться за всё сразу.

Нет, не сразу сдалась группа, очень уж надоел Николай своей грубостью, хамством. Объявили ему бойкот, демонстративно не замечая его ни на занятиях, ни на перемене. «Не сломался бы парень окончательно»,— тревожился Геннадий Андреевич. К удивлению, упрямство Николая в этот раз сыграло добрую службу: он вёл себя послушно, даже готовил домашние уроки, преподаватели спецдисциплин и общеобразовательных предметов не скрывали радости и... недоумения. А однажды подошёл к мастеру и, пряча слёзы, сказал:

— Геннадий Андреевич, соберите группу, я расскажу, как просил прощения у мамы, как ей помогаю по дому. И у ребят прощения попрошу. Только пусть не молчат, пусть не презирают. Я сам во всём виноват.

Голяков твёрдо убеждён, что ребят плохих нет. У каждого непременно есть хорошие черты. Только надо их увидеть, вовремя раскрыть. Трудные подростки обычно не верят

взрослым, но внутренне все они жаждут встречи с человеком, которому можно во всём открыться, чтобы получить поддержку, совет. Подросток упорно ищет такого человека. И здесь роль мастера очень велика. Требовательное, но высокогуманное отношение к трудным ребятам приводит к тому, что они начинают верить взрослым, прислушиваться к ним. Тогда стремление подростков к самостоятельности идёт по верному руслу.

Как-то в училище произошло ЧП. В столовой на пожилого преподавателя налетел пьяный хулиган. Здоровенный верзила, безобразно ругаясь, схватил за шиворот учителя и занёс было кулак над его головой.

И вдруг из-за стола, как кошка, выпрыгнул Мансур Д. и сбил хулигана с ног. Вызвали милицию. А когда отъехала машина и всеобщее возбуждение улеглось, преподаватели и мастера долго говорили о Мансуре. Вот они, загадки воспитания.

— Я его вором как-то назвала,— со смущением призналась одна преподавательница.

Другая с горечью заметила:

— Не могу себе простить, что недолюбливала Мансура, он казался мне неискренним.

Только для Геннадия Андреевича поступок Мансура был закономерным развитием его характера. Мальчик рос в неблагополучной семье. Родители не стеснялись выяснять свои отношения при детях. Пьяный отец избивал мать. Мансур, как и другие его братья и сёстры, был предоставлен самому себе. Ходил оборванный, иногда — голодный. В школе учился плохо. Жалела мальчика только бабушка, но пассивно, молча, как и мать, вынося

грубость, хамство своего сына. Неудивительно, что Мансур не уважал не только родителей, но и бабушку, и даже поколачивал старушку.

Зато очень активно занимался воспитанием Мансура настоящий вор. Этот Павлик организовал группу ребят, которые под его водительством совершали набеги то на один киоск, то на другой. Дело дошло до того, что они забрались в отделение милиции и похитили оружие. Всех их поймали, осудили, отправили в тюрьму, а Мансура отпустили на поруки. И вот он появляется в училище с... хорошей характеристикой.

Геннадий Андреевич сразу понял, что подростка что-то томит: был он замкнутым, ни с кем не дружил. Однажды появился на занятиях пьяным. На другой день заболел. Голяков отправился к нему домой. Как ни в чём не бывало, приветливо улыбаясь, разложил гостинцы: варенье, вафли, печенье, яблоки, бутылку фруктовой воды. Мансур взглянул на дары мастера, отвернулся к стене и... громко заплакал. Потом успокоился и рассказал, что Павлик через товарищей грозил ему, Мансуру, расправой, как только выйдет на волю.

— А ты не бойся, это он тебя запугивает, держись спокойно, у тебя же есть товарищи в училище. Надо быть поближе к хорошим людям, верить им,— горячо говорил Геннадий Андреевич, угощая Мансура сладостями.

Растирая слёзы, мальчишка с явным удовольствием уплетал гостинцы мастера, успокаивался. Они ещё долго разговаривали, ведь подростку так надо было открыть душу, поделиться наболевшим. Возвращался Голяков

домой огорчённым, размышляя, как легко обидеть мальчишку, назвав его в сердцах «хулиганом», «вором». То нам некогда, то оборвём, не дослушав, то накажем, не задумываясь о последствиях. А подросток — живой человек. Ему так много хочется, но многое, многое он ещё не знает. Тот, что посмелее, спросит преподавателя, мастера, а другой промолчит, замкнётся в себе и убежит. Куда и зачем — об этом ночью будешь ломать голову. Значит, надо быть предельно внимательным наставником, выявлять таких учеников и работать с ними индивидуально.

Голяков считает, что прежде всего надо спрашивать с себя. Взрослые часто забывают, что подросток — это не просто переходная стадия от детства к юности, это человек с обострённым, гипертрофированным самолюбием. Не подавлять, не играть на его самолюбии, а считаться с ним, искать такие пути воздействия на воспитуемого, чтобы выявить положительные качества, всемерно развивать их, тем самым способствуя становлению полноценной, здоровой физически и нравственно личности.

Видеть личность. В каждом, в любом коллективе. Ещё один воспитательный метод мастера производственного обучения Голякова. Он избегает взыскания с целой группы, так как это только объединяет нарушителей. Геннадий Андреевич за то, чтобы наказывать только виновного. Вообще он старается наказывать как можно реже, только в том случае, когда без взыскания нельзя обойтись, когда оно поддерживается группой. Наказал ученика, а через час разговаривает с ним,

как ни в чём ни бывало, чтобы не копились в душе подростка раздражение, обида. Если же нарушение оставить без внимания, то это уже первый шаг к всепрощению, а отсюда и рукой подать до вседозволенности. И не только для одного провинившегося, а для всей группы.

Многолетний опыт Геннадия Андреевича показал, что самой страшной проблемой в работе мастера с группой и даже с отдельным учеником является то, когда возникает конфликт между воспитателем и группой или даже одним её членом. Правда, подобные факты происходят только с мастерами, которые слабо подготовлены или не имеют авторитета среди своих питомцев. Особенно отрицательно сказываются подобные ситуации на трудных учащихся.

Голяков очень не любит конфликтов, старательно избегает их, умея понять и простить, не заметить мелочей и, конечно, начисто отрицает он так называемую «диктатуру пустяков», когда старший, даже осознавая свою неправоту, пытается любой ценой отстоять свою точку зрения. Мастеру производственного обучения ни в коем случае нельзя быть диктатором, грубияном, рвачом — самой профессией противопоказаны все эти качества.

Гораздо большую пользу приносят своевременное поощрение и одобрение, вот почему Геннадий Андреевич не сторонник педагогики запрета, справедливо считая, что педагогически запущенные подростки привыкли к наказаниям, а им так хочется, чтобы их похвалили. Хотя бы за то, что сегодня неисправимый лодырь не сбежал в кино, старательно

работал в мастерской. Укладывая кирпич к кирпичу, раствора на мастерок взял ровно столько, чтобы не растёкся он «усами» по всей кладке. В такие моменты надо обязательно остановиться, заметить, похвалить, обратить внимание всей группы. Похвала мастера полезнее любой грамоты, вручённой в торжественной обстановке.

Пока мы говорили о нравственных аспектах воспитания трудных подростков, о психологическом воздействии мастера. Теперь поговорим о приобщении к труду в учебном процессе.

Учебная мастерская каменщиков. Геннадий Андреевич с большой любовью оборудовал её, это строительная площадка в миниатюре. Только отличается она обилием цветов. Правда, ухаживать за ними труднее, в мастерской ребята работают с настоящими кирпичами, цементом и глиной. Кирпич к кирпичику, никакой халтуры. Устают к концу занятий. А как же, без труда не выловишь и рыбку из пруда,— подшучивает Голяков, переходя от одной группы учащихся к другой.

Незаметно останавливается за спиной Карташова. Ох и нерасторопный парнишка! Что это? Свойство врождённого темперамента или заурядная безответственность? Мальчишка всегда какой-то вялый, скучный. На откровенный разговор не идёт, в группе держится особняком. Во время производственной практики работать пришлось на седьмом этаже, под крышей. Объём кирпичной кладки очень большой. В помощь дали два кранапионера. Группа приехала на стройплощадку, встали на рабочие места, и выяснилось, что краны

не работают. Геннадий Андреевич пошёл в прорабскую, где ему спокойно пояснили, что электрик — один на десяток объектов. Так что им остаётся сидеть и ждать у моря погоды. Как сказать об этом ученикам, если вчера на занятиях толковал о производительности труда, экономии времени?

Ребята заметили подавленность мастера. Неожиданно для него Карташов говорит:

— Геннадий Андреевич, у нас в колхозе тоже были такие краны. Давайте вместе проверим подводку.

Вдвоём, мастер и ученик, начали исследовать подводящие провода и в одном месте нашли порыв. Выключили рубильник, соединили провода.

— Ай да Карташов,— похвалил Голяков ученика в группе.— Светлая голова; и об общем деле беспокоится.

Вот и решение загадки: темперамент или лень? Просто парень считал занятия в учебной мастерской бирюльками, жаждал настоящего дела. Впоследствии он работал на подъёмнике, кране — шёл ему девятнадцатый год, поэтому ему разрешили учиться на специальных курсах.

Для Голякова весь учебный, воспитательный процесс пронизан главной мыслью — это рабочие, уже в стенах училища выполняющие государственный план, его срыв недопустим. Разболтанность, бесхозяйственность, брак должны встречать в профтехучилищах такую же бескомпромиссную оценку, как в рабочем строительном коллективе.

Не секрет, что в жизни на строительных объектах приходится сталкиваться и с негативными явлениями.

Как сделать так, чтобы учащиеся уже в стенах училища научились с ними бороться? Антон Семёнович Макаренко называл традиции рычагами воспитания. У СПТУ-33 они очень крепкие — это связь с выпускниками, большинство которых работают в тресте № 2 Главтатстроя. Вот и старается Голяков определять к ним на практику учащихся. Скажем, к Герою Социалистического Труда Каримулле Хакимовичу Ибатуллину. Выпускник СПТУ-33, поддерживающий тесную связь с учебным заведением, он внимательно следит за его работой, судьбой воспитанников и очень ответственно относится к любым встречам с учащимися: одно дело приехать званым гостем в училище, другое — обычная трудовая обстановка, непосредственно на рабочем месте. Рабочее время идёт только на работу. Бригадир умеет, не унижая самолюбия, показать правильные приёмы труда, но так, что неопытный новичок не только быстро понимает, но ещё при этом думает, что все эти секреты он сам открыл.

Сотни учащихся прошли в бригаде Ибатуллина университеты каменной кладки. Встреча с передовиками строек такого ранга, как Ибатуллин, имеет большой нравственный заряд, пробуждает не только интерес к будущей профессии, но и воспитывает чувство ответственности, осознание социальной и нравственной значимости профессии строителя. Каримулла Хакимович, бесспорно, наделён педагогическим даром. С мастером Голяковым его роднит такое же деликатное, бережное отношение к рабочей смене.

Или бригадир Борис Васильевич Железнов — заслуженный

строитель ТАССР. Ученик Геннадия Андреевича. С удовольствием принимает его группы на практику, зная, как дисциплинированны ребята. А если у кого будут сбои, вместе помогут выправиться.

Геннадий Андреевич Голяков — заслуженный строитель ТАССР. Он единственный мастер производственного обучения в республике, который имеет это звание. Хотелось бы, чтобы его опыт стал достоянием всех наставников молодёжи.

НЕТ ТРУДНЫХ ПОДРОСТКОВ

ним можно говорить о проблемах воспитания, не замечая времени. Так, наверное, бывает тогда, когда твой собеседник не просто интересен, а отдаёт всего себя, душу и сердце любимому делу. Так, наверное, бывает тогда, когда любимая работа и человек нашли друг друга, когда работа, профессия человека и его призвание слились воедино. Думаю, не ошибусь, если скажу, что главное, самое большое везение для человека — это осознание того, что служишь делу, которое наиболее полно раскрывает твои возможности и способности, возвышает тебя как личность. Тем более когда речь идёт об участии в великом созидательном процессе — воспитании достойного гражданина Отчизны.

Николай Фёдорович Берёзин в свои 40 лет не имеет пока ни громких званий, ни больших наград. В семнадцать лет он пошёл работать электриком на Казанский вертолётный завод. Потом была служба в рядах Советской Армии, откуда вновь вернулся на вертолётный завод. На работе Николая уважали: за скромность, честность, трудолюбие, за золотые руки. Разобрать сложную схему электрооборудования, отладить новый, ещё неизвестный механизм — здесь Николай Фёдорович был незаменим. Рос его авторитет среди товарищей, росло уважение к нему. Завоёванный рабочий авторитет, рабочее уважение — самое прочное и самое дорогое, что имеет труженик, кем бы он ни был по профессии, какую бы должность он ни занимал, большую или малую. Казалось, всё ясно: выбор сделан, рядом — коллектив, достигай вершин профессионального мастерства, созидай, твори. Поэтому многие удивились, когда Николай (было это пятнадцать лет назад) решил уйти с завода и перейти работать в школу учителем труда.

Со стороны казалось, что это временный, случайный порыв. Зачем переходить человеку на меньшую зарплату, тем более в школу учителем труда? На самом деле всё была иначе. В сознании, подспудно, вот уже несколько месяцев ему не давала покоя мысль об увиденном в воспитательно-трудовой колонии для несовершеннолетних. В один из осенних дней на комсомольском собрании цеха комсорг объявила, что в ближайшую субботу необходимо посетить колонию для несовершеннолетних, что комсомол объявил

операцию «Забота». Николай записался в этот шефский десант. Комсомольцев встретили заместитель начальника колонии, воспитатели. Шефы, как и договорились, выступили с концертом, рассказали о своём заводе, преподнесли небольшие сувениры. Всё, казалось, шло и завершилось по сценарию. Но обратный путь показался Николаю длинным и изнурительным от тяжёлых мыслей. Николай приехал домой подавленным. Дети есть дети, они остаются ими всегда, даже в колонии. В то же время они не просто несовершеннолетние, а преступники, совершившие различные по своей тяжести преступные деяния. Надо бы открыто показывать такие колонии, как назидание, как предостережение, тогда меньше места оставалось бы для бахвальства вышедшим на волю подросткам.

Одно дело знать о колонии для малолетних преступников понаслышке, другое — самому увидеть их. Таких разных по характеру, биографии, по тем путям, которые привели их в колонию. И в то же время в чём-то одинаковых. Одинаковых не только по тому, что все совершили преступления и осуждены, что у всех одинаковый режим и форма одежды. Что-то было присущее им вообще: этот ожидающе-настороженный взгляд, и глаза, без весёлого юношеского блеска. Последнее Николай не просто увидел, а ощутил всем сердцем, когда комсомольцы выступали перед ними с концертом. Были аплодисменты самодеятельным артистам, но не было смеха, настоящего, искреннего. Наверное, от того, думал он, что каждый сидящий в зале, хотел этого или нет, возвращался мыслями к жизни

на воле. Весь обратный путь Николая неотступно преследовала навязчивая мысль: сколько таких подростков, которые сами себя лишили юности? Как же такое случается в наше время, когда подросток, не успев ещё понять, познать жизнь, в самом её начале садится на скамью подсудимых, омрачая своё настоящее и будущее? Почему же плохое так быстро прилипает к подростку и изживается с большим трудом, а за хорошее надо бороться? Где же были в это время его родители, товарищи, взрослые, школа? Возможно, были рядом, и говорили, и воспитывали. Но что-то очень важное в самый нужный момент не сделали, просмотрели, упустили. А вот что упущено в судьбе каждого подростка и кто здесь виноват — это самый трудный, сложный вопрос. Вопрос, который требует ответа, а ответа однозначного, как правило, не бывает. Как не бывает одинаковых человеческих судеб, как не бывает обозначенной лишь одной краской жизни. Эти тревожные размышления и привели Николая в школу, туда, где можно самому познать мир подростков, взглянуть на жизнь их глазами, понять их.

Так началась новая, ещё неизведанная полоса в жизни Николая Берёзина. Ему было доверено помогать обществу в воспитании юных граждан страны. Причём главным средством воспитания был избран труд, труд творческий. От этого принципа Николай Фёдорович никогда не отступал и работая учителем труда в средней школе, и руководителем клуба юных техников. Так продолжает поступать он и теперь, работая начальником Московского районного спортивно-технического клуба ДОСААФ. Подростки, их юные души и судьбы стали самой главной заботой в жизни Николая Фёдоровича. Не просто занять ребят, а вызвать у них интерес к самодеятельному техническому творчеству, не просто собирать ту или иную модель, а воспитывать на этой технике — такова конечная цель его педагогики.

В настоящее время в прекрасно оборудованных классах Московского районного спортивно-технического клуба ДОСААФ на улице Декабристов города Казани работают секции спортивной радиотелеграфии, радиоконструирования, радиоуправляемых автомоделей, коллективная радиостанция, пневматический тир, в которых занимается свыше ста подростков. Есть комната отдыха, где ребята могут послушать музыку, просмотреть газеты и журналы, поиграть в различные игры. В классах порядок, чистота, стенды, любовно сделанные руками ребят.

Свою увлечённость — любовь к радиотелеграфии, радиоконструированию Николай Фёдорович передаст своим ученикам. Их у него сегодня немало.

Андрей Поликарпов пришёл заниматься к Николаю Фёдоровичу будучи учеником девятого класса 75-й средней школы. По мнению многих, он был бесперспективен для радиоспорта, проще говоря, уже входил в разряд «стариков». Андрей доказал обратное. Через два года завоевал первенство Казани среди юношей по телеграфии, ещё через год стал призёром ТАССР и РСФСР. Основа успеха — это труд, самоотверженный труд. Андрей тренировался так,

что удивлялись не только его товарищи по школе, но и взрослые. Вставал в пять часов утра и в течение полутора-двух часов до начала занятий в школе занимался морзянкой. После школы с двух до шести вечера — снова тренировки. Андрей выполнил норматив кандидата в мастера спорта и теперь работает радистом на Крайнем Севере нашей страны, на Чукотке.

В альбоме Николая Фёдоровича фотографии его первых учеников — Чудакова Андрея и Зарипова Дамира. Сегодня они офицеры связи. Первый служит на Черноморском флоте, второй — специалист по космической связи. А Шайхиев Ильдар, ныне аспирант химико-технологического института, заведует секцией радионаблюдателей при Казанской радиотехнической школе ДОСААФ.

Смирнова Ирина пришла к Николаю Фёдоровичу в 1979 году, совсем ещё юной, ученицей четвёртого класса. Сегодня она член сборной ТАССР, серебряный призёр чемпионата Союза ССР.

Во втором классе начал заниматься в секции у Николая Фёдоровича Архипов Владик. Взяли его с испытательным сроком. Мальчика привела мать, упросила тренера. Думали, что детское увлечение пройдёт быстро. Но Владик увлёкся по-настоящему. Первый большой успех в радиоспорте пришёл к нему через четыре года тренировок. Он стал чемпионом Татарской АССР 1986 года среди юношей по скоростной радиотелеграфии, а в 1987 году занял пятое место на Всесоюзных соревнованиях, которые проводились в известном пионерском лагере «Орлёнок».

Многие ребята начинают заниматься у Николая Фёдоровича с третьего-четвёртого класса, некоторые даже со второго. Хотя специалисты считают, что интерес к техническому творчеству у подростков проявляется начиная с шестого-седьмого классов. Возможно и так. Но Берёзин считает, чем раньше приобщать подростков к технике, тем лучше. И с ним нельзя не согласиться. Правда, не у всех детей хватает усидчивости, терпения, порой занятия идут на уровне «серьёзной» игры. И особых достижений у учеников вторых и третьих классов в техническом творчестве, в том числе в радиоспорте, не бывает, и ожидать каких-то весомых результатов было бы наивно, если только мальчик и девочка не вундеркинды. Но и выигрышных моментов сбрасывать со счёта нельзя. Они налицо. Увлечь подростка с малых лет интересным делом, помочь ему раскрыть заложенные в нём самом возможности, способности, научить его мастерить, собирать сначала пусть самую простейшую модель, деталь — это и подготовка к жизни, и один из путей к решению задачи гармоничного развития личности. Общеизвестно, что способности человека формируются, раскрываются именно в юные годы. И времени упускать здесь нельзя. Очень важно не просто вовлечь подростка в процесс технического творчества, но добиваться, чтобы подросток довёл начатое дело до конца, чтобы самостоятельно решил поставленную задачу. Так, постепенно вырабатываются такие нужные и важные в жизни качества, как упорство, настойчивость, трудолюбие.

Многие ребята через месяц-другой перестают

посещать секции. Кому-то не хватает настойчивости, воли, у другого интересы иные, третьего притянул футбол, четвёртый увлёкся музыкой. Подростковый возраст — не просто время взросления, накопления социального опыта, но это и возраст поиска, узнавания самого себя. Не все могут сразу определиться. Нередко и взрослые люди долго ищут своё место в жизни. Поэтому переход подростков из одной секции в другую, от одного вида занятий к другому — явление вполне естественное. Таким стихийным движением нужно и можно управлять. Для этого семногопрофильные подростковые спортивнотехнические клубы, способные предложить ребятам десяток различных занятий. Пусть подросток попробует себя сначала в простейшем моделировании, научится обращаться с картингом, пневматическим оружием, займётся радиотелеграфией. Со временем он сможет успешно заниматься такими силовыми видами спорта, как мотоциклетный спорт, багги, планёрный, парашютный и другие. Должен быть выбор для подростка. От одной секции к другой, от простого к более сложному — такое продвижение подростка в рамках одного многопрофильного клуба позволяет решать воспитательные задачи, способствует раскрытию граней личности.

Одним из многопрофильных детских спортивно-технических клубов является клуб «Патриот» при комитете ДОСААФ Казанского моторостроительного объединения. Начинался клуб много лет назад с небольшого полуподвального помещения, который был выделен жилищным производственно-эксплуатационным

трестом Ленинского района города Казани. Организатором и руководителем клуба стал Лев Михайлович Захматов. Привлёк он к работе с подростками свою супругу Надежду Григорьевну, имеющую большой стаж педагогической работы. Тогда в секциях «Юный снайпер» и «Юный картингист» занимались около 100 так называемых «трудных» подростков, из восьми детских комнат при ЖЭУ треста. Сегодня в ведении клуба отдельное двухэтажное здание, учебные классы, гаражи, мастерские. Более 300 подростков, членов клуба, принимают активное участие в спортивных соревнованиях на первенство республики, РСФСР и СССР, добиваясь при этом неплохих результатов. Пока на практике многопрофильных спортивно-технических клубов крайне мало. В основном они предлагают два-три вида занятий. Думается, причина здесь не только в наличии или отсутствии материальной базы, а в ведомственной разобщённости организаций, которые обязаны вести воспитательную работу по месту жительства. Один из эффективных путей преодоления ведомственных преград — это создание социально-педагогических и культурноспортивных комплексов по месту жительства. Так, органически вписались в рамки социально- педагогических комплексов спортивно-технические клубы Приволжского района «Планета» по улице Рихарда Зорге и «Юность» по улице Кул Гали, в которых подростки увлечённо занимаются картингом, багги, мотоциклетным спортом. Разнообразные формы предлагают многие социально-педагогические комплексы городов Альметьевска, Нижнекамска, Набережных

Челнов по техническим видам спорта, техническому творчеству. В последние годы активизировали свою работу детские подростковые клубы «Юный пилот», «Юный моряк», «Юный радист», «Юный пограничник», клубы будущего воина. В эту работу включаются те, которые недавно носили военную форму, кто прошёл службу в составе ограниченного контингента советских войск в республике Афганистан. Вернувшись из Афганистана в своё родное объединение «Нижнекамскшина», кавалер ордена Красного Знамени Владимир Пономарёв организовал в 1985 году клуб юных десантников «Голубые молнии». Сегодня в клубе занимается более 140 человек — учащиеся профтехучилищ, школ, рабочие предприятий, те, кто вскоре начнёт службу в рядах Вооружённых Сил СССР.

Однако не все ребята занимаются в клубах, секциях, нашли своё любимое дело. Много ещё тех, кто стоит в стороне, бессмысленно убивает свободное время. Никто не вернёт ушедшее впустую время. Оно уходит безвозвратно. Жалость в таком случае бывает запоздалой. Представим себе картину: все подростки занимаются техническим и художественным творчеством, спортом, у каждого есть своё любимое занятие, которое наиболее полно отвечает его интересам и способностям, определяющим основы будущей профессии. Конечно, такая идеальная картина на сегодня, когда в воспитательной практике имеются большие издержки, пока ещё чисто умозрительная. Но к идеалу нужно стремиться. Ь этом деле, в деле оказания практической помощи подростку в выборе своего любимого

занятия, соответствующего его способностям, может многое сделать сотрудничество науки и школы.

На февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС в качестве ключевого направления было определено развитие индивидуальных способностей учащихся. Думается, настало время, чтобы педагоги совместно с психологами, врачами проводили периодическое научное тестирование учащихся, начиная с первого класса. Во время учёбы в школе в течение длительного времени создаётся возможность не только наблюдать, не только определять склонности, способности, но и способствовать их развитию. Научное определение индивидуальных наклонностей, способностей ребёнка остаётся исключительно важной социальной задачей. Успешное решение этой проблемы оказало бы большую помощь и семье, и школе, и юному гражданину, вступающему в жизнь. И оттягивать её решение недопустимо.

Разговариваем в районном спортивно-техническом клубе с Николаем Фёдоровичем. Вновь и вновь возвращаемся к теме, которая волнует нас обоих — воспитанию подростков. Что же самое главное в воспитательной работе? — спрашиваю его. «Любить детей, доверять им. У меня нет нелюбимых, у меня нет трудных подростков»,— отвечает он. Счастье человека вообще, счастье педагога в особенности — в любви к людям, чтобы каждый из них мог сказать: у меня нет трудных подростков, есть только любимые ученики.

ТОВАРИЩ ИНСТРУКТОР!

Двухэтажное здание морского клуба ДОСААФ спряталось в глубине двора, на самом берегу Казанки. К нему можно пройти через обыкновенную калитку в зелёной ограде, затем по очищенной от снега дорожке меж высоких сугробов.

Река ещё под толстым слоем снега и льда. Ничто не напоминает лето. А летом здесь чудесно: с одной стороны — тихая зелёная улица Подлужная, с другой, радуя взор, раскинулся голубой водный простор. У самой воды лежит на боку старый катер. На нём приятно посидеть, полюбоваться на синеватую даль, рыбаков, застывших на своих резиновых лодках. И конечно, интересно понаблюдать за водолазами-курсантами.

Я вспомнил приглашение ветерана-юнги Василия Иринарховича Казарина и приехал повидаться с ним. Прошёл через сложный лабиринт коридоров и открыл дверь, которая вела в помещение бассейна. Василия Иринарховича я увидел на мостике, что возвышается над самой водой. Он сидел за тем же столом, что в первый раз, как будто с тех пор не прошло более десяти лет, и следил за действиями своих учеников. Время от времени что-то отмечал в тетради, переговаривался со своим помощником. Увилев

меня, поманил рукой, приглашая подняться к нему. Я молча устроился рядом, чтобы не мешать, стал наблюдать за происходящим, ждал, пока немного освободится Василий Иринархович. Мне было интересно следить за действиями курсантовводолазов, тем более сам прошёл такую школу в годы военной службы на Тихоокеанском флоте.

...На водной поверхности показался тёмно-зелёный шлем с овалом стекла для обзора, потом водолаз, похожий на морское чудище, медленно стал подниматься по трапу. С него ручьём стекала вода. Наконец он выбрался на площадку, его окружили товарищи и стали снимать снаряжение.

- Товарищ инструктор! Курсант Шайхутдинов вышел из воды, послышался доклад.
  - Добро. Как его самочувствие?
  - Нормальное.

Василий Иринархович что-то отметил в тетради. Но тут раздался доклад со второго поста:

— Товарищ инструктор! Курсант Ахметзянов к спуску готов. Давление в аппарате 130, трёхкратную промывку произвёл. Обеспечивающий курсант Колюшкин.

И сам Ахметзянов, облачённый в тёмно-зелёный водолазный костюм, подтвердил готовность к выполнению учебного задания, подняв левую руку.

— Отставить!

Что-то не понравилось инструктору, он подошёл к курсанту, лично проверил снаряжение, что-то подтянул, заново закрепил.

— Вот так. Теперь пошёл!

Ахметзянов начал спуск, держась за поручни, медленно переставляя свинцовые башмаки. Вскоре скрылся под водой. Теперь курсанта связывал с внешним миром лишь сигнальный капроновый шнур, с помощью которого подавались команды, сигналы о состоянии водолаза, пока он находился в глубине бассейна.

Работали три поста. Василий Иринархович внимательно следил за действиями обеспечивающих, готовый в любой момент подсказать, если случится что-то непредвиденное, вмешаться самому. Порой в бассейне работали три-четыре курсанта, при этом в помещении устанавливалась напряжённая тишина.

Так прошло около трёх часов. Когда все 36 курсантов выполнили очередное учебное задание, объявили перерыв. Ребята, пришедшие сюда из средних школ, ГПТУ, предприятий и учреждений, окружили Василия Иринарховича, который, похвалив их за старательность, выставил всем отличные оценки, отметил кое-какие промахи.

- Чему вы уже научились?— спрашиваю курсантов.
- Мы уже заканчиваем учёбу. А научились, естественно, ходить под водой, зашумели они. Например, можем самостоятельно готовить снаряжение, пользоваться им, освоили правила водолазной службы...
- Часто спускаемся под воду. Очень нравится,— сказал курсант Андрей Руденко из ГПТУ-13.
- А ещё можем работать под водой: рубить, пилить, соединять фланцы, искать предметы,— похвалился Илья Мякушкин.— Всё это

пригодится в армии. Призываюсь уже этой весной.

Андрей Руденко, Альберт Батталов и ещё несколько ребят объявили, что хотят идти в танковые войска.

- Почему в танковые? удивился я.
- Разве вы не знаете, что танки теперь стали земноводными?— пошутили они.
- А я только на флот,— заявил Илья Мякушкин. Вот Виктор тоже со мной.

Василий Иринархович не вмешивался в нашу беседу, молча стоял рядом. Случайно взглянув на него, я увидел на его лице отцовскую улыбку, гордость за своих учеников. Значит, он очень доволен их старательностью, успехами.

Перерыв кончился. Когда очередное задание выполнили курсанты Абдрашитов, Адиятуллин и другие, в тетрадке снова появились «пятёрки».

— Молодцы, ребята, — вновь похвалил их инструктор и пояснил: — Скоро закончат учёбу, получат дипломы и разъедутся. За них я спокоен — в армии им будет гораздо легче — здесь они получили хорошую физическую и моральную подготовку. А если попадут на флот, буду рад вдвойне, увидят красоту подводного мира и не изменят этой трудной профессии. Только привык я к ним, жаль расставаться.

Василий Иринархович улыбнулся и стал рассказывать о том, что водолазное дело он освоил ещё в годы войны в Севастопольской водолазной школе, а в 1958 году, уже после демобилизации, окончил школу инструкторов

ДОСААФ в Москве, получил диплом наставника водолазного дела и подводного спорта. Учит молодёжь любимому делу вот уже двадцать лет. Мы вместе стали считать, сколько же у него воспитанников. Оказалось, более семисот. Многие из них давно отслужили срочную, но большинство осталось на сверхсрочную. Их можно встретить на Чёрном море, Севере, Балтике, Тихом океане, работают в различных гражданских и досаафовских организациях. Пишут письма, когда приезжают на побывку, обязательно приходят в родную школу, чтобы повидаться со своим первым наставником.

— На днях заходил прапорщик Виктор Николаев. Сверхсрочник. Тоже учит молодых воинов водолазному делу. Очень доволен выбранной профессией,— продолжает Казарин. — Встретился с моими курсантами, рассказал много интересного, поделился опытом работы под водой.

Василий Иринархович по-отечески добр к своим воспитанникам, но строг, требователен. Водолазное дело не терпит расхлябанности. В своё время он сам стремился овладеть какой-нибудь военной специальностью, чтобы легче было попасть на флот. Как теперь считает, ему очень повезло: в 15 лет был зачислен в школу юнг Северного флота.

— Все взрослые ушли на фронт, большой яблоневый сад совхоза «Масловский» остался без хозяина. Меня назначили туда, — вспоминает Василий Иринархович. — В моём распоряжении оказалось шесть лошадей, шесть культиваторов. Я и старался успеть за шестерых. В июле 1942 года меня пригласили в райком комсомола.

- Хочешь учиться в школе юнг? спрашивают.
- Конечно, хочу! отвечаю.

Василий Иринархович до сих пор помнит свою первую встречу с Сергеем Сергеевичем Шаховым.

- Зашёл он к нам в кубрик поздней осенью сорок второго. На улице было уже холодно. «Молодцы! похвалил он. У вас тепло, уютно, койки хорошо заправлены. Трудно пришлось поначалу? Теперь ваша задача быстрее освоить воинскую науку, чтобы сподручнее было бить врага. А то, что вы побьёте его, я уверен!»
  - Скорей бы, сказал кто-то.
- А что, если мы возьмёмся да досрочно сдадим все экзамены?
- Досрочно? улыбнулся Сергей Сергеевич. Считайте, что вы сдали один экзамен, построив свою школу. Теперь о вас знает вся страна, ждут вас на флотах. Следующий экзамен сдадите, когда попадёте на действующий флот. Он будет намного труднее, потребует большей отдачи. Здесь необходимы и сила воли, и выдержка, и ум, и, конечно, физическая подготовка.

Комиссар помолчал, вглядываясь в лица ребят, улыбнулся и сказал:

— Выдержите и этот экзамен! Вы же комсомольцы!

В тот вечер юнги долго не могли уснуть, каждый думал о чём-то своём, о первом бое. На улице завывал холодный ветер, а на полу тихо гудела «буржуйка», куда время от времени дежурный кочегар подбрасывал поленья.

Разговор с комиссаром не прошёл для ребят

бесследно. Они как-то повзрослели, серьёзнее стали выполнять учебные задания, строже несли караульную службу. Не хныкали, когда было трудно, не обращали внимания на мозоли, когда ходили на шлюпках. Все любили это дело. И Казарин в том числе. Морские просторы напоминали ему родную Волгу, рыбалку...

— Наши шлюпки и баркасы хранились на берегу залива, что в четырёх километрах от школы, — продолжил свой рассказ Казарин.— Мы там дежурили по очереди: с утра до утра — сутки. Бывало, страшно одному, но держались. Днём здесь всегда бывало многолюдно, с утра начинались занятия. Ребята изучали премудрости морского дела, но с особым удовольствием учились ходить на шлюпке, знали к тому же, гребля лучше чем любая другая форма физической культуры закаляет организм, наращивает мускулы и вырабатывает чувство товарищества, морской характер...

Так и на этот раз. Василий с удовольствием взялся за вёсла и по команде старшины стал старательно грести в такт товарищам. В самом разгаре тренировок кто-то из юнг предложил сходить к рыбакам, попросить рыбы для ухи. Кок будет доволен. Тем более рыбацкая база находилась недалеко — на противоположном берегу залива на расстоянии около шести кабельтовых. Старшой согласился, и ребята с особым усердием налегли на вёсла. Увлёкшись греблей, юнги не заметили, как усиливается ветер, как срывает он белые барашки с гребней. Когда добрались до берега, по морю вовсю гуляла волна. Рыбаки

похвалили ребят за смелость и умение, угостили ухой, горячим чаем и кинули в шлюпку дюжину крупных рыбин.

Когда двинулись назад, шлюпку стало заливать водой, все промокли, но никому в голову не пришла мысль переждать непогоду у рыбаков. Их ждали на шлюпочной базе. Давно исчезли за стеной водяной пыли рыбачьи домики, впереди едва белели башни крепости. В единоборстве со стихией прошло около часа, может, больше. Вдруг вперёдсмотрящий увидел шлюпку, идущую навстречу. За рулём сидел начальник школы капитан первого ранга Н. Ю. Авраамов. Очевидно, он не выдержал и вышел на поиск затерявшейся шлюпки с юнгами.

- Помощь требуется? крикнул он, как будто встретились случайно.— Может, взять на буксир?
- He-e-т! дружно ответили юные гребцы.— Мы сами дойдём!

И так нажали на вёсла, словно и не было никакого шторма, окатывающих с головой морских волн.

Школу юнг Василий Казарин окончил с отличием; мечтал скорей попасть на Черноморский флот. Но ему предложили сначала послужить в Волжской военной флотилии, помочь очистить главную водную артерию страны от мин.

Вместе с ним приехали ещё 28 юнг. Сошли с поезда ночью. Они знали, что город сильно разрушен, но то, что увидели утром, потрясло до глубины души. Не пожалел Василий, что попал именно сюда, хоть немного, да поможет легендарному городу обрести себя.

Радиста Казарина назначили на тральщик, и с первого дня начались боевые будни. Затем он служил на штабном тральщике «Костриков», обеспечивал связь с кораблями бригады, штабом флотилии, расположенном южнее, в Солодовникове. Доставляли для экипажей снаряжение, питание, перевозили раненых. Часто самим приходилось идти на задание с опущенными тралами, чтобы не нарваться на мину.

После окончания работ по очистке Волги бригаду расформировали, Казарина перевели на Чёрное море. Здесь он стал хозяином радиорубки малого охотника МО-85. В те годы часто звучали сигналы тревоги, и МО-85 в любую погоду выходил в море. Провожали транспорты с грузом, десантные суда, тащили на буксире торпедные катера, охраняли их, когда они ходили в атаку на вражеский конвой, ставили дымовые завесы, гонялись за подводными лодками противника.

День Победы экипаж корабля встретил в море, выполняя боевое задание. Но для малых кораблей война ещё не кончилась, надо было очистить глубины Чёрного моря от мин — магнитных, якорных, акустических. Предстояла долгая, кропотливая работа. И юнга Василий Казарин решил, что его место там, где ещё продолжалась битва. Он вскоре занял радиорубку тральщика. Бригада, в составе которой находился его корабль, должна была очистить огромную зону от Новороссийска до Анапы. И маленькие судёнышки с их мужественными экипажами утюжили и утюжили море квадрат за квадратом, пока не выловили все смертоносные шары с различными

фокусами, секретами. Все эти долгие недели, месяцы юнга Казарин не покидал свой боевой пост, обеспечивая связь, принимая и передавая команды.

Василий Казарин уезжал ранней весной 1950 года с чувством выполненного долга перед Родиной. Перед отъездом попрощался с морем — долго стоял на высоком берегу, заново переживая схватки с врагом, вспоминая павших товарищей.

Море долго не отпускало его. И когда ранним утром сошёл с поезда и пошёл по безлюдным улицам Казани грузным морским шагом, ему казалось, что качнулся асфальт...

Он держал путь прямо в направлении морского клуба Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту. И через час стоял перед его начальником:

- Товарищ капитан второго ранга, старшина первой статьи Казарин прибыл для дальнейшего прохождения службы, шутливо отрапортовал он. Демобилизован с Черноморского флота.
- Вот и молодец, приветствовал его начальник клуба.— Нам нужны такие люди, как вы. Надо обучать молодёжь. Какая у вас специальность?
  - Радист, товарищ капитан второго ранга.
- Вот и принимай радиостанцию клуба! Хоть сейчас приступай к работе.
  - Есть приступить к работе!

Так, бросив якорь на новом месте, Казарин проработал здесь всю свою жизнь. Сначала начальником радиостанции, старшим командиром-инструктором, руководителем водолазной школы. Василий Казарин был рад,

что будет заниматься любимым делом и здесь, далеко от моря. А когда узнал, что вернулся его однокашник по школе юнг Юрий Городецкий, послал записку с приглашением работать вместе. Друзья создали команду по морскому многоборью, стали чемпионами ТАССР, третьими призёрами первенства СССР. Спустя годы Казарину присвоили звание судьи первой категории по этому виду соревнований.

Тридцать пять лет отдано делу патриотического воспитания молодёжи, подготовке ребят к службе в армии по многим специальностям. Но и теперь, выйдя на заслуженный отдых, он продолжает учить подростков морскому делу.

— Составлен проект новой школы,— говорит он.— На месте этих домов появятся современные корпуса с просторными спортивными залами, отличным водным бассейном для водолазов. По берегу Казанки протянутся благоустроенные причалы для малых судов клуба, на водной глади реки будут проводиться увлекательные соревнования по гребле. Тысячи зрителей станут свидетелями напряжённых состязаний досаафовцев...

Я верю, что эта мечта Василия Иринарховича, ветерана войны, бывшего юнги, сбудется.

Итогом своего многолетнего труда во имя Отечества Василий Иринархович доволен. Сделано немало. Но и наград у него не меньше. Василий Иринархович особо дорожит Почётной грамотой, подписанной главнокомандующим Военно-Морским Флотом СССР адмиралом Горшковым: «За активное участие в пропаганде военно-морских знаний среди членов ДОСААФ

и подготовку членов общества по морским специальностям». В его архиве немало других грамот, дипломов, в том числе за внедрение в учебный процесс рацпредложений: за электрификацию стенда водолазного оборудования, устройство автономного питания водолазной телефонной станции, оформление стендатренажёра на водолазной станции на берегу Казанки.

Нашу беседу прервал курсант:

- Товарищ инструктор! Разрешите вести группу в класс?
- Добро!

И мы двинулись за воспитанниками Василия Иринарховича, ставшими ему такими близкими за время учёбы. Он заинтересованно рассказал мне о каждом из них, вспомнили своих сыновей, старший из которых служит на флоте, недавно ему присвоили очередное звание капитана третьего ранга, о внуках...

— В хорошее время живём, — мечтательно говорит он. — Всё у них впереди — и труд, и счастье...

ТВОРЧЕСТВО ОБЩЕНИЯ

Многое уже забылось из того, что я переживал в шестнадцать лет, что задумывал, о чём загадывал. Но, когда мысленно возвращаюсь в то время, одно чувство, тоскливое и тревожное, вновь охватывает меня. Это — чувство одиночества. Словно невидимая, но прочная стена закрывала меня от мира людей. Дома, в школе, на улице, дискотеке. Острая потребность в подлинном общении так и оставалась неудовлетворённой. Мне казалось, что это только у меня, что это моя беда.

Сейчас понимаю, что это гораздо серьёзнее. Это, скорее, беда нашего времени. Как-то мой знакомый, проводя перепись в одном из районов города, поделился со мной любопытным наблюдением. «Ходим по квартирам,— рассказывал он,— стучимся. Говорим дежурные фразы: «Здравствуйте! Как вы живёте?» И, почти всегда, человек вдруг замирал, а затем начинал рассказывать про свою жизнь, да так откровенно и подробно... Будто он всю жизнь ждал, когда придёт кто-нибудь и спросит: «Расскажите, как вы живёте?»

Дефицит общения. Проблема конца XX века. Мы живём сейчас в странном мире. В больших городах, среди толпы, чувствуем себя одинокими. Постоянно вступаем в контакты с окружающими и в то же время страдаем от отсутствия душевного тепла. Не только подростки, но и вообще современный человек в той или иной мере чувствует недостаток общения. Но подростками он ощущается, наверное, особенно сильно. Для настоящего общения нужна душевная открытость. В переходном возрасте наше «Я» ещё только зарождается, оно пока такое

слабое и ранимое! Поневоле приходится держать его наглухо закрытым. Развязность, дерзость, высокомерие, даже грубость — это чаще всего маски, надеваемые взрослеющими, но ещё пока не повзрослевшими людьми.

А если спросить их самих?

«Есть ли у вас друзья? Чем они вам близки?», «Хотели бы вы участвовать в специальных программах общения? Где? Какими, на ваш взгляд, должны быть эти программы?», «Нужны ли клубы общения? Какими вы их видите?» — вот некоторые из вопросов анкеты под названием «Общение», опубликованной нами в газете «Комсомолец Татарии». К нашей радости, она была встречена с интересом. 217 человек откликнулись на неё, из них 80 процентов заполнили графу «Адрес» (признак доверия). Когда в редакции начали получать первые ответы, мы всерьёз было опечалились. Почти все они приходили от девушек! Но вот прошла неделя, другая, и на конвертах всё чаще стал угадываться твёрдый мужской почерк. Видно, ребята не спешили с ответами — обдумывали, взвешивали каждое своё слово. В результате получилось — 34 процента анкет заполнили юноши, 66 — девушки. Как видим, проблема общения одинаково волнует и тех, и других.

Кто он — настоящий друг?

Итак, первый вопрос, проверочный: «Есть ли у вас друзья?» Никто не захотел признаться в их отсутствии, почти все ответили, что друзья у них есть. Одиночество и много друзей. Парадокс? Вряд ли. Проблема друзей не в их количестве, а скорее в «качестве» наших отношений с ними. Это хорошо видно из ответов общительного, как она считает, человека: «Я всегда окружена товарищами.

Мне говорят, что со мной легко и весело, что я могу помочь. Несмотря на это, у меня нет друга, того единственного человека, который мог бы меня понять. Я очень жалею об этом».

Не правда ли, в наше время слово «друг» стало уж очень широким понятием (как впрочем и такие слова, как «любовь», «общение»). Под ним, чаще всего, каждый подразумевает всё, что захочет. Попробуем на основе наших данных определить это понятие, отделить его от того, что в него не входит. Первая группа ответов — самая многочисленная — те, кто с нами вместе учится или работает. Занимаясь общим делом, мы знакомимся, сближаемся. Например: «Друзья у меня в классе, потому что мы всегда вместе». Но нередко после окончания школы начинают ослабевать и в конце концов рвутся нити былой дружбы. Встречи обычно проходят в жанре воспоминаний: «А помнишь?» и заканчиваются: «Ну, пока!» Получается, что нас сплачивал процесс и место учёбы. Для таких отношений больше подходит название «однокашник», «коллега».

Другая группа. В ней степень близости других ставится в прямую зависимость от того, что они способны нам отдать. Друзья определяются тем, что они: «Всегда помогут, вовремя дадут совет, поддержат в трудную минуту, многому можно поучиться у них, умеют слушать, могут поделиться всем...» Что общего? На мой взгляд, это потребительские отношения. Невольно вспоминается фраза из разговора «Что с ним дружить? Он ничего не может дать!» Но такие отношения, основанные на получении чего-то от другого, мне трудно назвать истинно дружескими.

Ещё группа. Предельно простое объяснение близости с друзьями: «С ними весело, можно поговорить, приятно провести время». Такие отношения основаны уже на чём-то другом — взаимной «приятности». Если с кем-то становится грустно, то разговоры теряют свою

«интересность». Раз так, то мы расстаёмся до тех пор, пока он не разрешит своих проблем. В нашем языке есть название для таких отношений — приятельские.

И, наконец, отношения действительно дружеские. Здесь «можно поделиться самым сокровенным», в них мы «уступаем и поддерживаем», там можно «поговорить по душам». А что особенно ценно — «видят во мне личность». Эти отношения не зависят уже от места учёбы, не меняются от настроения, сохраняются, если даже друг ничего «не даёт». Здесь восприятие и принятие другого как личности идёт не по линии его положительности и «удобства» для нас, а из-за его неповторимости и уникальности. Он интересен хотя бы тем, что он особый, иной. И эта непохожесть нас влечёт и является высшей ценностью. Видеть в другом равную себе личность — это и есть основа тех отношений, которые и называются дружбой.

Вечера общения

Вопрос анкеты об участии в специальных программах общения был не случаен. Несколько лет нами разрабатывается такая форма досуга, где было бы возможно взаимное общение всех участников. Она проводится обычно в течение 5-7 вечеров подряд, поэтому получила название программы общения. Такие программы испытывались в различных аудиториях (студенты, молодые специалисты, рабочие) и, в целом, оценивались участниками достаточно высоко. Ответы анкеты показали, что такая форма досуга подростками была встречена заинтересованно. «Давно мечтаю», «Конечно, хотела бы!», «Как туда записаться?» В то же время 9 из 10 на наш вопрос: «Какими они должны быть?» ответа не дали или это были смутные, неконкретные предложения. Те же, кто пытался ответить, отмечали, что обязательно нужны игры, побольше диспутов. Кому-то это видится как

КВН: загадки, песни, столики. А кому-то интересный ведущий, дискотека. Как видим, предложения пока ничем не отличаются от того, что сейчас происходит во всех домах и дворцах культуры. Но все эти традиционные мероприятия имеют один крупный недостаток. Большинство вечеров планируются таким образом, что подросткам отводится роль пассивных потребителей, а то и просто свидетелей происходящего. На самом деле никакого общения нет, есть лишь получение и потребление. Сегодняшний досуг ориентирован на нас в основном как на получателей каких-то готовых форм, не требующих особых усилий и умений. В результате мы как бы «отчуждаемся» от происходящего. Специальной работы по знакомству пришедших, построению отношений между ними, уменьшению психологической дистанции организаторами таких мероприятий не проводится. А именно в этом-то и должно заключаться качественное отличие вечеров общения.

В качестве иллюстрации возьмём одну из проводившихся программ для подростков в коктейль-баре. Воспользуемся для этого следующим способом. В психологической работе над трудностями общения один из способов называется видеотренинг. В учебной группе снимается на плёнку ряд ситуаций. Потом мы прокручиваем её несколько раз, обсуждая совместно с участниками каждый кадр. Попробую сделать и в своём описании. Итак:

Участники собираются, осматриваются, ищут знакомых. Звучит негромкая музыка.

Любая программа общения начинается с создания особой среды. Вы, конечно, чувствуете разницу между разговором, например, в набитом троллейбусе и полутёмном купе поезда, когда равномерно стучат колёса и капли дождя стекают по стеклу? В нашем случае мы обошлись минимальными средствами — сам интерьер кафе был оформлен очень удачно. Невысокий потолок, камерное освещение

настольными лампами, приглушённый тёмный цвет стен создавали ощущение того уюта, которое необходимо для любого общения.

Пришедшие уже сидят в зале. Пора начинать. Выхожу и говорю: — Здравствуйте, я — ведущий программы «Вечера общения».

Вижу непонимание подростками того, что происходит, тревогу от необычной ситуации. Всё это сразу как бы обрушивается на меня. Пришлось даже на некоторое время замолчать. Начало — один из самых сложных моментов всей программы. Незнакомый пока зал изучает меня, отмечает для себя первые впечатления, которые, как известно, очень стойкие.

Вступление окончено. Пора переходить к самой программе, но что-то мешает. Похоже, аудитория пока не готова.

Как по лицу мы можем определить настроение человека, так и в большой группе есть сигналы, сообщающие о её состоянии. Скованные позы, скрещенные руки (внутренняя позиция отстранения и закрытости от того, что должно произойти), хихиканье и шуточки (повышенный уровень тревоги и растерянности), посторонние разговоры (попытки переключиться на знакомые темы) — исходное состояние нашей группы. Пока такое есть, никакого общения у нас, конечно, не получится.

Проводим мини-сеанс общего расслабления. Разговоры становятся тише, все сели поудобнее, расслабились. Специальное «смеховое» упражнение — все посмеялись, тревога уменьшилась. Смотрят уже с интересом: что же будет дальше?

На программе я никогда не пользуюсь записями, конспектами. Главное — состояние и настроение участников. Мы знаем, что каждый человек уникален и неповторим. Этим же свойством обладает любой коллектив, любая группа. Моя задача идти не от готового сценария, а от них, живых людей, интересов и запросов непосредственных участников этой программы.

Первый этап — образование сплочённой группы из ранее незнакомых людей. Способы самые разнообразные: и танец, и песня, и игра.

Всё идёт гораздо легче, чем ожидал. Путь организации дружной группы примерно таков — сформировать у всех участников отношения друг к другу, как «я» и «ты», то есть другие участники так же ценны для меня, как и я сам. Для этого приходится ломать наши первоначальные привычные отношения к другим как «я» и «они», где под «они» подразумеваются посторонние мне люди.

Какой быстрый темп! Планируя программу, я ожидал этого, но всё же не до такой степени... Вероятно, это особенность игровых вечеров для подростков. Участники активны и полны сил. Пора переходить к следующему фрагменту программы.

Кстати, о фрагментах. Каждый из них представляет собой, казалось бы, знакомые и привычные формы: лекция, дискотека, дискуссия, подвижные игры, слайд-программы, общее пение. В программе же все эти формы соединены, но не механически, а синтетически, органично. Соединение, выбор этих форм не случаен. Он меняется в зависимости от складывающихся отношений между участниками.

Овладеваем языком общения: читаем состояние друг друга по глазам, учимся доброму молчанию.

Вероятно, это самая эмоциональная часть программы. Дать возможность участникам ощутить, что любой человек интересен — это, пожалуй, одна из главных моих задач. Любой человек не похож на других. И любого человека нужно ценить хотя бы за эту его непохожесть и неповторимость.

На программе были и «трудные» подростки. У меня ощущение (может, я и ошибаюсь), что ударить, как

раньше, сверстника, нагрубить взрослому им будет уже труднее.

Садимся в общий круг. Начинаем обсуждение одной из острых проблем сегодняшней молодёжи. Обсуждение было во многом для меня неожиданным. Даже по времени оно длилось в три раза дольше, чем планировалось.

Судя по сильной реакции участников на эту тему, попал, что называется, в болевую точку. Почти каждый хочет высказать то, что у него накопилось. Дискуссия становится неуправляемой. Идёт уже не обмен высказываниями, а спор. В споре же, по моему мнению, рождается уже не истина, а ссора. Так что за эти три вечера мы успели и «полетать», и поссориться.

Все встают в последний раз в общий круг. Говорят на прощание друг другу пожелания. Программа закончена. А я думаю, что у таких программ не может быть конца. Мы сломали препятствия, ограждающие нас от других, многие познакомились и теперь ожидают новых встреч. Научиться общаться за три дня, конечно же, невозможно. Да я на это и не рассчитывал. Но показать, что этому можно и нужно учиться — это мне кажется чрезвычайно ценным! Ведь они только начинают свой путь...

Из отзывов: «Результат программы не только в том, что находишь друзей — воспитывается уважение к ближнему».

«Программа помогла осознать себя, по-новому оценить свои возможности, увидеть родственную душу, понять друг друга».

«Она заставляет задуматься не только о личном, но и об общечеловеческом».

Нужны ли клубы общения?

«Да». «Очень». «Просто необходимы». «Да!!!» Нужность такой формы досуга, как клуб общения, чувствовалась и до проведения нашей анкеты. В последние годы в нашей прессе всё чаще стали встречаться заголовки, где одно из слов было «общение»: «Учиться общению», «Талант общения» и т. д. Анкета лишний раз подтвердила, что потребность в создании такого рода клуба у молодёжи есть. Каким же он нам видится?

По вопросу о конкретном образе клуба положение такое же, как и по вопросу о программах. То есть образ клуба, нарисованный читателем, очень неконкретен. Хотя кое-что можно выделить. Итак, модель «Клуба общения» по мнению наших читателей.

Многие обязательным условием в нём ставят взаимопонимание. В нём должна господствовать атмосфера добра и тепла, дружелюбия, он должен быть весёлым и интересным, по-домашнему уютным, доступным — «двери для всех», без формализма и, конечно, без пьяных. Читатели также допускают возможность организовать его собственными руками. Клуб должен, по их мысли, объединять молодёжь разных вузов, возрастов, хотя некоторые вводили пожелания ограничить возраст до 20 или до 25 лет. В одной анкете предлагалось создать такие клубы в каждой школе или училище. А вот другой, очень красивый, как мы считаем, проект: «Клуб должен быть с библиотекой, бассейном, концертным залом». А так ли всё это неправдоподобно? Несколько лет назад хорошо об этом сказал известный философ И. С. Кон: «В каждом городе нужно обилие специальных мест для общения — это такая же необходимость, как обилие поликлиник и детских садов». Его мысль, мне кажется, не устарела и сейчас.

Как таковые клубы общения существуют повсюду, и формы их самые разнообразные. Кто-то ходит на «толкучку»,

но не продавать-покупать, а поговорить, «на людей посмотреть». Так называемые «фанаты», которые колесят по всей стране за своими спортивными командами,— это тоже клуб. Проблема «телогреечников» — это отчасти тоже проблема подросткового клуба.

Развитие таких крайних, уродливых форм общения показывает: у нас пока нет другого, что можно было бы предложить греющимся в подъездах и свистящим на трибунах. «Позвольте,— спросит ктото.— у нас же есть масса клубов по интересам! – Почему туда не холят?»

О проблемах клубов по интересам, о падении их посещаемости уже много сказано. Напомним один очень важный момент. Клубы по интересам, то есть место, где люди могут отдохнуть от работы, как это ни парадоксально, постепенно стали строиться как рабочие, производственные коллективы. В самом деле, администрация даёт им план, сроки, требует «продукцию» — словом, всё как на работе. Даже учитывается «профнепригодность». Если я не силён физически, в турклубе мне будет тяжело. Отсутствие слуха затруднит моё пребывание в клубе любителей музыки. Неумение петь и играть на гитаре в клубе самодеятельной песни сделает меня лишь наблюдателем его жизни.

Одним из результатов наших программ является довольно сильное сплочение всех участников. Толпа незнакомых людей за сравнительно короткий срок превращается в сплочённую группу, связанную отношениями доверия и взаимной поддержки. Оценивая свои переживания по этому поводу, участники говорят, что за это недолгое время они познакомились друг с другом больше, чем с теми, с кем работают или учатся годами. Обычно желающих продолжить совместные встречи после программы составляет более половины участников. Так возникает новая форма проведения досуга, доступная для всех, которую можно назвать действительно клубом общения.

Чем же он может заниматься? Думается, что основой такого клуба является интерес к человеку, к миру людей, к их проблемам. Это то единственное, что может сплотить людей разных возрастов и профессий. Изучение себя, других, освоение накопленного в искусстве и культуре, помощь друг другу — таким может быть, на мой взгляд, направление работы клуба общения. Многие проблемы он может решать: тут и проблема знакомства и образования семьи, выработка новых способов проведения праздников и досуга, и проблема психологического просвещения и развития культуры общения. Это может проходить и в форме обсуждений по важным для каждого темам, таким как «Мужчина и женщина в современном мире», «Жизненный путь как творчество», «Саморазвитие личности». Вероятно, необходимы будут и учебные занятия, на которых участники будут восполнять дефицит значимой психологической информации в виде подготовленных заранее сообщений. Могут проводиться специальные занятия с элементами театрализации, в которых участники могут обогащать свои «неречевые» языки общения: разыгрывать типичные жизненные ситуации общения с их последующим разбором (сцены в транспорте, конфликт на работе, разговор в семье и т. д.); устраивать мини-спектакли, дающие возможность всем расширить свой ролевой репертуар. И, наконец, занятия по разработке традиционных и новых форм досуга и общения.

Пока, к сожалению, клубов общения у нас в стране немного. Это объясняется не только нехваткой специалистов такого рода, но и неясными представлениями нас самих, что же это такое. Конечно, не всё идёт так, как хотелось бы. Но уже сейчас можно выделить серьёзную проблему, которую подтвердила наша анкета. Молодёжь сегодня имеет глубокую потребность и высокие запросы в организации качественно нового досуга. А соответствующих своим запросам психологических

средств у неё пока нет. По-старому не хотят, по-новому пока не могут. Кто, где и как поможет им этими средствами овладеть? Где бы молодёжь могла получить соответствующую практическую помошь?

Сейчас идёт пора поисков. Программы общения и клуб такого рода одни из шагов на этом пути. Опыт, пусть неудачный, поможет тем, кто будет после нас.

* * *

...Я всматриваюсь в участников очередной программы. Где среди них сижу я, только гораздо моложе? Тот, кто устал от одиночества и хочет пробиться к другим. Дай руку, я сделаю для тебя всё, что смогу.

ЭТОТ НЕСКУЧНЫЙ ДВОР

Несколько лет назад в Татарии, в городе нефтехимиков Нижнекамске, родилась инициатива, а лучше сказать — дело, которое получило негромкое название — социально-педагогические комплексы (СПК), но громкий и широкий резонанс по всей республике. Суть инициативы — новая форма организации воспитательной работы по месту жительства. Главная задача — содействовать повышению социально-экономической активности трудящегося населения, особенно молодых людей, воспитанию вкуса к общественному самоуправлению. Новая форма работы позволила приобщить к воспитательной деятельности хозяйственных руководителей, целенаправленней и решительней стали действовать общественные организации, нашли своё дело энтузиасты...

За пять лет Нижнекамск состарился на... два года. Ничего странного или необычного в этом нет. Всё дело в том, что в 1982 году средний возраст жителей этого города был 26 лет, сегодня же он равняется 28 годам.

А самое «людное» место здесь — родильный дом. Ежегодно около пяти тысяч коренных нижнекамцев появляются на свет. Город молод. И не только потому, что каждый третий его житель — детсадовец или школьник. В сентябре 1986 года Нижнекамску исполнилось двадцать.

На улице Строителей — первой улице города — выросли, дотянувшись ветками до четвёртого этажа, берёзы — их посадили в 66-м, и им уже давно за двадцать.

— А на улице Юности,— говорил мне первый секретарь горкома комсомола Рустом Бикмуллин,— берёзкам лет по 16-17. Это вторая наша улица. А знаешь, сколько у них ровесников среди коренных нижнекамцев?

Много ровесников. И проблем с ними много. ...«Вечерний горком» собрался ровно в шесть. Субботний день клонился к вечеру, желтела за окном листва — осень стояла сухой и тёплой.

Когда Рустем расставил всех «по местам», раздался телефонный звонок. В трубке — ломкий мальчишеский басок: «На «куликовом поле» сегодня будет драка. Двор на двор...» И всё. Голос оборвали короткие гудки. Первый секретарь положил трубку, посмотрел на часы, сказал:

— Сбор здесь. В двадцать два тридцать. Ребята разошлись. Бикмуллин знал, что Володя Сельсков — второй секретарь горкома — поехал во Дворец спорта «Юбилейный», Валя Павлова — секретарь по школам — с дружинниками рестораны в центре города обойдёт, не забудут ребята и о молодёжных клубах, дискотеках, рабочих общежитиях. А вечером соберутся все вместе, поделятся впечатлениями.

У Рустема планы на сегодня менялись — посещение подростковых клубов в одном из микрорайонов откладывалось. Он сделал пометку в «ежедневнике» и позвонил в штаб городского комсомольского оперативного отряда, рассказал новость:

«Подстрахуйте, ребята. Только осторожно, не выдавайте себя. Вспугнём пацанов, потом никакими калачами не заманим к себе, потеряются...»

Вот и так называемое «куликово поле» — ровная площадка, где через две-три недели начнут закладывать фундамент под новый дом. У штабеля бетонных блоков — компания, человек двадцать. Светятся в наступающих сумерках огоньки сигарет. Ктото неумело бренчит на гитаре, пытается петь. Неторопливо, будто нехотя переговариваются между собой: «Не, не придут,— вздохнул один,— побоятся». «Придут,— перебил другой.— Кровь из носу, придут...»

- Ребята, какие проблемы решаем? подошёл Бикмуллин поближе. Почувствовал, что ватага готова вот-вот броситься врассыпную. Но, видимо, заметив, что он один, обступили, взяв в кольцо. Молчали, настороженно оглядываясь, потом почти хором спросили:
  - А ты кто такой?
  - Первый секретарь горкома комсомола.

Парень с гитарой присвистнул, закатив глаза, вызвав одобрительные смешки своих товарищей.

Улыбнулся и Бикмуллин.

- Свистишь хорошо. А вот поёшь плохо. Очень. Ещё хуже играешь.
  - Может, научишь? протянул Бикмуллину гитару.

Рустем гитару взял. Тронул струны. Он знал, чем растопить ледок недоверия. Спел из репертуара «Машины времени», «Аквариума», потом ещё одну — песню, которую сочинили ребята из клуба самодеятельной песни.

Слушали внимательно, серьёзно.

- Короткий урок,— закончил Бикмуллин. А если хотите по-настоящему научиться... Знаете, где у нас молодёжный клубстудия? Улица 30 лет победы, дом 9. Володю Колчина спросите, он там за главного...
  - А не выгонят?
- Да,— оглядел ребят Бикмуллин,— все, пожалуй, не уместитесь. Но если сами возьмётесь за реставрацию одной подсобки, то и друзей даже пригласить можете там всем места хватит.

Долго ещё говорили. И о том, чем заняться в свободное время, и когда картодром построят, и где хорошие записи для фонотеки найти и переписать...

В двадцать два тридцать собрались в горкоме. Бикмуллин рассказал о встрече с подростками. Валя Павлова об этих компаниях знала: «Новый микрорайон. Школу открыли только в этом году. СПК лишь приступает к активным действиям. В понедельник съезжу к директору школы. Надо совет СПК собрать. Не первый сигнал оттуда».

— До драки сегодня не дошло,— всё больше хмурился Рустем.— Случайно. А если бы не звонок? Так что, считайте, ЧП было. А потом я не уверен, что все ребята к Колчину придут. График дежурств и схему маршрутов комсомольской боевой дружины изменить просто необходимо. Главное внимание — новому микрорайону. С директором завода свяжусь сам. Надо поправлять дело. Школу пора открывать по-настоящему. Не только для учеников...

А директора школ были, конечно же, против. Все. «Это значит отдать школу на растерзание.

Разорвут, затопчут. Каждый год — капитальный ремонт? Мы уже в октябре с ужасом начинаем думать о будущем лете. Где доставать краску, материалы?»

Такие разговоры случались в среде педагогов лет шесть назад, когда в Нижнекамске серьёзно задумались над тем, как остановить рост правонарушений среди подростков. Познакомились с опытом работы по месту жительства в Свердловске и Пензе. Но копировать что-то не очень хотелось. Важно принять во внимание местные условия, не потерять собственной специфики. Нижнекамск — быстрорастущий молодой город. Из 180 тысяч жителей каждый третий паспорта ещё не имел. Просчитать надо было многое. И то, что в городе высочайший уровень занятости населения — более 90 процентов взрослого населения — люди работающие, а до бабушек и дедушек здесь пока просто не «доросли». И то, что промышленные предприятия находятся далеко от города — за санитарной зоной — и родители практически весь день на работе. И то, что не хватало пока Домов культуры, спортивных сооружений, подростковых клубов, кинотеатров — город рос с неимоверной быстротой, объекты соцкультбыта не успевали за ним; требовалось многое, но главным всё же оставалось жильё, так как за год население Нижнекамска увеличивалось примерно на десять тысяч человек.

В таких условиях дети и подростки большую часть времени были предоставлены самим себе. Компании, подвалы, драки, кражи, несчастные случаи — всё от недогляда... Как остановить эту лавину?

Надо было искать выход. После долгих споров, заседаний, совещаний решение приняли такое: «Открыть школы для жителей микрорайона. Создать координационные советы из педагогов, руководителей предприятий, а также общественных организаций, которым вменить в обязанность проводить весь комплекс воспитательной работы по месту жительства».

В 1981 году в Нижнекамске впервые прозвучало: СПК — социально-педагогический комплекс.

Это сегодня директора школ говорят: «Когда в проекте реформы общеобразовательной школы мы прочитали о том, что именно школа должна стать центром воспитательной работы в микрорайоне, нам было уже легче — не с пустого места начинать». А тогда, шесть лет назад...

Так ведь и обвинять педагогов в этом трудно. Нужды школы мало кого волновали. Шефы? У них своих забот, как говорится, выше головы.

— До создания СПК наш союз с предприятием был скорее символическим дуэтом, чем реальной силой. Теперь мы в одной упряжке, более того, шефы в этой упряжке за коренника!

В этих словах директора средней школы № 16 Т. А. Ахатова нет ничего удивительного. Подчеркну лишь, что — для любого жителя Нижнекамска. Для гостей же фраза звучит несколько необычно. Почему, например, председатель СПК, он же директор Нижнекамского механического завода, В. Е. Ларионов свой трудовой день начинает в подшефной школе?

Хотя, будем справедливы — не каждый день, но обязательно три-четыре раза в неделю.

Как-то задали вопрос Ларионову: «Почему?»

— Уж кто-кто, а руководитель предприятия знает, что такое план. Свой план должен существовать и в индустрии досуга, как это сейчас стало модным называть. Поэтому координировать работу совета СПК нужно как можно чаще. Наш успех — и в организованности тоже. А потом... мне не безразлично, как проводят своё свободное время рабочие нашего предприятия. По той простой причине, что утром они должны выйти на работу. И хорошо, если накануне вечером парни, например, играли в волейбол в школьном спортзале.

«Конечно,— признаются ныне многие руководители предприятий,— поначалу считали это дело для себя принудиловкой. Но лишь поначалу. Очень быстро, даже неожиданно быстро, мы увидели реальные плоды своей работы. Нам стало выгодно».

Заметим, выгодно стало школе, выгодно и предприятию. Откуда же появились ростки обоюдного интереса друг к другу?

Надо сразу подчеркнуть: деятельность социально-педагогических комплексов включает в себя выполнение триединой задачи. Во-первых, работа с детьми и подростками. Во-вторых, политико-массовая работа со взрослыми — родителями и молодыми рабочими. И, в-третьих, создание и укрепление материальной базы СПК. И если «в-третьих» полностью легло на плечи предприятий-шефов, то «во-первых» и «во-вторых» досталось в основном педагогическим коллективам. Но одно без другого в данной конкретной ситуации

существовать не могло.

— Кому из руководителей предприятий не хочется получить в рабочий коллектив воспитанного молодого человека, хорошего семьянина?— спросила на одном из первых заседаний городского координационного совета СПК его ответственный секретарь Г. И. Кокарева.— Никто не откажется. И многое для этого не нужно. Помогите наладить работу — постройте тир, спортивную площадку, привезите материалы и оборудование для технических кружков, в спортивный клуб, наконец, общественность подключите, заводской комсомол. Не распоряжение в левом верхнем углу одним росчерком пера нарисуйте на заявке, а проведите конкретную работу.

Нижнекамск условно разбили на двадцать микрорайонов. В центре каждого — школа. Советы СПК принялись за работу. Начало было нелёгким. Начинали в «численном меньшинстве», те, кому это было положено по штату — педагоги, работники жилищных управлений, члены партийных и комсомольских комитетов предприятий. Но все эти люди твёрдо знали: необходимо привлечь к деятельности многих и многих и прежде всего самих жителей микрорайонов. Но каким образом?

Провели простейшее социологическое исследование — выяснили состав населения по возрасту, роду занятий, образованию. Проанализировали, какова обеспеченность микрорайонов спортплощадками, объектами культурно-бытового назначения, каковы наиболее распространённые причины правонарушений.

Словом, определили направление дальнейшего поиска.

Нужен был толчок, который бы активизировал людей, пробудил в них утерянный интерес к общению. Приняли решение провести по микрорайонам праздники. Где-то они вылились в праздник двора, чествование передовиков производства, где-то в праздник советской семьи, встречу с интересными людьми. Главная цель их проведения — нужно было вытащить всех из квартир, познакомить, подружить.

— Я с ужасом думала, глядя, как люди всё идут и идут,— вспоминает директор средней школы № 15 Т. И. Криницина,— что вот-вот пол из-под ног уйдёт, здание рухнет. В классах учителя с родителями беседуют, в спортзале соревнования проходят «Папа, мама, я — спортивная семья». В актовом зале — встреча с интересными людьми, концерт. В холлах бальные танцы разучивают. В столовой конкурс на лучший семейный стол организовали. Модельеры новые фасоны одежды демонстрируют, тут же работает школа кройки и шитья, ведут которую модельеры из близлежащего ателье. Малыши в кинозале мультфильмы смотрят...

Ещё и праздник не закончился, а нас уже спрашивали, когда будет новый, следующий.

«Зависит от нас самих, от всех и каждого в отдельности»,— сказала тогда Криницина.

Нельзя сказать, что «загорелись» этой идеей буквально все. Но актив появился. Нашлись родители, с удовольствием взявшие на себя обязанность вести кружки технического творчества, спортивные секции. Родительские комитеты получили пополнение. Кстати, здесь же, на празднике, родилась идея провести первую в городе конференцию отцов.

Оказалось, что трудновоспитуемые имеются не только среди подростков, есть «трудные» и среди родителей. Совет СПК решил провести анкетирование среди школьников, члены родительского комитета побывали в неблагополучных семьях. Вооружившись фактами, собрали родителей — исключительно мужчин. Прямой и нелицеприятный разговор получился. Зачитали несколько писем ребят. К примеру, одна девочка писала: «Отца я своего не люблю. Трезвым он бывает раз в неделю. Достаётся нам с мамой. Не могу из-за этого подружек пригласить в гости». Когда зачитали эти строки, несколько человек вышли из актового зала — покурить.

А на следующий день раздался звонок в кабинете директора завода, но спросили не директора, а председателя СПК. «Я вас очень прошу, вызовите моего на конференцию,— плакала в трубку женщина.— Сил нет никаких больше. Пьёт, скандалит ежедневно».

Правда, конференции очередной ждать не стали (хотя проводят их теперь регулярно). Вызвали нерадивого папашу на заседание совета СПК. Выявилось, что на работе — золотой человек, мастер. А вот дома, простите, самодур. Поговорили откровенно. Жёстко предупредили. Потом ещё несколько раз кто-нибудь из членов совета наведывался в гости. Словом, дело поправили.

После конференции отцы, узнав, чем занимаются их дети в свободное время, сами стали приходить в школу, предлагать, как говорится,

себя — свои руки и знания. Появились в школах клубы туризма, новые спортивные секции, технические кружки, руководили которыми родители. К председателям СПК делегации направляли: «Дайте материалы, сделаем спортивную площадку, построим тир...»

— Мы почувствовали,— рассказывал мне первый секретарь горкома партии Р. Ш. Шамгунов,— что обстановка в микрорайонах стала управляемая. Увидели, как вырос авторитет советов СПК, с какой заинтересованностью жители начали относиться ко всему, что делается в микрорайоне. Люди поверили в силу совета. Но главное — они поверили в свои силы, поняли, что многое зависит от них — от их инициативы, творчества, активности, сознательности. Мы возродили такую интересную форму работы, как сходы, когда партийные работники, хозяйственные руководители, депутаты местного Совета, представители органов милиции отвечают на вопросы трудящихся. На этих сходах принимаем конкретные решения, определяем сроки, назначаем ответственных за исполнение, просим помощи у людей, если этого требует дело. И всегда находим поддержку. Потому что люди поняли: всё делается для их же блага. Так почему же не помочь?

Идеальны ли отношения председателей СПК к нуждам и проблемам вверенных им микрорайонов? Закономерный вопрос. И ответить на него необходимо. Да, не у каждого руководителя хватает умения, энтузиазма, сил, способностей, наконец, тащить и этот тяжёлый воз в гору. Ошибочно было бы думать, что директор предприятия решает задачи только лишь материального обеспечения СПК. Вручая

хозяйственникам — первым руководителям предприятий — портфели председателей советов социально-педагогических комплексов,— продолжал Роберт Шакирович,— мы дали им понять, что они в ответе за моральный климат в микрорайоне. По роду своей деятельности они обязаны воспитывать. А кому тяжела эта ноша, освобождаем. На должность председателя СПК ищем человека, умеющего увлечь, повести за собой, заразить идеей... И, знаете, сейчас стало престижным быть председателем СПК. У самых лучших имеется свой, отличный от других, почерк, появляются свои интересные формы работы.

Вспоминаю встречу с директором домостроительного комбината, председателем одного из СПК города В. С. Непомнящим.

— Я сам дитя большого города. Жил в коммунальной квартире. Девять семей! Куча детей. Но мы умели общаться, жить нескучно. Не было телевизоров, зато существовало такое выражение: «Пойти на улицу». Гармошка, разговоры, танцы под старый патефон, песни. Потом мы стали хорошо жить. Люди получали отдельные квартиры, появились телевизоры. Мы перестали общаться. И появилась проблема: как научить, казалось бы, самому простому — человеческому общению и взаимопониманию, когда «радость на всех одна, на всех и беда одна»? Вы скажете, этому не учат. Ну тогда попробуйте ответить на такой вопрос, если, конечно, проживаете в большом многоэтажном доме: «Как зовут соседа, проживающего над вами, этажом выше?» Вы его знаете наверняка лишь в том случае, если у него

несколько дней назад прорвало трубу и вас залило. Скажете, нет? Непомнящий не ждёт ответа. Он уверен, что так оно и есть. Что ж, с ним нельзя не согласиться.

— Мы решили вытаскивать людей для общения,— продолжает он.— Но не так это просто. Ведь прошло, считай, двадцать лет, как практически в каждой семье появился телевизор — этот домашний магнит... Или по-другому посмотрим на эту проблему. Вот мы строим дом. В нём 770 квартир. Где-то, по самым скромным подсчётам, на три тысячи человек. Да это же райцентр, большое село! А в каждом селе есть, пусть и плохонький, но клуб. В микрорайоне не один дом — несколько. Живут почти десять тысяч человек. И строим мы его примерно за год. Но нет ни одного клуба! Что прикажете делать? Школа с её актовым и спортивным залами, конечно, выход. И мы стараемся использовать её возможности на все сто процентов. А нам нужно не на сто — на двести! Значит, нужен в микрорайоне свой клуб, клубик.

Здесь, в Нижнекамске, задумались над тем — впрочем, сама жизнь подсказала эту идею,— что сегодня не нужны огромные Дворцы культуры — дорогостоящие и часто пустующие, а нужны, по меткому выражению Непомнящего, «клубики», где каждый может найти себе дело по душе. Проект такого «клубика» в домостроительном комбинате уже есть — сами и проектировали. Сами и строить намереваются. В выходные дни, из некондиционных материалов.

— Зашёл недавно второй секретарь горкома

комсомола Володя Сельсков, говорит, дескать, начинайте, а я вам бригаду каменщиков из комсомольского актива сформирую. Мы-то построим,— огорчённо машет рукой Непомнящий,— за нами дело не встанет. Но по шапке, как говорится, получим.

К чему лукавить? Естественно, не так-то просто всё это сделать. Одно слово — неплановое строительство. Значит, материалов не будет, машин не достать. Правда, люди есть, горящие желанием участвовать в строительстве после работы. Но этого мало.

К сожалению, в проекты застройки микрорайонов клубы не внесены. Существуют, оказывается, нормы Госстроя СССР. Н заказчики бы рады, и проектировщики не против помочь. Но...

Банк не финансирует строительство «очага культуры». Инструкция не позволяет. Вычеркнули «клубики» из проекта. Не поло-же-но.

Проблема государственной важности, как справедливо считают в Нижнекамске. Госстрою СССР необходимо, по мнению руководителей СПК, в обязательном порядке разрешать проектирование и строительство клубов на 150-200 мест. Стоить они будут недорого — 250-300 тысяч рублей.

Важно в связи с этим вот ещё что. Такие клубы помогут решить и другую серьёзную проблему. Ведь не секрет, что подростковые клубы по месту жительства занимают часть квартир на первом этаже. И всё равно тесно, всё равно места не хватает.

А пока руководители СПК ищут выход из нелёгкого положения, которое они называют «дефицитом общения».

Ищут выход и энтузиасты. Помните, в начале нашего рассказа появился один адрес? Улица 30 лет победы, дом 9. Здесь по инициативе комитета комсомола производственного объединения «Нижнекамскшина» родился молодёжный клуб. Первым о создании его заговорил Рустем Бикмуллин, работавший тогда в одном из подразделений этого объединения. А потом все дела по наследству перешли к Володе Колчину — члену комитета комсомола и нынешнему председателю клуба. Оборудовали клуб в типовой пристройке к общежитию, где до этого был красный уголок. Не обошлось, правда, и без курьёзов. Членам комиссии, которые проверяли состояние воспитательной работы в общежитии, клуб очень понравился, но в акте было отмечено тем не менее: «Красного уголка не имеется».

— Может быть, я максималист,— говорил мне Володя Колчин,— но посудите сами. Кто сейчас с удовольствием придёт в комнату, где вдоль стен расставлены стулья, на стене висят старые плакаты типа: «Пьянству — бой», а на самом видном месте притулился стол, покрытый зелёным бархатом. Сама табличка на дверях «Красный уголок» просто отпугивает. Нет, на лекцию о вреде чего-то там молодёжь сейчас не заманишь. А имел ли другие формы работы красный уголок?

В молодёжном клубе обстановка другая. Трудно не почувствовать тепло почти домашнего уюта. Оригинально оформленные фойе, бар (естественно, безалкогольный), кинозал и танцевальный зал. Помещения небольшие. Но сделано всё со вкусом. И всё сделано руками комсомольцев.

Молодёжь любит смену впечатлений. Нужны, наверное, и тихое проникновенное слово поэта, и классическая музыка, и ритмы, и движение, и общество сверстников. Практика показала, что обязательно наступает момент, когда бездумное проведение досуга перестаёт удовлетворять молодых людей. Даже дискотека всё меньше привлекает их внимание. Потому что склоняет к проведению бездумного отдыха.

— У нас в клубе-студии занятие можно выбрать на любой вкус,— показывал мне своё «детище» Колчин.— Клуб самодеятельной песни, с чего, собственно, мы и начинали. Семейные вечера, праздники поэзии. Оборудовали недавно две комнаты под мастерские — радиолюбители теперь у нас собираются. Наравне со школой клуб наш стал центром воспитательной работы в микрорайоне. Очень здорово помогает совет СПК. Ведь только одного оборудования закупили мы на 80 тысяч рублей. А живём мы идеями. Самая свежая — это организация филиалов нашего клуба во всех красных уголках общежитий производственного объединения «Нижнекамскшина».

И снова необходимо вернуться к началу нашего повествования. «Концерт» первого секретаря горкома комсомола на «куликовом поле» получился с продолжением. Пришли ребята к Колчину. А через несколько месяцев по инициативе горкома комсомола состоялся в городе первый конкурс «Парень с гитарой». И его лауреаты — Сергей Тепляков, Саша Захаров, Володя Федонин, Сергей Ткачук — сегодня частые гости на различных праздниках, которые проходят в каждом дворе. А особенно

желанными гостями стали они в своих родных дворах, где выросли и где их знают...

А вот соседи нижнекамцев — набережночелнинцы эту интересную и многообещающую форму работы по месту жительства подхватили и даже пошли дальше. Здесь не ограничились имеющейся материальной базой школы. В Набережных Челнах задумали построить досуговый центр — кстати, не предусмотренный ни архитектурными планами, ни лимитами — пример того, как, несмотря на всевозможные запреты, пробивает себе дорогу и утверждается новое. Появился досуговый центр «Огниво» — первый в своём роде и единственный в то время, пожалуй, в стране.

Центр — конкретное воплощение идеи досуга в «кругу друзей».

Экскурсий по «Огниву» — путешествие само по себе увлекательное. А если ты здесь частый гость? Моим гидом по досуговому центру была его директор Алина Георгиевна Андрейченко.

— Если уж браться воспитывать, то только всю семью,— считает она.

Не надо пугаться! Это не так скучно, как может показаться на первый взгляд. Здесь не мучают назидательными лекциями. Есть у вас время, выдался свободный вечер,— приходите, и обязательно приходите с детьми. Любите работать с деревом и металлом? Пожалуйста, в мастерские. Может быть, увлекаетесь фотографией или радиоделом? И для этого есть специальное помещение и оборудование. Вам нужно сшить модное платье? Для вас имеется кружок кройки и шитья, где вам помогут скроить обнову. Открыли здесь и вечерний детский сад. Есть клубы яхтсменов, картингистов,

аквалангистов, любителей книги — всего их 44.

«Огниво» открыто для всех желающих с девяти утра до девяти вечера. Для всех возрастных и основных социальных категорий здесь разработаны свои методики, которые и ложатся в основу всех праздников и театрализованных представлений, конкурсов и фестивалей.

— Методическую помощь оказывают нам специалисты из Ленинграда,— поделилась Алина Георгиевна.— Но дело не в том, что помогают нам учёные из далёкого города. Главное — мы обратились к действительно прогрессивному направлению педагогики, что подтверждаем, естественно, практикой!..

А недавно в Набережных Челнах открылся второй досуговый центр. Через десять лет их здесь будет уже двенадцать — каждый год будут строить по одному. Исполком Набережно-Челнинского городского Совета совместно с НИИ культуры РСФСР начали большую подготовительную работу по развитию культурного потенциала города, по созданию досуговых центров, музейных комплексов.

Социально-педагогические комплексы действуют сегодня во всех городах и районных центрах республики. Практика показала, что их деятельность является одной из наиболее удачных форм организации досуга трудящихся, появилась возможность сделать воспитательный процесс непрерывным, действительно комплексным.

О многогранной деятельности СПК рассказать в небольшом очерке практически невозможно. Просматриваю сейчас свои записи и сожалею о том, что так много осталось «за кадром».

Работа членов педагогических отрядов в подростковых клубах, например. Или «снежный десант». И клубы старшеклассников, и юных десантников, которые ведут бывшие воины-интернационалисты...

Есть у СПК и свои проблемы. Главное же, по моему убеждению, нет недостатка в идеях. И в исполнителях. Тех, кто эти идеи реализует.

И это здорово, когда на праздник двора собирается весь дом — и стар и млад, и почти каждый участвует в его проведении. Не зрителем, не клубной сиделкой, а главным действующим лицом.

И это очень здорово, когда на таком празднике торжественно вручают комсомольские билеты. Юноша стоит перед своими соседями, в белой рубашке, руки от волнения не знает куда деть. И вдруг улыбнётся, услышав: «Этот парень молодец. В школьной ремонтной бригаде состоит. Все подъезды у нас почистили и покрасили...»

Вручая парню комсомольский билет, скажет ветеран войны:

— Знайте, в трудную минуту знайте, что живёт рядом с вами комсомолец Андрей Крылов.

И вместе со всеми долго будут хлопать в ладоши родители Андрея. И кто-нибудь скажет им от чистого сердца: «Хорошего сына воспитали. Спасибо». А что есть дороже этого?

«Я ВЛЮБЛЁН В НИХ, СВОИХ РЕБЯТ!»

(Штрихи к портрету клуба «Виндсёрфинг»)

Ну, конечно,— говорит Эдуард Соркин,— были моменты, когда хотелось всё бросить! Бывало очень тяжело. Шесть лет назад начинали с нуля. И были мы горсточкой комсомольцевэнтузиастов. А нужно было и клуб в подвальном помещении дома оборудовать, и материалы для спортивных снарядов доставать. И всё это после основной работы на КАПО имени Горбунова. Сейчас у нас в «Виндсёрфинге» более ста членов от пяти до пятидесяти лет. И я просто влюблён в них, в своих ребят!

Он так и сказал: «ребят», хотя «ребята» эти были такие разновозрастные. Впрочем, в основном молодые.

— Понимаете,— продолжал делиться мыслями руководитель клуба,— порой мы много с трибун говорим: «Надо привлекать ребят к полезным делам, надо отвлекать от влияния улицы!» И мало делаем. Старые формы работы многих кружков не оправдывают себя. К примеру, в 12 лет мальчишку в спортивную секцию порой и не запишут, скажут: «стар», тренеры отбирают лишь перспективных, В одном лишь техническом кружке ему может быть скучно. Нужно, чтобы ещё и спортом

подросток мог заниматься. А у нас нет такого узкопрофессионального подхода. У нас в клубе можно быть и столяром, и чертёжником, и плотником, и художником, и конструктором, и спортсменом.

Сами делаем спортивные снаряды-доски для виндсёрфингов, шьём паруса, чиним свою спасательную лодку. Сами оборудовали в клубе вот эти уютные комнаты: учебную с магнитной доской, кинопроектором, библиотеку, зал для атлетической подготовки.

У нас нет взрослых и детских групп. Школьники, студенты, рабочие, инженеры, как в одной большой семье, где есть старшие и младшие, все трудятся вместе. И все друг у друга чему-то учатся. Ребята у рабочих парней учатся, как держать молоток. Инженеры «подбрасывают» конструкторские идеи... И знаете, что интересно: те ребята, которых безуспешно прорабатывали родители за то, что они бросили учёбу в вечерней школе или техникуме, вновь поступили учиться.

Эта встреча с Эдуардом Соркиным состоялась несколько лет тому назад, а точнее — в 1983 году. А Таня Алексеева, техник, а ныне старший техник, рассказывала:

— Сначала, конечно, у нас был не клуб. Соркин в журнале «Катера и яхты» вычитал про виндсёрфинг. И мы узнали, что история виндсёрфинга восходит к 1961 году, когда двое любителей парусного плавания из Калифорнии установили на доске мачту с парусом, но не обычным способом жёсткого крепления, а свободно падающей во все стороны. Новый вид спорта — виндсёрфинг — объединил два вида — традиционный парус и сёрфинг,

зародившийся на океанских пляжах южных широт ещё в прошлом веке.

Наши ребята целый 1977 год мастерили из пластика доску. А я и техники Оля и Таня Смирновы, инженер Аниса Гатиатуллина шили парус. Эту «старушку»-доску мы очень долго хранили для истории.

Потом всё разрослось. Виндсёрфинг — спорт смелых, сильных. Тренировки ведутся круглый год. Занимаемся в плавательном бассейне Молодёжного центра, в спортзале Дворца культуры и техники имени Ленина, в своём клубном. А группа спортсменов с усиленной подготовкой занимается ещё и на манеже спортивного клуба «Рубин». Ученик десятого класса 122 школы Александр Анисимов и инженер Александр Голубев стали кандидатами в мастера спорта. И в первом чемпионате Татарии по виндсёрфингу заняли первое место в командном и личном зачёте.

...Ещё «Виндсёрфинг» называют клубом общения. Сюда может прийти любой подросток, можно прийти и всей семьёй. Устав очень демократичен. Он гласит: «Членом клуба может быть любой житель города Казани независимо от пола и возраста, признающий устав клуба и активно участвующий в творческой, трудовой и спортивной деятельности, выполняющий все решения тренерского совета.

Член клуба должен быть честным и справедливым по отношению к товарищам, всячески укреплять дружбу и сплочённость членов клуба. Он должен принимать активное участие в проектировании, изготовлении, ремонте спортивных снарядов, помещения. Должен

стремиться передавать свой опыт плавания на виндсёрфинге новичкам.

Девиз клуба: «творчество, труд, спорт». «Виндсёрфинг» — клуб, объединяющий в своих рядах тех, кто стремится к гармоническому развитию, кого привлекают творчество, труд, спорт».

— По уставу клуба мы все должны здесь не только заниматься спортом, но и трудиться,— рассказывал мне молодой инженер (ныне заместитель начальника цеха КАПО) Григорий Савосин. — Но как ворчали наши жены, когда мы домой после работы и занятий приходили порой в 10-11 вечера. «А вы приведите их сюда!» — посоветовали нам инициаторы создания клуба. Привели. И знаете, им здесь понравилось! Так увлеклись работой! А летом мы всей семьёй с пятилетним Антошкой выезжали на Волгу на нашу базу «Бережок». Ходить под парусом одно удовольствие. Сын научился плавать на доске. Нынче в клуб будем ходить всей семьёй. Сын будет здесь же в спортзале заниматься.

Рита Ульянова — член комитета комсомола КАПО — своё мнение о клубе высказала так:

— Знаете, что меня поразило, когда я, выпускница КХТИ, вместе с членами клуба первый раз выехала на выходные дни на базу отдыха? Удивительно тёплая дружеская атмосфера. Выехали с палатками, гитарой. Никаких бутылок. Кстати, из ста членов клуба лишь трое курят и никто не пьёт. Сейчас все вместе проводим праздники, ходим в кино. Конечно, нелегко после смены в цехе несколько часов трудиться в клубе. Я — отдел снабжения клуба (на общественных началах, конечно).

Доставала для него списанные стулья, столы, оргстекло. Потом мы отмывали старые стулья от краски, реставрировали их, обшивали стены панелями, бетонировали полы — без всей этой работы не было бы нашего клуба.

...И ещё один штрих к портрету клуба: многие подростки, которые приходят в клуб заниматься, поступают потом работать на Казанское производственное объединение имени Горбунова. Это тоже очень немаловажно.

Улица Дементьева, дом № 5. Сюда спешат после учёбы и работы десятки увлечённых творчеством и спортом людей. Сюда пишут письма члены клуба, служащие в армии. После родного дома это их второй дом.

Вот строки из нескольких посланий солдат, на конвертах которых стоят адреса полевой почты.

«Привет с Урала!

На этой неделе получил поздравительную открытку, которую вы послали в Аральск, а оттуда её переслали сюда. Большое спасибо за поздравление. У меня всё нормально. Часто вспоминаю Волгу, Казанку. Как-то по телевизору показывали в спортивных новостях соревнования в Москве на приз «Героев космоса». Видел парус под номером 1082, мне показалось, что это казанский номер. Напишите мне, куда ездили, как выступали, каким составом. Помню, в клубе хотели делать новую модель виндсёрфинга — виндгляйдер. Удалось ли?

Что нового в клубе?

Всем, всем огромный привет!

Пишите!

Олег Юдинцев».

Второе письмо. «Привет всем нашим ребятам и девчатам от курсанта рядового Александра Волошина. Нахожусь в учебке. Вчера в честь праздника были спортивные соревнования. Занял первое место по прыжкам в высоту с результатом 165 сантиметров. А как у вас дела? Из газеты знаю результаты Спартакиады народов СССР и Балтийской парусной регаты, но только конечные результаты. О ходе соревнований в классе виндгляйдер очень мало рассказывается. А о других соревнованиях даже заметки нет. Напишите, какие у вас места, кто лучший, кому дали разряды. Если есть возможность, вышлите фото с соревнований или просто снимок кого-нибудь на воде. А то забуду, как доска с парусом выглядит. Пишите. Жду».

Письмо третье. «Здравствуйте, Валя, Шурик, Димка, Роберт и все остальные друзья по Парусу. С солдатским приветом к вам ваш друг Юрий.

Спешу сообщить, что я жив, здоров, служу нормально, работаю на стройке пока учеником плотника-бетонщика. Часто вспоминаю вас, думаю о вас. Очень хочется походить под парусом, участвовать в соревнованиях. Но всё это будет через две зимы, через две весны. Отслужу в стройбате и вернусь к вам в наш клуб «Виндсёрфинг».

Юрий Злобин».

Эти письма пришли в клуб несколько лет тому назад. И когда я поинтересовался у руководителя клуба Эдуарда Соркина, что стало с этими парнями сегодня — остались ли они в клубе, остались ли верны своей мечте — Парусу, он ответил:

— Конечно! Ведь Парус — это общение с природой, ветром, водой. Это на всю жизнь. Юра Злобин работает у нас на заводе слесарем. Саша Волошин учится в КРУ и вместе с отцом Виктором Александровичем посещает клуб. Олег Юдинцев работал у нас на заводе, после армии учится в КФЭИ. И все эти три бывших солдата, от которых мы получали письма и которым всегда с радостью отвечали, верны клубу.

Говорят, что зажигает лишь тот, кто сам горит. Давайте и мы мысленно вернёмся к тем дням, когда всё это лишь начиналось.

Эдик Соркин — выпускник КАИ, комсомольский активист на КАПО имени Горбунова, пожертвовал своим отпуском, чтобы создать клуб. «Выбивал» трубы, кирпичи, подвал па улице Дементьева. А сколько мужества, воли требовалось от первопроходцев — Эдуарда Соркина, выпускников КАИ, комсомольцев техников, инженеров Владимира Сычёва, Вячеслава Магазина, Александра Никитина, когда в августе семьдесят седьмого отправились они на базу отдыха родного предприятия КАПО «Бережок», чтобы испытать сделанную рабочими в содружестве с молодыми инженерами «доску-старушку», как её стали потом называть.

— Ветер холодный, северный. От берега не отойти. Отвезли нас на лодке на несколько метров от берега — спустили доску на воду... А куда вставать, за что держаться, не знаем. Стояли прямо. Боялись наклониться. Ну и, конечно, устоять не могли. Падали с доски. Купались в ледяной воде. Бабки, стоящие на берегу, причитали:

— Да что вы, родимые! Разве так можно! Простудитесь, заболеете!

А нам отступать нельзя. Ведь целый год трудились, готовились к испытаниям. И лишь когда ветер подул с берега и мы уже приобрели некоторый опыт, на доске стало что-то получаться. Ну, а в 1978 году появилась литература о том, как вести себя на воде,— улыбаясь, вспоминает трудное начало Владимир Ильич Сычёв, работающий нынче директором комплексной детскоюношеской спортивной школы СК «Рубин».

- Кстати,— говорит он,— в том же 78-мгоду в августе команда нашего клуба (четверо парней и девушка) приняла участие в первых соревнованиях на приз «Героев космоса». В них участвовали семнадцать команд. И мы, новички, заняли двенадцатое место. Потом наши ребята участвовали во многих соревнованиях и республиканских, и всесоюзных. И всюду, куда бы мы ни ездили, на все соревнования возили с собой наш самовар, который где-то раскопал начальник нашей спортивной базы А. Л. Онегин. Самовар исторический. Из первых советских самоваров. На нём надпись «Артель наше будущее». Мы его отремонтировали. И все вечера в клубе, после концертов самодеятельности сидим возле него. Пьём чай. Он большой на целое ведро. Да и наша спортивная семья тоже ведь большая.
  - ...А это из области воспоминаний Эдуарда Соркина.
- Помнится, когда мы только начинали и ставили своей целью массовость, а не рекорды, некоторые были против. В ленинградской секции виндсёрфинга было по 10-15 членов. Мы

переписывались с ними, они присылали нам литературу, чертежи. И нам тогда многие говорили:

— Пусть бы у нас тоже было в клубе мало народу, зато были бы мастера! А сто человек?! Это же мученье!

И с Виктора Преснякова — руководителя спортивного клуба «Рубин» — мастеров требовали. Мы создали тогда спортивную группу в 20 человек с усиленной подготовкой, но от массовости не отказались. За 10 лет существования клуба на общественных началах было подготовлено 7 кандидатов в мастера спорта, около 60 перворазрядников.

— Ну и что же,— может спросить читатель,— значит, всё в клубе «Виндсёрфинг» шло, как говорится, по маслу. И не было в его жизни никаких трудностей, кроме как начальных, организационных?

Нет, трудности, конечно, были, есть они и сейчас. Какие? Вот как об этом говорит Эдуард Соркин:

— В клуб пришло много народу, он стал популярным. А досок для занятий не хватило. И в одни момент стало казаться, что клуб должен распасться. Нет роста. Варимся в собственном соку. Но клуб пережил кризис. Не распался. Почему? Да потому, что был создан коллектив единомышленников. Когда мы были комсомольцами и начинали создавать клубы, моим заместителем и главным помощником был Володя Сычёв. Прошли годы. А Владимир Сычёв и поныне стоит во главе начатого в 70-х годах дела. Очень активный, душевный человек и большой энтузиаст. Готов в любую минуту поехать в любой город страны ради

установления связи с предприятиями, которые могут нам помочь.

Сейчас у нас 200 судов: это яхты, доски с парусами — виндсёрфинги, обслуживающие катера. Часть досок делаем сами, часть покупаем в Таллине.

В 1985 году на базе клуба было создано парусное отделение детско-юношеской спортивной школы СК «Рубин» для ребят, которые увлекаются виндсёрфингом и яхтами. За три года было подготовлено 12 кандидатов в мастера спорта. Конечно, в школе ребята занимаются больше, чем те, которые посещают клуб. Но это сочетание школа-клуб очень важное. В 18 лет парень окончит парусное отделение школы, но занятия спортом не прервёт. Придёт к нам в клуб. И здесь продолжит тренировки, а летом будет ходить на доске или яхте.

И что замечательно: клуб — это одна семья, а увлечение парусом — на всю жизнь. У нас в клубе уже есть свои кадры тренеров. Вот Саша Тамаров, например, воспитанник клуба, сейчас учится заочно в институте физкультуры в Набережных Челнах и тренирует ребят в нашей школе. Да и не он один.

— Вот вы спрашиваете,— продолжает разговор Эдуард Соркин,— почему пустуют многие великолепные Дворцы культуры? Почему там мало молодёжи? Я считаю потому, что там нет коллектива единомышленников. А вот если бы нам сейчас дали хорошее большое помещение, мы могли бы набрать до тысячи ребят подростков. У нас есть коллектив, есть традиции. Сейчас многие спрашивают: «Что делать с подростками?» Энергии у них — через край. Значит, им надо дать дело! К примеру,

увлечь парусным спортом, ведь мы же на Волге живём! А парус — это и романтика, и мужество. И на всю жизнь: от детства до пенсии. Кстати, за годы существования нашего клуба через нас прошло много подростков. И никто из них не участвовал в драках, и не было ни одного случая привода в милицию. Конечно, приходили к нам и совсем не идеальные ребята. Случалось и курили, и матерились чуть ли не через каждое слово. Но постепенно отвыкали от этих дурных привычек: перед ними всегда был пример для подражания.

Те, кто пришёл в клуб до них, всегда были заняты делом: клеили доски, шили парус, ремонтировали помещение клуба, строили яхту и были дружны. У нас есть целые династии увлечённых спортом людей. Занимается в клубе семья Анисимовых: три брата и две сестры. И мы все от души поздравили Нину Анисимову, когда она нашла здесь своё личное счастье: вышла замуж за инженера Славу Матавина — члена нашего клуба.

И вот то, что подростки у нас не предоставлены сами себе, а жили и живут среди этих увлечённых и дружных людей, вместе тренируются, работают, встречают праздники, и играет главную роль в их воспитании. В клубе они находят дело и друзей.

В одну из суббот 1988 года я встретилась с членами семьи единомышленников в большом спортивном зале Дворца культуры и техники имени Ленина. На тренировки по футболу пришли сюда как постоянные игроки, так и те, кто решил «провести разведку», выкроив в выходной день время для неё и захватив с собой маленького сына. И это было весьма

характерно: ведь именно с разведки — заинтересует или нет? — и открывал каждый из будущих единомышленников клуба «Виндсёрфинг» новое увлечение.

Эдику Султанову, выпускнику СПТУ-29, слесарю-ремонтнику на КАПО — 18 лет.

- —В «Виндсёрфинге»,— рассказывает он,— я с 15 лет. Отдыхал с родителями на базе «Бережок», увидел доску с парусом на воде и загорелся: а нельзя ли и мне научиться? Эдуард Матвеевич Соркин сказал:
  - Приходи в наш клуб.

Пришёл. (Живу я недалеко, в посёлке имени Свердлова). Говорят: отрабатывать надо. Что можешь для клуба сделать? Сделал шкаф из фанеры и брусков. Дощечки к стульям в учебной комнате прибил, чтобы можно было за такими стульямистоликами заниматься. Потом учёба началась. Сейчас я перешёл на яхту. А брат Андрей, ему 15 лет, занимается в нашем клубе виндсёрфингом.

Четвёртый год ходит в клуб учащийся СПТУ № 3 Виктор Логинов. От поездки в Анапу на учебные сборы впечатление незабываемое:

Волны на море до метра высотой. Сядешь на доску — берегов не видно.

Учёбу в СПТУ Виктор совмещает с занятиями в автошколе ДОСААФ. В училище занятия до двух дня. А с шести до десяти — в автошколе. На вопрос: как выкраивает ещё время на занятия в клубе, отвечает:

— Нравится здесь. Вот и хожу. Спорт научил ценить каждую минуту времени.

Интересная беседа завязалась у нас с Виталием Борисовичем Шориным. Ему 45 лет.

Сыну Игорю — 18. В клуб ходят вместе. Сначала сюда, на «разведку», пришёл Виталий Борисович. Было это в пору становления клуба. И он, энергетик по специальности, работающий на КАПО, внёс свой вклад: помог провести электропроводку в помещении клуба. И в дальнейшем всегда следил за своим энергетическим хозяйством.

— Вначале, — рассказывает он, — на занятия в клуб ходил один. Тренировки сразу увлекли. Бегали по стадиону, играли в футбол, парились в сауне, летом ходили на доске под парусом, а зимой отправлялись в путь по Казанке под парусом на монолыже. На трамплинную лыжу делали подставку, сверлили в ней отверстия для мачты, укрепляли парус и ветер нёс по льду так, что дух захватывало.

Но однажды я подумал: «А почему я хожу на тренировки один?» Посмотрел на сына. С семи до тринадцати лет он помимо основной занимался ещё в музыкальной школе. На воздухе почти не бывал. Стал хилым. И взял я его с собой в клуб. Через месяц заметил, что Игорь стал крепнуть. Сейчас он учится в электротехникуме связи. Может 30 раз подтянуться на перекладине. Недавно в спортивном соревновании в техникуме занял первое место. К службе в армии готов. Любимые виды спорта Игоря виндсёрфинг и яхта.

Виталий Борисович Шорин — ветеран клуба. И, как все ветераны, имеет свои обязанности. Ветераны вместе с тренерами следят за тем, как в клубе, где есть турники, шведская стенка, штанга, гантели, гири и другие снаряды, проходит общефизическая подготовка ребят. Помогают новичкам осваивать искусство

управления парусом. Конечно, новички, прежде чем научатся ходить на доске, не раз окунутся в воду. Но тем не менее им всё же гораздо легче, чем было первопроходцам клуба, у которых не было ни учителей, ни пособий, а были лишь энтузиазм и мечта научиться удерживать в руках ветер и управлять парусом, как крылом.

Надо отдать должное энтузиастам-первопроходцам. Они всегда стремились сделать спорт массовым. Не отчаивались при неудачах. В семидесятые годы их авторитет на КАПО был весьма скромным. И если им приходилось обращаться к хозяйственникам с какой-либо просьбой, те недоумённо спрашивали:

— «Виндсёрфинг»? Кто такие?

Зато в восьмидесятые годы с уважением откликались:

— «Виндсёрфинг» просит? Обязательно найдём, дадим!

И случалось, «Виндсёрфинг» от своего имени просил уже не для себя, а для большого стадиона КАПО «Рубин».

Тут надо сказать, что росту авторитета клуба во многом помогало внимание к нему парткома, профкома, комитета комсомола, спортивного клуба «Рубин». Без этой поддержки члены клуба «Виндсёрфинг» не могли бы мечтать о будущем. А мечтают они о многом. Парусному клубу предприятия нужна хорошая база на Казанке. Нынешняя база не удовлетворяет: тренировки на воде ведутся не только летом, но и ранней весной, поздней осенью, когда вода ледяная, а обогреться негде. Да и зимой тем, кто ходит на монолыже,

нелегко приходится. База маленькая, неуютная, тёплых раздевалок нет, света нет, тёплой воды тоже нет.

Перспектива?

Вот о ней-то и говорили очень горячо на собрании все заинтересованные в этом деле люди в один из декабрьских дней 1987 года. Это был, как говорится, исторический момент. И я слышала, как спорили, фантазировали, мечтали, обсуждая проект новой базы, собравшись в маленьком кабинете директора детскоюношеской спортивной школы В. И. Сычёва.

- Тёплые боксы под механические и слесарные мастерские раз. Тренажёрный зал два. А гардероб нам на 300 мест нужен?
  - Нужен. Но может быть не такой уж большой.
- База должна быть вторым домом для ребят. Нельзя ставить так вопрос: два часа отработал на занятиях и уходи с базы. Верно?
  - Верно.
- Буфет на 40 человек. В Липецке на 40. Сауна. Корты теннисные. Волейбольные, баскетбольные площадки. Прокат лодок, виндсёрфингов, водных лыж. Гостиничный комплекс.
  - Зал амфитеатром.
- С ума сошли! Давайте подсчитаем метраж всего, что предлагаем. Наверняка уже по площади Казанский универсам плюс Дом быта получился.

И снова споры, предложения. Мечты. Но ведь любое большое дело начинается с мечты. А здесь мечта к тому же была не беспочвенной. К этому времени была достигнута договорённость с творческой мастерской при Союзе

архитекторов Татарии. И Эдуард Соркин — руководитель клуба «Виндсёрфинг», член президиума СК «Рубин» — сказал мне, когда собрание закончилось:

— Стройку хотим сделать народной Комитет комсомола КАПО возьмёт над ней шефство. Руководство нас поддерживает.

...Когда я начинала несколько лет тому назад своё первое знакомство с клубом «Виндсёрфинг», его создатели были очень молоды. Сегодня руководитель клуба Эдуард Соркин — член партии, опытный конструктор. Владимир Сычёв — директор ДЮСШ. Многие из первопроходцев клуба за это время продвинулись по службе, окончили заочно вуз. Многие вчерашние техники стали инженерами, обзавелись семьями. Но никто из них не отступил от своей мечты.

— К нам каждый день приходят подростки, просятся в наш клуб,— говорит Эдуард Соркин.— Самых настойчивых принимаем. А когда у нас будет хорошая база, сможем принять всех желающих. Ведь в нашем уставе так и записано: «Членом клуба может быть любой житель Казани, независимо от пола и возраста...»

РЯБИНОВСКАЯ ПОВЕСТЬ, ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОГО ЛЮБИТЕЛЬСКОГО КОЛЛЕКТИВА

Однажды в жаркий полдень, когда всё живое попряталось от солнца, мы, как обычно, продолжали нашу трудовую жизнь. Коля Канунников тянул шнур через залив — по нему с берега на берег должна лететь кинокамера. Светлана Смирнова ходила по горячей траве и стоически сохраняла в себе всё, что сегодня должно быть заснято. Саша Додосов в сотый раз спрашивал себя, на кой он парится в чёрном костюме и тугом галстуке, хотя скорее убил бы себя, чем согласился сбросить эти прокалившиеся доспехи. Общительная Танечка Михайлова пряталась в стороне от людей, потому что в руках у неё было стёклышко с облачком пудры на нём, и это стёклышко на две секунды будет подставлено к объективу камеры. Таня бродила вдали, тосковала по людям, но уходила ещё дальше, если кто-то приближался к ней, дай бог, стряхнёт неосторожным движением пудринку. Обливаясь потом, тащил на себе белые отражатели Петя Воинов. А я лежал и смотрел в высокое, белёсое от зноя небо, потому что мне просто некуда было смотреть: они и без меня знали, как всё надо сделать и когда приступить к съёмкам.

Тут я поймал взгляд Светы и увидел в нём нечто, относящееся лично ко мне, блаженствующему в тенёчке. Я сохранил философский вид и сказал:

— Настоящий руководитель тот, кто ничего не делает.

Света вздохнула. По-моему, она имела собственное мнение, но ей было важнее сохранить то, что запечатлеет камера.

Она ушла, а я со всей серьёзностью утверждаю: руководитель имеет полное право выглядеть в своём родном коллективе самым отпетым лодырем. Но при одном условии: вокруг должна кипеть работа. Впрочем, речь сейчас не о правах и обязанностях руководителя, а о тех ребятах, которые работают, несмотря ни на что, о том, почему они добровольно взваливают на себя эти мучения и считают их счастьем.

Помогите моему медведю!

Я сижу в комнате, а ребята друг за другом встают за дверью. Я говорю: «На поляну выходит медведь». И тот, кто стоит первым, входит в комнату, изображая, как может, медведя. Он должен играть до тех пор, пока не скажу, что на поляну выходит собака или другой медведь,— это неважно. Как только я это сказал — выходит второй. А первый становится в конец очереди. А я называю третьего персонажа. Смею вас заверить, что их медведи, собаки мало чем отличаются друг от друга. Но так и должно быть. Для них сейчас главное в другом: как бы это выйти на поляну, на видное место, да ещё что-то там изобразить. Я создаю бешеный ритм в очереди, они

страшатся не успеть, не понять меня и постепенно перестают бояться поляны-сцены и игры на ней. Я называю персонаж, и лишь бы не сбиться самому. А они пусть ошибаются, я огорчаюсь этому вместе с ними и, если кто-то не успел, не сообразил, отсылаю в конец и гоню, гоню. Мне и самому жарко, я и сам увлечён, я уже един с ними. Вот это и есть первая ступень. Я заставил их играть в эту вроде бы бестолковую игру, потому что заставил играть в себя. Они сейчас в одном дыхании, стеснительным и стесняться нечего, на них будто и не смотрит никто. И, оказывается, это не так сложно — играть. Они словно все на одно лицо, и это неплохо, это уже коллектив, но пока с самой примитивной задачей объединения. Они хотят играть.

— На поляну вышла медведица. И её медвежонок. На поляну вышел чужой медведь!

Секундная заминка, и вдруг девочка-медведица закрыла своего медвежонка. Браво! Это первое самостоятельное решение прямо на сцене. Смотрите-ка, мы уже не просто играем, а играем роль! Усложняю задачу:

— На поляну вышла ещё одна медвежья семья.

Ну, теперь держитесь! Второму медведю понравился первый медведь. Первые медвежата заинтересовались вторыми, вторая медведица не хочет, чтобы второй медведь интересовался первым. И так далее. Вы разобрались? Нет? А они, дети, должны разбираться. Но как?

 — Где первый? Я забыл! Я его не пойму,— кричит второй медведь.

- Помоги ему!— кричу я первому медведю.
- Как?
- Посмотри на него. Взгляни, чтобы он понял! А ты пойми по его глазам!
  - Я не вижу его! Не вижу!
  - Почему ты не видишь? кричу я.
- Он не помог мне! Он не посмотрел на меня! Я не вижу его глаз!

О, чудный миг! Девочка в отчаянии! Она не видит глаз своего партнёра. Она не может обойтись без его глаз. Она умоляет! Помогите её медведю!

Ну вот. Давайте сядем друг против друга. Я здесь. Ребята там. Давайте сядем и разберёмся, что же мы здесь наиграли, к чему пришли.

Как ни странно, перед вами коллектив, уже способный решать кое-какие задачи. А вы, как ни странно, его руководитель, способный осуществлять какие-то задачи. Мы даже можем помолчать, не считая это молчание неловким. Нас объединило дело.

Нервы, нервы...

Мы освоили этюды, научились общаться. Всё вроде бы хорошо. У Лены освоение роли идёт сложнее, потому что она от природы скованная, а у Оли этот процесс совершается легче и быстрее. Всё нормально. Но мне чего-то не хватает. Наконец, понимаю: между ними самими нет живой связи, которая могла бы органично перейти на сцену и стать уже связью их персонажей. Разобравшись в этом, перестаю делать замечания, а они не догадываются, что я их просто не слушаю. Происходит начало разрыва между нами. Они что-то там

играют, а я ищу способ раскрепостить застенчивую от природы Лену. А сама Лена думает, что у неё не получается роль. Так считает и Оля — она неплохо делает своё дело и спокойно ждёт, когда я сумею объяснить, что нужно Лёне. И это холодное выжидание Оли — более значительное препятствие в группе, которое так необходимо для равенства сил на сцене, Я отворачиваюсь к стене, мрачнею от того? что надо будет сейчас сказать, — мне жалко Олю. Состояние моё искренне. И они это сразу чувствуют.

- Что плохо?— спрашивает Оля и выразительно смотрит на Лену, явно осуждая её.
  - Ты меня спрашиваешь? говорю. А сама не видишь?
  - Но ведь я делаю, как надо... И тогда я взрываюсь:
- А другие тебя не интересуют? Ты делаешь своё, а остальное тебя не касается? Так, может, как раз из-за этого и плохо. Что мне твой текст! Мне нужны слова к кому-то. А ты только своё отговариваешь и спокойно стоишь. А...

Махнув рукой, я замолкаю. Длинная, непонятная им пауза. Я вздыхаю и, как о решённом, говорю:

— Ну, так вот, Оля. Так дальше у нас не пойдёт. Сколько раз говорили о таких отношениях в группе — и вот тоже самое на сцене, Иди, больше играть ты не будешь. Нельзя быть такой равнодушной.

Ребята удивлены, что виновата Оля, а не Лена.

И тут из дальнего угла раздаётся тоненький голосок Тамары:

— А, может, Оля ещё попробует?

Группа в робком, но единодушном порыве зашевелилась: они признали за Олей возможность поправить что-то, и самое главное — это желание всех.

— Это кто там выступает?— оборачиваюсь я в угол. — Ах, Тамара! А Оля бы заступилась за кого-нибудь в такой ситуации? Или посчитала, что своё дело она хорошо делает, а остальное её не касается, а?

Они молчат. Но теперь мне уже не надо, чтобы они со мной соглашались. И я смотрю на Тамару.

- Пусть попробует,— теперь некуда отступать и Тамаре.
- Давайте попробуем, неожиданно подаёт голос Лена.

Они предлагают компромисс, на который я должен пойти (про себя с удовольствием) и иметь в виду, что происшедшее оставит след в их отношениях.

Что же произошло? Я создал дружный коллектив? Нет. Я создал напряжение, необходимое для существования коллектива. И это была естественная концентрация противоречий в самом коллективе. Ведь что такое Лена и Оля до конфликта? Это нарушение гармонии в самом коллективе. Я создал ситуацию, в которой обе они приобрели равные возможности. Скажу больше: подобные мои «злодейские» поступки были постоянны в рябиновской жизни. Напряжение коллектива было прежде всего нервным напряжением самого руководителя. И если их выверты были непредсказуемы, то я старался не повторяться, создавая — провоцируя?— напряжённые ситуации.

И только одно у меня оправдание: никто из ребят по этой причине не ушёл из «Рябинки». За всю её историю. Почему? Ответ прост: не было в наших отношениях унижения человеческого достоинства, я не принимал в них то, что не мог принять и в себе.

Используя момент

Подходит к моему столу Слава Зыков:

- Юрлеонич, дело есть!
- Что за дело?— спрашиваю.
- Мыслишка одна, Юрлеонич. Вроде бы сценарий придумал.

И Слава излагает свою «мыслишку». Она мне кажется интересной.

— Это ж почти готовый сценарий. Почему тебе не закончить его самому?

Слава изображает недоумение, потом оскорблённое достоинство. А какой у шельмы жест! И руку протестующе выбросил, словно Отелло при виде платка Дездемоны в руках Яго.

- Вы что, Юрлеонич,— Слава изображает обиду. Вы же это сделаете лучше меня. Зачем мне лезть не в своё дело?
  - Так,— соглашаюсь я,— а что ты будешь делать?
- Сыграю кого-нибудь в этом сценарии. Или машину для съёмок организую.

Так Слава определяет мои обязанности. И я начинаю выполнять их. С удовольствием.

Иногда в газетах о нас писали, что вот-де ребята всё делают сами — и сценарии пишут, и т. д., и т. п. Не писали они сценариев и нисколько от этого не чувствовали себя ущемлёнными.

Как сказал Слава, я это сделаю лучше его, так же как он сделает десятки дел лучше меня. Если у ребят есть свои обязанности, то почему для руководителя законы существования в коллективе должны быть иными? Коллектив, который вы хотите создать, потеряется вашим собственным желанием стать его членом.

Итак, по мысли и идее Славы, я делаю сценарий. И должен придумать такое, что было бы интересно играть Славе — будущему исполнителю роли. И я заново начинаю пристально изучать Славу, которого знаю несколько лет.

Что такое Слава? Это гражданин «Рябинки», для него жизнь — сплошные приключения, и выходит он из них победителем или неунывающим побеждённым. Но в его приключениях всегда есть завязка, кульминация и развязка. Даже такой пустяк, как шутливая погоня за девчонками на сцене, соответствует законам построения драматического действа. Слава растопыривает пальцы рук, сводит их, словно клацает жуткими челюстями, — и это завязка действия. Девчонки бегут. Слава свирепеет. Идёт развитие действия. Он гоняется за всеми, и вот погоня достигает апогея. Слава чувствует, что вот-вот начнётся спад, все устанут, можно кого-то схватить или остановиться. Но это неинтересно. И Слава умудряется провалиться в осветительский люк, куда за всю рябиновскую историю только раз падали плоскогубцы. Это вызывает восторг девчонок. И финал получается красивым. Слава воет на всю округу, девчонки вытаскивают его и жалеют. Все довольны. Работа продолжается.

Я хватаюсь за эту ситуацию, разбираю её: как иллюстрацию развития сценического действия, где наличествуют завязка, кульминация, развязка. И под общий смех ребята быстро осваивают то, что гораздо дольше пришлось бы объяснять на специальных занятиях.

Зачем нам лидер?

На съёмках фильма «Нападение на Велонию» ребята побросали велосипеды, разрушили выстроенный кадр и побежали навстречу Коле — он несколько дней болел. Это было нарушением наших твёрдых правил, но разве я посмел бы сказать: «Вы что же, такие-сякие, съёмку испортили!» Они бы выслушали и, возможно, промолчали, но в душе были бы не согласны со мной. Оказывается, и я, и они уже чувствовали, что иногда какие-то человеческие законы важнее законов дела. При этом замечу, что Коля не был ни лучшим актёром, ни лидером — он был обычным рябиновцем, равным среди нас. Скажу больше: в хорошем коллективе, по-моему, вообще не должно быть лидеров. Да, я знаю детские коллективы, где все отношения построены, например, на одной исполнительнице. Но мне такой коллектив неинтересен. В нём меньше возможностей человеческих открытий.

Когда к нам пришла Люба Пронина, мы уже были сложившимся коллективом. А Люба была маленькой, даже малюсенькой. И все вдруг поняли, что её-то нам и не хватало.

Стояли морозы. Малышня не училась. А несколько дней не учились и старшенькие. Само собой, это были самые плодотворные рабочие дни в «Рябинке». И в эти дни в

комнате появлялся клубок из шалей и пальто. Клубок разматывался, обнаруживались громадные валенки и голова на тонкой шее. Люба радостно вздыхала и издавала первый крик, что жива, что добралась до своих. Радость была обоюдной. Появлялись осветители. Они спускались на шумок сверху, где у них был пульт, который они оберегали, как храм. Впереди шествовал Володя Ефимов, заведующий этим храмом, — он набирал осветителей сам, и они все очень гордились своей самостоятельностью.

Володя длинными руками доставал из угла Любу, сажал на стул посреди комнаты и говорил басом:

- Ля-ля.
- Не Ляля я! возмущалась Люба, Я Люба!
- Ляля,— заботливо произносил Володя, хочешь пирожок?
- Ах, Люба, тебе пирожки предлагают, а нам нет, вздыхала деланно Таня Михайлова.
  - Нужны мне их пирожки! махала кулачками Люба.

Володя брал Любу под мышку и шёл к осветительскому балкону. За ним его красивая — в форме — бригада. Не отставали и девчонки.

- Петя, говорил Володя, включи прожектор, Ляли не видно.
- Как дам!— неожиданно пищала Люба. Володя удивлённо взглядывал под мышку и уважительно предлагал:
  - Ляля, переходи к нам, чего ты у актёров не видела?

Таня от имени всего актёрского цеха не могла пропустить это просто так. Она брала стул и садилась напротив Володи. Это его настораживало. Несмотря на начальственную должность, он иногда краснел. Таня это и учитывала.

- Они тебя любят, произносила она со смыслом.
- Чего-о-о! ужасалась Люба.
- Очень любят, подтверждала Нина Мосейко.

Володя обеспокоенно поглядывал на девочек.

- Вот как, вздыхала Таня, а нас никто на руках не носит. Вот ведь судьба, только и смотри на чужое счастье.
- Да,— подхватывала Света Смирнова.— Вот написали в газете, что мы счастливые в «Рябинке» дети. А уж какое наше счастье...

Света присаживалась на стул к Тане, и в четыре глаза они смотрели на Володю.

- Что у нас за жизнь? сокрушалась Таня.
- Тебе ещё, Таня, хорошо,— подсаживалась к ним Света Кузнецова. Ты росточку небольшого, может, и тебе повезёт, как Любе.
- Ну, чего ты прилепилась, Люба?— дёргался вдруг Володя и отпускал Любу на пол.
  - Она не Люба, говорили девочки. Она Ляля!
- Петя,— грозно приказывал Володя.— Чего прожектора зря горят!

И сцена погружалась во тьму. Делая скромные улыбочки, вежливо уходили актрисы. На балконе осветителей тишина.

- Граждане рябиновцы! вмешиваюсь я в естественное течение закулисной жизни. Давайте разберёмся, что же у вас произошло? Так получается, что победители актёры.
- Говорите, говорите, Юрлеонич,— вежливо просит меня Нина и от удовольствия надкусывает ноготь.
- Вы посмотрите, как действовали девочки. Они были едины. А Володя сражался один.
  - —Да!— радостно звучит хор девочек. Как интересно!
- Но не применяли ли девочки запрещённый приём?— говорю я.— Ведь они не на равных. Актёры проходят специальные упражнения, которые готовят их к неожиданным ситуациям на сцене или перед камерой. Они вооружены этим средством, а осветители нет. Благородно ли пользоваться оружием, зная, что у другого его нет?

Осветители с готовностью спускаются с балкона. Через некоторое время они уже дружно сидят с актёрами в рядок и уписывают пирожки. А я смотрю на Любу и думаю, почему же она оказалась такой нужной коллективу? Видимо, мои рябиновцы настолько подросли, что им всем вдруг захотелось иметь в коллективе маленькую и возиться с ней. Им это очень по душе. И совсем не случайно Нина Мосейко в это время ставит спектакль для маленьких, Ира Козлова оформляет его, а Люба играет в нём. И не случайно спектакль этот оказывается самым весёлым для осветителей. Длительное время все живут атмосферой, которая как бы сама собой создаётся вокруг Любы. Но разве кому-то в голову придёт, что Люба — лидер,

хотя вся «Рябинка» с воодушевлением работает на неё?

А потом наступило время Славы Зыкова. Все дружно принимали его манеру свободной импровизации, когда ценилась не только шутка, сколько её сценическое обрамление. И опять-таки совсем не случайно именно в эту пору мы приступили к съёмкам фильма «Адамчик + Евочка =?», и Слава играл Адамчика, сохранив новую эру в «Рябинке» на несколько месяцев.

А ещё было время Флюры Хабировой. И я даже, кажется, помню его начало, его день и час. Мы приехали с республиканского фестиваля, где показывали «Гагарина». Мы получили первую премию, но отчего-то нам было грустно. Мы объяснили это тем, что подготовка к фестивалю кончилась и теперь не знали, что будем делать дальше. Но всё оказалось сложнее — в самом коллективе зрело какое-то новое начало. Дело в том, что я давно хотел поставить «Маленького принца» Экзюпери. И мы пробовали. Они неплохо исполняли всё, что я предлагал. Но и только. А встречного движения от них, каких-то предложений не было. И я решил отложить это дело. Прошло больше года. И вот мы приехали с фестиваля и сидели в актёрской комнате.

Был уже вечер, и лампочки горели как-то тускло и незнакомо. Было непривычно тихо, оттого, что нас всего пятеро. В стекле окна отражались лампочки и казались звёздами. «Я — Земля, я — Земля...»— прошептала Света Смирнова последние слова Гагарина. Флюра подошла к окну. Она не снимала плаща и смотрела на настоящую звезду, яркую, но

пока единственную. «И тогда ты поймёшь, что я жив и благополучно добрался до своей планеты»,— своими словами сказала текст из «Принца» Флюра. Девочки переглянулись. Взглянули на меня.

— Попробуем,— сказал я. Флюра сбросила плащ, и своими словами мы сыграли сцену Принца и Розы — оказывается, приблизительно мы помнили текст. Мы сыграли и сразу поняли, что стоим у порога новой поры в рябиновской жизни, и Флюра, как никто другой, подходила к этому времени. Так появился в нашей комнате Маленький принц Флюры Хабировой и стал влиять на характер наших отношений. И всё изменилось. Манера поведения Флюры становилась манерой поведения рябиновцев. И оказалось, что новая жизнь несёт в себе очарование, и не меньшее, чем прежде.

Ни Флюра, ни Слава, ни Люба и никто другой не были лидерами в коллективе, а всего лишь его звеньями. Они просто испытывали определённую нагрузку, как при движении живого организма, как при шаге, когда попеременно какое-то одно звено становится важнее остальных. Потом — следующее. И таким образом раскрывался каждый в «Рябинке», сообщая своеобразное направление рассчитанному на движение коллективу.

И как он всё-таки летает?

Вопрос этот задал себе Саша Будкин. Студент авиационного института, он помогал нам озвучивать фильмы. Но в этот раз приехал не звук писать, а сообщить, что защитил диплом.

Был он по такому случаю в белой рубашке и при галстуке — просто так к нему не подходи. Все поздравляли его, а он сиделсидел, молчал-молчал, а потом и говорит (учился Саша на факультете летательных аппаратов):

— Одного не пойму. Как он всё-таки летает? Вот возьмёт и полетит. Чудно!

Это вызвало дружный хохот и запомнилось. И вот теперь вслед за Сашей я готов повторить, но только применительно к коллективу: «Одного не пойму, как он всё-таки этот коллектив, живёт своей жизнью? Вот было одно, а потом вдруг другое. Иногда непонятное. Совсем непредсказуемое. Чудно!»

Мы приехали на озеро поздним вечером. Растянули палатку, поели, дружно вздохнули и уснули, как убитые. Пошёл дождь, но под него сон был ещё слаще.

Утром разом проснулись. Выбрались наружу. Дождя уже не было, и все увидели озеро. Вокруг была такая тишина, такое чудо, в реальность которого трудно верится.

— Ой, девочки...— прошептала Таня.

Все запомнили эту фразу, вернее интонацию её. А я через некоторое время повторил её в одном фильме. Правда, там эти слова отнесены к первому снегу, который был из тех же чудес, что открывает в молчании и таинстве природа.

Подошли к озеру, у кромки, под сантиметровым, как нам показалось, слоем воды, виднелись зелёные осыпавшиеся иголки. Коля Канунников ступил босой ногой и... ушёл по пояс в воду. Это был первый сюрприз озера. Оно было глубоким, но таким прозрачным, что могло подшутить над пятнадцатью парами глаз.

Начался день. И тут пошли сюрпризы от моих рябиновцев. Что-то случилось со славным коллективом. И девчонки, и мальчишки были тихие, спокойные, светлые. У них не было желания побаловаться, поозорничать, что-то изобразить. Девочки были чистенькие, причёсанные и читали книжки — ну, прямо как на даче под присмотром строгих родителей. А мальчишки занялись каким-то творческим трудом. Началось с Коли. Он стал вырезать ножом ложку.

«Ну, ну,— усмехнулся я.— Посмотрим. Подождём вечера». Но и вечер ничего не изменил.

— Это вы чего?— подозрительно спросил я и стал трогать через один лбы.

В полдень следующего дня я сказал Славе и Коле:

- А почему бы вам бои на плотах не устроить? Вы ж это так хорошо организовывали...
- —Да, надо,— ответил Слава, а сам смотрел на Юру Пигашова, который крутил транзистор.

Поймалась грустная мелодия. Юра повесил транзистор на сучок, и музыка полилась над поляной. Наташа Сидякина смотрела, как Коля резал ещё одну ложку. «Руки у меня крюки»,— объяснила ничегонеделанье.

«Убей бог, не пойму», — впал в задумчивость и я.

Вечером этого дня никто снова не проказничал, не хохотал, а истории вспоминались такого идейно-художественного

содержания, что будь здесь кто-то из посторонних взрослых, непременно шепнул бы мне: «Ах, какой славный коллектив, такой спокойненький. такой серьёзненький, такой умненький и миленький. Как вы его таким сделали?» Что бы я ему ответил?

Августовские ночи прохладные. Утром озеро курилось, на хромированных деталях велосипедов, связанных на ночь, как стреноженные кони, проступала изморозь. Девочки, не разлепляя век, вылезали из палатки и становились у зеркальца. Здесь они открывали глаза. Зеркальце, подвешенное Володей Ефимовым высоко-высоко, ничего не могло сказать девочкам.

- Вовка, опусти зеркало! так должны они приказать. Но они ничего не говорили. Они были само послушание и терпимость.
  - Уеду от вас! Ну вас! Вот завтра и уеду!— стращал я.

А тут ещё вышла к озеру странная женщина, вдруг села в палатке и стала развязывать свой узелок, потом полоскала платок в воде и что-то бормотала, бормотала. А потом ушла. Мы так и не узнали, кто она и откуда.

Поздним вечером у костра девчонки жалели её, задумывались над неизвестной жизнью. В чёрном лесу хрустнула ветка. Девочки сели потеснее: может, это она? Петя, Володя и Юра пошли в темноту. Казалось, их долго не было. Потом они появились. Все смотрели на них и не спрашивали, надеясь, что не бродит никто по лесу и что у каждого человека есть ночью кров.

Из леса костёр кажется совсем маленьким,— говорили ребята и подкидывали веток.

Так же тихо и задумчиво прошёл ещё один день.

Перед ужином из палатки вышла Света Кузнецова. Лицо её вдруг напомнило чем-то строгих девушек тридцатых годов. Через некоторое время она снимется в нашем фильме «Девочки». Светина героиня найдёт старую пилотку военных лет, наденет её и строго, и величественно начнёт танцевать старый мамин вальс. Это всё будет позже, а сейчас я смотрел на Свету и догадывался, что вот-вот должен наступить её час в «Рябинке», что раскроется она, как раскрывались до того другие ребята. Мне вдруг захотелось, чтобы скорее это произошло. Света откинула прядь тёмных волос. На ветку над её головой села сорока. Сидела и не трещала, будто тоже была во власти странной атмосферы поляны...

- Вы почему так на меня смотрите? спросила Света.
- Бить вас некому! сказал я и отвернулся к озеру.— Навеяли на меня грусть-тоску.

Кончилось тем, что я взял топор и стал вырубать из осинового полена старика. И вырубил. Он и сейчас стоит у меня на полке, треснул вдоль — сырое полено было, посерел, но живёт и напоминает о странном озере Канондер, где происходило нечто, от меня не зависящее. Где поведение славного рябиновского коллектива подчинилось вдруг каким-то своим внутренним законам. И это показалось мне настолько естественным, что не захотелось ничего разбирать, оценивать и вмешиваться.

Обратная связь

Пригласили нас с «Маленьким принцем» в авиационный институт. Сцену в актовом зале мы затянули чёрным бархатом, я расположился на балконе. В любительской киностудии института был хороший прожектор, который и укрепили на балконе. К прожектору посадили милого студента в очках, а я должен был по ходу направлять его, импровизируя. И вот Принца должна ужалить Змея, он сейчас должен умереть здесь, на Земле, чтобы оказаться на своей Планете. Змея обвила тело Принца. Принц протягивал руки к звёздному небу: где-то там его Планета. Юра Простаков на органоле взял аккорд и оборвал его. И Принц начал медленно оседать. Вот здесь надо переместить луч прожектора с руки Принца в бездонное небо, и где-то там зажжётся звезда. Значит, Принц благополучно вернулся на свою планету.

- Переведи прожектор!— прошипел я сквозь зубы парню. Приказ не был выполнен.
- Прожектор вверх!— я был чем-то недоволен на сцене и не смотрел на своего ассистента.

Но луч светил куда-то в ноги ребятам.

- Прожектор!— закричал я.
- Сейчас, вдруг услышал в ответ.

Это меня удивило. Я взглянул на парня. И замолчал. Он вцепился руками в перила балкона и смотрел на сцену. И кажется, не очки у него блеснули, а слёзы.

Это меня поразило. Я удивлённо посмотрел на сцену. Что это такое там делается? Что произошло, что происходило всё то

время, пока я возмущался и ненавидел какие-то детали? Что же это такое, обладающее неведомой силой, что объединило незнакомых людей в зале, ребят на сцене и паренька на балконе, который не в силах был выполнить мои приказания?

А там умер ужаленный Змеёй Принц, печально звучала музыка, и зажглась среди звёзд ещё одна звёздочка. «Если к вам подойдёт маленький мальчик с золотыми волосами, если он будет звонко смеяться и ничего не ответит на ваши вопросы, вы уж, конечно, догадаетесь, кто он такой. Тогда — очень прошу вас! — не забудьте утешить меня в моей печали, скорее напишите мне, что он вернулся...» Всё. Замерла музыка. В зале тишина.

Кажется, так прошла целая минута. Ребята стояли на сцене, опустив глаза на воображаемый песок под ногами. Молча смотрели на них зрители. Занавеса не было, перекрыть сцену было нечем. Мне надо было дать какой-то знак, чтобы ребята уходили. Но странно, мне не хотелось этого делать. Да и какой знак может быть в таких случаях? Прошла ещё целая вечность, какое-то движение произошло среди ребят, и вот один за одним они медленно пошли со сцены. И так шли длинной цепочкой через весь зал к выходу. В зале молчали, провожая их взглядами. Потом и зрители встали и, не нарушая тишины, потянулись из зала. Скоро зал оказался пустым. Я сидел на балконе, и не хотелось мне начинать жить обыденной и в общем-то очень неплохой жизнью. В двери балкона показалась Наташа Сидякина. Прислонилась к косяку.

Нина Мосейко, Женя Баранов, Таня Михайлова. Всей кучей, всё так же молча, мы спустились вниз, сели в автобус. Мы смотрели в окно, словно нас везли силой туда, куда мы пока не хотели и не могли ехать.

Что же такое непонятное было сейчас? Родилось, прожило совсем немного и ушло? С фильмом проще. Как-то после просмотра Света Смирнова взяла коробку с фильмом и, пробурчав: «Никому не дам»,— прижала его к груди: «Роднуля ты наш, совсем холодненький». И так ехала, обняв его. А где этот спектакль о Принце? Умер он. Прожил полтора часа, отдал всё до капельки и умер. Он не повторится точно такой. Это раз в жизни...

Вот уж действительно, как же он всё-таки летает, этот коллектив? Строишь, строишь его, чёрт возьми! Думаешь, что всё зависит от тебя, и вдруг видишь: они уже сами способны сотворить нечто неожиданное и, кажется, прекрасное.

«КАСКАД» СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ

Кирилл остался один. Троллейбус увёз друзей. Он подумал о том, что ребятам сейчас весело всем вместе. На остановке в этот поздний час никого не было. По тропинке, скользкой от первого снега, он пошёл к дому. Торопился скорее в тепло

и, спрятав нос в воротник пальто, не смотрел по сторонам.

— Спешишь, начальник? — прозвучал рядом незнакомый голос.

Кирилл остановился. На тропинке, преграждая ему путь, стояла группа пацанов. Человек пять. Воротники подняты, руки в карманах. «Наше вам»,— с издёвкой сказал кто-то. Остальные неестественно, с неохотой засмеялись, запрыгали перед глазами огоньки зажжённых сигарет.

«Бить будут,— подумал Кирилл.— Подкараулили. Лёшки Кабана команда, точно. Вон того, в детской шапочке, я где-то уже видел. А самого Кабана нет...»

Кирилл вздохнул и шагнул им навстречу...

Остановите Кабанова

Противника надо уважать. Алексей Кабанов понял это четыре года назад, когда впервые остановили его в грязном, тускло освещённом подъезде и, толкнув носом к холодной шершавой стенке, спросили жёстко и зло: «С кем мотаешься?» Узнав, что Лёшка «гордый одиночка», предложили: «Будешь мотаться с нами!» Что это был приказ, Кабанов понял по тону — главарь произнёс его сквозь зубы тихо и уверенно. Искушать судьбу Лёшка не стал и, царапая подбородком шершавую штукатурку, кивнул головой.

Потом, когда «стаж» позволил ему занять приличествующее место одного из уличных «королей», когда он уже сам приказывал ровесникам на улице: «Будешь мотаться с нами!»,

Кабанов страшно боялся услышать в ответ: «А если нет?»

Он давно уже не боялся, что ему расквасят нос в драке, потому что сам умел больно бить, да и защитники всегда были под рукой — его команда, так что попадало редко, их «уважали». Он не боялся суровых окриков отца и слёз матери — привык и перестал обращать внимание. А вот этого боялся. Иногда он ждал ответа и всё сжималось у него внутри — вдруг кто-нибудь да скажет: «Нет!» Лёшка знал: непокорного накажут. Не он сам — на то были исполнители. Почему же так хотелось услышать ему презрительное — он чувствовал, что слова будут именно презрительно-спокойными: «Никогда! Отстаньте!» Он боялся себе признаться в том, что тот, кто скажет эти слова, будет сильнее его. Не тяжёлыми кулаками, не физической силой. Чем-то другим. Чем?

Правда, через некоторое время он успокоился. В нём вдруг родилась и утвердилась простая мысль, что никогда не услышит достойного ответа, не получит отпора. Он понял, что за ним — сила (он никогда не размышлял над природой её, считал это пустым занятием, главным было само это ощущение), что его компания может заставить дрожать и подчиняться любого. И сознание этой силы незаметно, как наркотик замедленного действия, въедалось в его организм, разрушало его.

Правда, случалось иногда, он яро ненавидел «этих трусов», которые мямлили, заикаясь: «Я с вами». В иные минуты Лёшке хотелось взорваться и ударить слюнтяя. Потом отходил и забывал это ощущение. Он старался не

думать, потому что, когда он начинал размышлять, в него вселялось сомнение.

Но с некоторых пор Алексей Кабанов почувствовал вдруг какое-то беспокойство. Появилось оно так неожиданно, что сразу стало неуютно. Потом появился страх, которого он не испытывал уже давным-давно. Он начал оглядываться по сторонам — искал причину опасности. Не находил, но ощущение её не проходило, наоборот, крепло с каждым днём. Наконец — пришло время — с этой опасностью он столкнулся лицом к лицу.

В девятом классе, примерно год назад, Кабанова решили исключить из комсомола — за хулиганство и «непочтительное отношение к взрослым». Ему было всё равно и было... интересно. Интересно, кто выступит против него? Учителя, ясно,— на то они и учителя, чтобы головами качать и охать: «Опять этот Кабанов!» А одноклассники? Кто осмелится против сказать? О его «внешкольных занятиях», уверен был, знали все — сколько раз ловил на себе испуганно-заискивающие взгляды, осторожный шепоток за спиной слышал.

«Таких гнать надо из комсомола, не задумываясь, и чем скорее, тем лучше для всех!» Услышав голос Ярославского, Лёшка даже поднялся со своего места, посмотреть, действительно ли Кирилл голос подал. Вот уж не ожидал!

«Гнать!»— ещё кто-то поддержал Кирилла, потом ещё. Кабанову казалось, что ему лепят пощёчины с двух рук. Выходило звонко! Во всяком случае, в ушах у него звенело — это ощущение осталось и потом часто возвращалось

к нему, хотя вспоминать этот случай он не любил.

Сначала Кабанова такой поворот событий несколько удивил и даже позабавил. Смотри, не испугались, маменькины сынки! Кто за ними? Чем сильны? Новую команду создали? Что ж, поборемся — стенка на стенку. Хотя непохоже... Что же тогда? И Кабанов вдруг понял, что Кирилл Ярославский как раз из той категории людей, кто обязательно бы задал вопрос: «А если нет?» И вновь Лёшка Кабанов спросил себя: «Чем же он сильнее меня? Чем?» Он вдруг вспомнил, что до шестого класса они с Кириллом дружили. А что потом? Потом был седьмой класс и грязный, тускло освещённый подъезд. И чувство страха. Новые друзья в узде умели держать крепко. А он даже и не пытался от этой узды освободиться. И сам надевал её — на других, чувствуя уже потребность кого-то унижать. Он мстил и за себя, труса, за свой страх мстил — и не было выхода из этого лабиринта.

А летом Кабанов впервые узнал о «Каскаде». От своих. Ктото спросил его: «О тимуровцах местных слышал?» И больно резануло слух: «А за «короля» там Ярославский и ещё — Матвеев. Не твои ли одноклассники, Кабан?»

В начале осени с «Каскадом» пришлось столкнуться лоб в лоб. Когда Костя Никифоров, приклеенный им, Кабановым, спиной к только что покрашенной стенке, испуганно пытался что-то сказать, кто-то тронул Лёшку за руку. Обернулся, увидел стоящих за его спиной Ярославского, Матвеева и Викулова. Его вежливо попросили извиниться.

Выдернув руку, Лёшка отступил на шаг, готовый к отпору. Но прозвенел звонок на урок, и в класс уже входила учительница...

На перемене Кабанова вновь окружили. «Извинись. И вообще, хватит издеваться над людьми, Кабанов».— «Защитники,— фыркнул он.— Катитесь!» Ему заломили руки и повели к Никифорову. И снова помешал звонок. По расписанию — химия. Он не слышал, что говорила Валентина Константиновна — их химичка. Злился. Не мог понять, как это его перед всем классом повели извиняться. Рисовал в уме картины отмщения.

Когда урок закончился, Лёшка не спешил вставать из-за парты. Видел, что в дверях стоит Борька Викулов и смотрит на него со спокойной улыбкой. Кабанов встал и пошёл к двери. Все уже вышли. Только Викулов ждал его. Лёшка подошёл к нему и влепил Борису по уху. Толкнув Викулова за дверь, закрыл её на ключ. Сидел один в пустом классе до звонка. А потом ушёл с урока.

Испугался ли Кабанов? Впервые за четыре года он получил отпор, он, уличный «король», вожак стаи, которого уважали и боялись не только свои, но и чужие. Сейчас же ситуация складывалась не в его пользу. Какой ход должен быть следующим? Нет, страха Лёшка не чувствовал. Он растерялся. Тысячи вопросов вертелись в голове, на которые он не находил ответа. Одно понял твёрдо: стенка на стенку не получится. Этим «Каскад» не возьмёшь.

«Мирное существование — слышали, что это такое?»— спросил у своих. «Значит, мы отвалили, прыщей этих испугались!»— пыталась образумить своего лидера команда.

«Дураки,— ответил Лёшка,— противника надо уважать».

И возраст тут ни при чём...

Взрослость — понятие относительное: скажи мне, какие у тебя заботы, и я скажу, взрослый ли ты человек. А возраст тут ни при чём.

Хорошее слово — «забота». Жаль, забытое. Незаслуженно сегодня поставленное в ряд анахронизмов. И когда Кирилл Ярославский вспомнил вдруг это слово и сказал вслух, друзья его тут же перебили: «Ну это ты того... Мы — не Тимур и его команда».

Так кто же мы? Не было ещё коллектива, а имя ему уже дали: «Каскад» — позаимствовали у тех, кто служил в Афганистане, кто участвовал в операциях «Каскад» по ликвидации душманских банд. А вот с принципами было сложнее. «Экстремист» Борька Викулов гнул свою линию. Тренироваться, качать силу и дать отпор «всем этим группировкам», накостылять как следует всем некоронованным королям улиц и дворов. «Мы будем неформальным объединением молодёжи со знаком «плюс» для борьбы с неформальными объединениями со знаком; «минус». Раздавались робкие голоса: «Разве в драке разберёшь, кто с «плюсом», а кто с «минусом».— «Но мы же за правду,— горячился Борька.— Мы же защищать будем униженных и оскорблённых».

Заманчивая перспектива «борцов за правду» склонила тогда чашу весов в пользу «теории» Викулова. Летом в отряде собралось человек двадцать. Ярославский настоял на том,

чтобы их организация включила в себя элементы армейской жизни. Главное — дисциплина и порядок. Сильнейший довод Кирилла: «Как в Афганистане. Без дисциплины не будет побед». Ребята тогда ещё не знали, что Кирилл пишет повесть о наших воинах-интернационалистах.

Приняли решение о создании своей программы и устава. Две недели собирались, спорили, чуть не ссорились. Наконец, все проголосовали «за». Один из пунктов в уставе гласил: «Запрещается курить, держать руки в карманах, ругаться магом в присутствии представителей райкома комсомола, милиции...» Этот пункт, считали ребята, «там, наверху» произведёт впечатление.

С уставом и программой Ярославский пошёл в Ленинский райком комсомола — так решили на общем собрании отряда: «Мы — организация легальная». Он пришёл к секретарю райкома Сергею Ярину в гимнастёрке и хромовых сапогах. Чётко, повоенному доложил: «Создан отряд. Задача-минимум: борьба с хулиганами, защита от уличных «королей» ровесников. Задача-максимум: ликвидация всех вредных группировок». Вот так — не больше и не меньше. В заключение назвал просьбу-пожелание — организовать для «Каскада» сборы. Ярин (потом он честно признается) растерялся. Во-первых, его несколько шокировала экипировка (он ещё не знал в то время, что Кирилл спит и видит себя офицером, бредит армией), но тут Сергей мудро решил не обращать на это внимание, хотя к нему на протяжении всего разговора заглядывали работники аппарата — посмотреть на

необычного посетителя. А во-вторых, и это главное, Ярин никак не мог решить, как себя вести с этим парнем. Ярославский ему нравился, а вот устав и программа, которые тот принёс,— нет. Он принял идею в целом, но методы борьбы его насторожили. Как сказать об этом? Обидеть нельзя: «закроются» и — доверие потеряно. «Штаб отряда существует?» — спросил он. И, получив утвердительный ответ, напросился в гости:

Пришёл Ярин к ребятам с благими намерениями. Но первая же его фраза чуть было не испортила всё дело. Он торжественно объявил о том, что в райкоме решили «заслушать» их отряд на бюро и «постановить» дать добро на существование. Почувствовал, как сразу от ребят потянуло холодным равнодушием. «Говорите честно, в чём дело?» Высказались все — Сергей только успевал поворачиваться на голос: что комсомол — это формализм и лицемерие, и что заорганизуют их, превратят в «бумажный» отряд, и что рапортовать заставят, справки писать. Вспомнили отряды юных дзержинцев, в которых многие состояли. Андрей Матвеев, тот прямо рубанул: «А нам неохота будет вам новые справки писать. Ведь будете требовать? Я в ОЮДе за командира был. Справок понаписали больше, чем рейдов провели. Мы не играть хотим. Вон его, — показал он на щупленького пацана, — каждый день встречают во дворе и бьют. Разве вы об этом знаете? Да и знали бы? Около каждого милиционера не поставишь... Сами себя защищать должны».

Услышал горькую для себя правду Ярин. И стало ему вдруг весело. Он понял, что с ребятами

подружится. А когда понял это, спросил: «Хотите, я вам друга приведу? Парень из Афганистана недавно пришёл».

— А не врёшь? — заговорили обрадованно, все разом. Ярин дал честное слово.

Простившись с ребятами, Сергей поехал искать Валеру Лукоянова — работал бывший воин-интернационалист в отделе вневедомственной охраны. Он ехал к Лукоянову и думал о том, что вот эти ребята уже поняли, что подонок и хулиган — это не завтрашний и не эфемерный, а сегодняшний враг и предатель. Они — максималисты. Ну а что здесь плохого? Им ясно — и это очень важно!— зло наглеет только потому, что чувствует себя безнаказанным. Они готовы к активной социальной деятельности. И если ребята решили со злом бороться — им надо помочь. Помочь «делать себя»— внутренняя работа, самая тяжёлая. Но прежде следует крепко подумать: как?

И ещё Ярин чувствовал, что эти отличные мальчишки в чёмто ему не поверили. Ну, может, и не конкретно ему. «Как же долго мы уходили от прямых ответов. Привыкли к расплывчатым оценкам и эластичным формулировкам. А они этого не принимают. Потому и не верят».

Страшно и больно было себе в этом признаться. Он корил себя. И угораздило же его вылезти со своим привычным бюрократическим: «заслушать», «постановить»... То-то их сразу развернуло. Щёлкнули по носу — ничего не скажешь. И за дело!

Они, эти пацаны, интуитивно ухватились за главное, саму суть определили. И сделали

вывод. Наше горе не в незнании, а в бессилии. И если мы пока лишь осторожно начинаем об этом говорить, то «Каскад» решил действовать. Они рвутся в бой.

«Учись, Ярин,— сказал он себе. — У этих пацанов учись. Они — взрослые. И возраст тут ни при чём».

Через несколько дней после этой памятной встречи в приёмной Ленинского райкома комсомола раздался звонок. Уверенный женский голос потребовал пригласить к телефону Сергея Ярина — тогда второго секретаря райкома. Когда Ярин взял трубку, женщина, не представляясь, пошла в «атаку»: «И что это комсомол себе позволяет?! Группировки создаёте, сами толкаете ребят к уличным дракам, сеете в их среде вражду друг к другу. «Каскад» какой-то появился...» Долго ещё бился в мембранах строгий голос. Наконец, наступила пауза, и Ярин тихо сказал в трубку: «Во-первых, ребята сами создали отряд. А во-вторых, помогать мы им будем. Лучше уж мы, чем чужой дядя с улицы».

Утром следующего дня второй секретарь райкома комсомола поехал в тридцать шестую школу. Почти все каскадовцы учились в ней. Но с педагогами разговора не получилось. К его визиту отнеслись насторожённо. Учителя почти в один голос твердили: «Ни о каких группировках слышать не хотим». Ярин понял: ответственности боятся, «лишние хлопоты» их пугают. Както, дескать, ещё повернётся, а взваливать на плечи новую обузу — себе дороже. «Они друг другу носы поразбивают да, не дай бог, головы, а отвечать кому? Нам же! И знать не хотим! Лучше запретить сразу, чем потом

расхлёбывать» — мнение учителей было единодушным.

— Запретить — не проблема, — попробовал убедить педагогов Ярин, — но, запрещая, мы же приучаем их подыгрывать и лгать. Надо ли возвращаться к тем временам, когда мы перестали говорить о конфликтах между плохим и хорошим, потому что считалось, что конфликты могут быть только между хорошим и очень хорошим? Сейчас в молодёжной среде кипят нешуточные страсти. Не смотреть и рассуждать о причинах, породивших негативные явления, — делать что-то надо. А, впрочем, ребята сами начали действовать. По-нашему, с чистыми помыслами и верой. Видимо, время такое настало. Время личной ответственности за всё, что происходит вокруг. И теперь не за них мы должны решать. Вместе с ними.

Педагоги согласно кивали головами и... молчали. И тогда Ярин решил, что надо проводить родительское собрание. В райкоме. Пригласили родителей каскадовцев. Собирались трижды. Нелёгкими были эти собрания для райкомовцев. «На каком основании вы берёте ответственность за наших детей»?— спрашивали родители. Ярин в свою очередь задавал вопрос: «А вы все сейчас сможете ответить честно, чем занимаются ваши дети по вечерам? Обо всём ли они вам рассказывают?» Многие молчали. Потом кто-нибудь ронял осторожно: «Пусть лучше дома сидят. Так спокойнее...»

Командир районного комсомольского спортивного отряда Женя Фомин горячился: «Ну как же вы не поймёте? Они ведь сами решили. Сами!

Да вы радоваться должны, что ваши дети — взрослые. Они имеют уже чёткую гражданскую позицию, проявили политическую активность. По самому большому счёту. Помочь им надо, а не «давить» на них — не ваше, мол, дело. Но чьё же тогда?»

А Ярин устало добавлял: «Ведь они нам совсем перестали верить. И если мы сейчас от них отвернёмся... Ну, поймите, нельзя! Давайте подумаем вместе, как им помочь. Кто же поможет, если не мы?»

На помощь ребятам, совсем для них неожиданно, пришла мама Артёма Зерминова. «Знаете, сколько раз доставалось сыну? Жестоко били. Только за то, что не хотел быть с теми, с «королями» дворовыми. Но не могу же я всё время у юбки его держать, да и они, дети наши, не хотят этого. И правильно ребята решили. И правы здесь, в райкоме, помочь им надо, а не разгонять. Помочь поверить в себя...»

Долго ещё кипели страсти. Спорили, уговаривали, доказывали, но к единому мнению так и не пришли. Потом Ярин узнал, что некоторые каскадовцы ушли из отряда — запретили родители. Но таких было меньшинство, костяк сохранился.

А однажды в райком комсомола пришли женщины — оказалось, мамы. «Где тут в «Каскад» записываться?» Ярин растерялся: «Вы хотите записаться в «Каскад?» — «Не мы, дети наши...» Сергей с Женей Фоминым — они принимали делегацию — рассмеялись, что немало удивило родителей. А потом Ярин сказал:

— Так пусть сами ваши дети и приходят. Через два дня штаб отряда собирается. В шестнадцать...

А не боитесь?— не удержался от вопроса.

 — Боимся, — последовал честный ответ. — Потому и пришли.

А Валеру Лукоянова уговаривать не пришлось. Он сразу понял, что от него требуется. Правда, сомнения были, и Валера прямо сказал об этом Ярину: «Не педагог я, образования нет — вот беда. Может, не получится?»

— Получится, Валера,— Ярин говорил уверенно.— Должно получиться. Иначе нельзя. Мы в ответе за них, отступать некуда. Вопрос стоит так: или они с нами, или, сам понимаешь, из подворотни труднее потом будет их вытащить.

А правильно ли вы живёте?

Валера Лукоянов стал в «Каскаде» своим сразу и безоговорочно. Уже через несколько дней мальчишки называли его «батей». Они ходили с ним в рейды, разучивали приёмы самбо, бегали кроссы. И каждый раз, встречаясь, просили рассказать про Афганистан. И он рассказывал им про честных и сильных людей, про своих товарищей, понюхавших пороха и хвативших лиха — и своего, и чужого. А они, слушая его, думали о себе и о времени, в котором живут.

А Лукоянов, окунувшись в атмосферу жизни «Каскада», привязался к мальчишкам. Он уже знал, что с этими пацанами пошёл бы в разведку. И он говорил им об этом. И от этой фразы не пахло нафталином, и не звучала она банально. И у гордых мальчишек от его слов вырастали крылья.

Отряд жил бурной жизнью. Надо быть сильным, чтобы постоять за себя и защитить слабых. И они три раза в неделю ходили в спортивный зал, который Лукоянов и Ярин «выбили» им. Надо осваивать науку быть гражданином. И они собирались на политбои и спорили до хрипоты — о чести, о совести, о правде. Лукоянову и Ярину они задавали такие вопросы, ответить на которые было непросто. Но нельзя было и не ответить или сказать неправду. Мальчишки говорили о том, что видят в нашей жизни и, надо сказать, картина действительности, нарисованная ими, выглядела далеко не розовой, а скорее — мрачной. Но всё дело было в том, что они понимали: мало увидеть — надо понять. Они понимали, что замеченная несправедливость должна стать не поводом для отчаяния, а поводом к размышлению и действию.

Действовать. Мальчишки из «Каскада» жили этим. И поэтому большого труда стоило Лукоянову уберечь ребят от чрезмерной горячности. Когда на одной из дискотек лидеры враждующих группировок спровоцировали драку, каскадовцам здорово попало. Они оказались в меньшинстве, на каждого нападало то тричетыре человека. Двоих из отряда отвезли в больницу с сотрясением мозга. На другой день после драки «Каскад» протрубил общий сбор. На собрании «приговорили» зачинщиков драки — команду «Двадцатого двора» к жестокой мере наказания. Они ждали мщения и чувствовали в себе силу.

Лукоянов с Яриным пытались остановить: «Мы не должны быть на них похожими. Действовать такими же методами — позор для нас».

Уговоры не помогли. Только по чистой случайности не произошло в тот день жестокого побоища. Первый рейд по дворам ничего не дал — те, кого искали, успели залезть в щели, как тараканы. А потом горячие головы успокоились, улеглись страсти.

Стали решать, как жить дальше. «Каскад» вырос — отряд насчитывал уже около ста человек. Вырос и штаб — негде стало проводить заседания: в квартире, как прежде, не умещались. Ярин, он стал первым секретарём райкома, предложил свой кабинет. Каждое заседание штаба начиналось с приёма новых членов отряда.

Ребята понимали: в них видят защитников, у них ищут спасения те, кто попал под железный каблук уличных «королей». Авторитет их рос. Но, как снежный ком, он мог рассыпаться, наткнувшись на первое препятствие. Что каскадовцы могли дать тем, кто стремился к ним? Защитить? Наверное. Почувствовать себя сильными рядом с ними? Уже ближе и, пожалуй, точнее. Но этого мало. Ребята начали понимать, что их неуёмное желание «задавить» всех видимых и невидимых врагов совсем скоро может превратить их в команду «кулачных бойцов». И чем тогда они будут отличаться от «Двадцатого двора», например, или «Грязи»?

Как же быть? Все вместе искали выход. И робко прозвучало родившееся в муках предложение. Его высказала на очередном заседании штаба комиссар отряда Лена Зуева: «Научиться жить интересно — вот наш путь». Многие возмущались: «Мы превратимся в клуб по интересам!» — «И очень хорошо! — парировала

Лена.— Мы будем агитировать своим образом жизни».

Не всем по душе пришлась идея.

Ну как же, говорили одни, мы будем собираться, песни петь, а «короли» в это время станут вылавливать хороших пацанов, издеваться над ними, учить их жестокости и делать из них «рабов».

Не будут, говорили другие. Эти пацаны придут к нам. Потому что у нас им будет интересно — во-первых, и мы сможем им помочь и защитить — во-вторых. А когда «король» остаётся один, это уже не король, а мокрая курица.

Теперь, когда Кирилл Ярославский приходил в какое-нибудь ПТУ или школу (как, впрочем, и другие каскадовцы — такое решение принял штаб), он начинал выступление так: «Каскад» — это клуб по интересам!» И в доказательство приводил пример. Он говорил, что в прошлое воскресенье каскадовцы работали на строительной площадке. Нужны деньги на форму. А ещё на эти деньги «Каскад» арендовал кафе «Колобок», и они все вместе прекрасно провели вечер. И о спектакле Кирилл рассказывал, который сами написали и сами поставили — для бывших воинов-интернационалистов, и о политбоях, и о походах, и о соревнованиях. А если его спрашивали с издёвочкой, дескать, «может, вы и в хор там запись ведёте», он честно говорил, что хора пока нет. Но, наверное, будет. Потому что хорошие песни веселее петь хором. А вот «записываться» у них никуда не надо. Не нравится одно, ищи занятие по душе, ищи единомышленников

и — делай. Только сам. От начала и до конца.

В середине декабря на очередном заседании штаба ребята узнали вдруг о «секрете огромной важности». Оказалось — это стало известно из достоверных источников,— к ним, в «Каскад» заслали «диверсанта». Под видом новичка одна из группировок внедрила к ним «разведчика».

Сначала опешили. Зачем? Потом удивились. Разве у них есть тайны? И, наконец, разозлились. «Изловить и наказать!» И, не откладывая дела в долгий ящик, приступили к разработке плана «ликвидации резидента».

Лукоянов сидел, слушал воинственные кличи и вдруг начал хохотать. И с ним, заразившись весельем, стали хохотать остальные. А когда стало тихо, Лукоянов сказал: «Ребята, да они же нас боятся! И не надо создавать контрразведку. Что нам скрывать? Пусть видят и рассказывают своим, чем мы живём. И, поверьте мне, этот «разведчик» скоро будет каскадовцем не по приказу, а по образу мыслей. Разве нет?»

А поздним вечером Кирилл Ярославский писал в ученической тетради в клеточку: «Я очень часто перелистываю журналы с фотографиями наших воинов-интернационалистов. И когда на меня смотрят эти ребята, живые и павшие, я ловлю себя на мысли, что они спрашивают меня: «А правильно ли ты живёшь?» И их суд — это самый суровый суд. Погибшие и живые смотрят на нас, живут в нас и спрашивают: «А правильно ли вы живёте?»

На городской отчётно-выборной комсомольской конференции Ярославский попросил

слова: «Теперь мы не одиноки. Таких отрядов, как наш, в городе становится всё больше. И, наверное, настало время встретиться нам всем вместе и поговорить, что нам делать дальше».

Это предложение было принято. И через два месяца в Казани состоялся первый слёт самодеятельных молодёжных групп порядка. На встречу приехали представители 18 отрядов — делегаты от почти тысячной «армии».

Приглашённый на слёт начальник УВД города полковник Д. Г. Миннуллин коротко и ёмко прокомментировал ситуацию: «Делая сравнительный анализ оперативных сводок, пришёл к выводу: резко пошло на убыль количество совершаемых подростками правонарушений. Заметно оздоровилась обстановка в микрорайонах. Меньше стало бестолковых и жестоких драк. Многое для этого сделали и ваши отряды, ребята. Вы одержали первую и очень важную победу».

Задача-минимум, которую ставили перед собой отряды, в целом выполнена. Первый этап — становление и завоевание авторитета — пройден успешно.

Теперь на очереди — выполнение задачи-максимум. Цель перед собой ребята поставили большую. Перетянуть на свою сторону ребят из враждующих группировок, помочь им преодолеть страх перед «возмездием». Ведь многие попали в кабалу к «королям» улиц, оказавшись в железных тисках жестокости, поддавшись «аргументу» тяжёлого кулака.

Как достичь этого? На слёте определилась общая позиция. Ярче всех сказал об этом Валерий Лукоянов: «Мы знаем сегодня наверняка (думаю, поняли это и многие подростки), что сможем защитить своих ровесников от наглеющих вожаков стай. Но только этим одним аргументом мы не сумеем добиться перелома. Надо так показать себя, чтобы нам позавидовали. Нашим интересным походам позавидовали, встречам, соревнованиям, нашей жизни. К нам должны идти не для того, чтобы отомстить прежним своим обидчикам, а за интересным делом. Это потрудней задача, чем та, которую мы уже решили».

Верно, потрудней. Это было видно по реакции зала. Посыпались вопросы, предложения, зашёл разговор о проблемах. Секретарям райкомов комсомола пришлось попотеть, отвечая на многочисленные «почему». Определились и самые болевые точки: недостаточно помещений под клубы, негде собираться вместе, нужна единая форма.

Свой «сюрприз» преподнёс горком комсомола. Первый секретарь горкома Рафик Гумеров обрадовал: «Модельеры готовят эскизы одежды. Через несколько дней соберём командиров и комиссаров отрядов — будем выбирать. Деньги на форму, знаю, зарабатываете. К лету будет вам форма».

Правда, с помещениями под клубы вопрос оказался сложнее. Но решение приняли на первое время приемлемое: открыть вечером райкомы комсомола, как это сделали в Ленинском районе. А в самом ближайшем будущем строить клубы самим — в старых, заброшенных подвалах, тем более опыт уже имеется.

И под овацию зала было принято предложение каскадовцев: летом собраться на одну смену в лагере труда и отдыха. Всем вместе.

...Кирилл вздохнул и шагнул им навстречу. Парень в детской шапочке вынул руки из карманов — Кирилл сторожил каждое движение, готовый защищаться,— и протянул открытую ладонь к нему: «Здорово, что ли...» Они пожали друг другу руки. Такой поворот событий Ярославского несколько удивил, но, зная эту компанию, он не расслаблялся, ожидая какой-нибудь провокации. А разговор получился мирным и сугубо деловым. Ребята, немного стесняясь и как-то даже робея,— и это удивило Кирилла,— попросили им помочь. «Подвал какой нам подыскать бы. Мы его сами вычистим и оборудуем — клуб свой спортивный был бы... А, может, и тренера поможете найти?»

Утром следующего дня Ярославский позвонил Сергею Ярину. Рассказал о вчерашней встрече. «Приходи, обсудим»,— сказал Ярин.

А ещё через день Ярославский подошёл к Кабанову: «Скажи своим, подвал подыщем и поможем оборудовать. А тренер общий будет — Валера Лукоянов. Не против?»

«Если бы не было «Каскада», что бы вы делали?» — спросили однажды у ребят.

Андрей Матвеев: «Если бы не было «Каскада», мы бы организовали «Каскад».

Кирилл Ярославский: «Или что-то очень на него похожее».

Лена Зуева: «Рано или поздно...»

НАУКИ ЮНОШЕЙ ПИТАЮТ...

ачало содружеству КХТИ с редакцией газеты «Комсомолец Татарии» было положено девятнадцать лет назад. И вот почему сотрудники его испытали чувство особой радости за вуз, когда в день рождения комсомола прочитали в «Комсомольской правде» сообщение о присуждении Малому химико-технологическому институту при КХТИ премии Ленинского комсомола 1987 года в области педагогической деятельности. Вот уже почти два десятилетия МаХТИ (Малый химико-технологический институт) вместе с редакцией проводит республиканские олимпиады по химии. За эти годы в них приняли участие более 5500 ребят. И судьбы многих из них мне, как постоянному члену жюри, представляющему редакцию, хорошо известны.

Вспоминается первая олимпиада. Скептики говорили:

— Не будут ребята решать головоломные задачи: они изрядно надоели им на уроках.

В тот год, вложив в большой редакционный конверт газету с заданиями учёных, мы присовокупили к ней письмо с призывом к учителям, комсомольским вожакам школ быть самыми активными пропагандистами олимпиады. «Мы живём в республике нефти и газа,— говорилось в нём. — И школьники

должны хорошо знать науку, за которой большое будущее». Прогнозы скептиков не оправдались. В первый год мы получили от ребят большое количество заказных писем, бандеролей.

В первый же год был учреждён приз «Комсомольца Татарии», который вручался победителю турнира смекалистых и находчивых за самый оригинальный ответ, за волю к победе. Высшей наградой республиканского правления Всесоюзного химического общества имени Д. И. Менделеева и КХТИ стала памятная медаль академика А. Е. Арбузова. Надо сказать, что медаль была сделана не сразу. В связи с этим вспоминается курьёзный случай. Папа одной девочки, заставив весь свой отдел потрудиться над оформлением заданий двух туров олимпиады, взялся на заводе и медаль по своему эскизу изготовить, чтобы потом вручить её дочери. Но дочь не прошла на очном туре, медаль была сделана в другом месте. А через десять лет памятной медалью была награждена и наша газета.

Публикуя задания олимпиады на страницах газеты, её жюри старалось установить неформальные связи с ребятами. Их просили рассказать о своих увлечениях, первых научных опытах, учителях, о том, хватает ли у них учебников, пособий по химии, реактивов.

О растущей популярности олимпиады свидетельствовали письма ребят, которые они присылали нам вместе с объёмистыми альбомами, тетрадями, испещрёнными формулами.

«Я думаю, вы обратили внимание на мой адрес,— написала нам Ольга Вардакова —

участница восьмой олимпиады, десятиклассница четвёртой школы города Менделеевска.— Я очень горда тем, что представляю на этом конкурсе город прикамских химиков. Мне посчастливилось изучать химию у отличных педагогов В. П. Кульбовой и А. Г. Курбановой, которые подготовили меня к поступлению в КХТИ. Прошлый год был очень памятным для меня. В июне я побывала в летней химической школе КХТИ «Орбиталь». Наш отряд «Нитроглицерят» слушал лекции учёных, известных в нашей стране и за рубежом. После лета я стала ещё больше читать специальной литературы. Сейчас при помощи директора школы решила добиться разрешения на прохождение практики в Центральной заводской лаборатории химзавода имени Карпова».

Однажды секретарь комитета ВЛКСМ Кутлу-Букашской средней школы Рыбно-Слободского района Фирдаус Бареева под решением задач олимпиады сделала приписку: «Мне надо поделиться своей бедой. У нас сгорел Дом культуры и пропали во время пожара все книги». Это письмо, короткий призыв Фирдаус о помощи, было опубликовано. Через год фонд библиотеки был восстановлен. Первыми, кто откликнулся на письмо Фирдаус, были наши олимпийцы-школьники, студенты, учёные КХТИ. А Фирдаус, окончив школу, поступила учиться в КХТИ, была одной из самых любимых вожатых в «Орбитали». Сейчас она инженер, работает в Бугульме и, судя по письмам, трудится с увлечением.

Несколько лет назад вместе с учёными КХТИ мы решили собрать в институте за круглым

столом участников олимпиады «Юный химик» разных лет.

Наиля Сабирова, инженер, рассказывала:

— Химию в школе вёл Герой Советского Союза А. С. Умеркин. Вёл прекрасно. И когда в «Комсомольце Татарии» появились задания олимпиады, мы с интересом принялись за их изучение. Учитель посоветовал нам записаться в клуб юных химиков и механиков при КХТИ. И помню, как в страшные морозы, когда уроки в школе отменяли, мы бегали в клуб и там слушали лекции и часами просиживали над решением задач.

В науке нет места равнодушным. Человек равнодушный никогда не сделает открытия. Науке нужны одержимые. Это аксиома.

— Химия — это потрясающая наука,— восторженно говорил четверокурсник КХТИ Борис Гер.— После того как я увидел реакцию, при которой из двух бесцветных растворов получаются ярко-жёлтые кристаллики йодистого серебра, я был покорён. Вот послушайте стихи:

Один лишь миг, один момент, рождён 105-й элемент. Частица вспыхнула звездой, ещё один, он 106-й!

Ради этого стоит жить. Работать. Недавно я взял тему для научной работы.

...Говорят, что искусство требует жертв. Но только ли оно одно? Аспирант КХТИ Пётр Степанов вспоминал:

— Начав участвовать в заочной олимпиаде «Юный техник», я увлёкся этой наукой и стал ставить домашние опыты. Как-то

мне захотелось получить пикриновую кислоту, но посуда, видимо, была не чистая, со следами свинца. Пробирка неожиданно вылетела у меня из рук. Открылась форточка, и меня воздушной волной отшвырнуло к стене.

Мама ахала. Но поняв, что я не отступлюсь, купила мне специальный химический стол с двумя застеклёнными тумбочками и попросила быть поосторожней. С восьмого класса я начал под руководством доцента КХТИ Петра Аркадьевича Гуревича вместе со студентами старших курсов проводить научные опыты. А памятная медаль академика А. Е. Арбузова, которую мне вручили за победу в олимпиаде в десятом классе,— одна из самых дорогих наград.

Сегодня Пётр Степанов ведёт большую научно-исследовательскую работу. А клуб юных химиков и механиков, в котором занимались школьники 60-70-х годов, именуется МаХТИ. Руководит им совет. Председателем является ректор КХТИ, членкорреспондент Академии наук СССР П. А. Кирпичников. Научный руководитель МаХТИ — доктор химических наук Пётр Аркадьевич Гуревич, учёный секретарь — молодой кандидат наук Леонид Свердлов, в недалёком прошлом участник олимпиады «Юный химик», вожатый, комиссар «Орбитали».

...«Орбиталь» родилась в сосновом бору на берегу Волги летом 1972 года. По традиции сюда стали направлять тех, кто принимал активное участие в олимпиадах. Отношение к летней химической школе поначалу у многих ребят было насторожённое. Потом они с улыбкой вспоминали:

— Думали, что нам будут читать лекции по школьному учебнику, где обо всём сказано мало, сухо. Представляли, что «Орбиталь» — это шесть часов лекций и большая скука. Все ходят строем. В лес нельзя. На речку тоже.

Но «Орбиталь» была совсем другой. Не сухой, не казённой. И песня, сочинённая однажды, стала своеобразным гимном юных химиков:

Лишь первый луч над хвойными аллеями, А мы уже приветствуем его Зарядкой по системе Менделеева, Прыжками в ледяную аш два о. Здесь постоянно споры и полемики, Идеи сверхнаучные кишат. Отсюда все мы выйдем в академики, Конечно, если мамы разрешат.

Перед школьниками выступали академики Б. А. Арбузов, А. В. Новосёлова, М. И. Кабачник, члены-корреспонденты Академии наук СССР П. А. Кирпичников, И. А. Тарчевский, руководители предприятии, профессора Н. С. Ахметов, И. А. Коновалов, В. П. Барабанов. И случалось, после серьёзной лекции учёный брал в руки гитару и под её аккомпанемент пел. Так было при рождении «Орбитали», так было и минувшим летом, когда доцент, заместитель декана технологического факультета КХТИ В. С. Минкин — дважды лауреат Всесоюзного смотра художественной самодеятельности —

знакомил ребят с творчеством многих советских поэтов и композиторов. — И до сих пор,— говорит В. С. Минкин,— ребята пишут мне письма из глубинок. И я с радостью высылаю им песни, ноты. В «Орбитали» я всегда чувствовал обратную связь. И когда после лекции отвечал на множество вопросов, и когда пел песни.

О важности контактов учёных со школьниками говорили мне и заведующие кафедрами профессора В. В. Москва и Н. С. Ахметов. Кстати, именно в содружестве с участниками олимпиад написал свой пробный (не стандартный, очень интересный) учебник по химии для школьников Н. С. Ахметов. А недавно, уже в 1988 году, вышел его второй учебник, на создание которого его тоже вдохновили пытливые орбитальцы.

Много писем от ребят получает начальник «Орбитали», учёный секретарь МаХТИ Леонид Свердлов.

— Вот на днях,— рассказывает он,— получил письмо из Кировской области. («Орбиталь» теперь принимает не только наших ребят, но и школьников из многих регионов страны.) Лена Сучкова и Наташа Берестнева пишут: «Мы не только приобрели в «Орбитали» новых друзей, но и пополнили свои знания в области органической химии. Это очень помогает на уроках. Мы уже почти выбрали свою будущую профессию. И хотим побольше узнать о биоинженерном факультете. Напишите нам о нём поподробнее».

Работа со школьниками обогащает учёных, наставников ребят. В «Орбитали», как правило, собираются очень любознательные школьники.

У некоторых из них есть уже самостоятельные исследования, рацпредложения. Так, многотиражная газета КХТИ «Кировец» летом 1987 года писала: «Андрей Филатов — гость «Орбитали» — школьник из посёлка Ефремово Тульской области параллельно с учёбой в девятом классе занимается подгонкой метода нодометрии под производственные условия глюкозо-паточного комбината. В «Орбиталь» приехал уже имея квалификацию лаборанта-химика.

Серёжа Насонов из Тулы помогал шефам в изготовлении катализатора для синтеза мономера в лаборатории Всесоюзного научно-исследовательского проектного института манометров».

Опыт «Орбитали» стремятся использовать и другие вузы и школы страны. Так, побывав в «Орбитали», преподаватель химии одной из школ города Фрунзе Лидия Михайловна Шарандина сказала:

— Мечтаем с ребятами организовать подобную школу на берегу Иссык-Куля. Мне очень нравится, что в Казани учёные так серьёзно относятся к работе со школьниками. В этом ещё раз убеждаешься, когда слушаешь беседы со старшеклассниками академика Б. А. Арбузова, ректора КХТИ П. А. Кирпичникова. В «Орбитали» отличные вожатые-комсомольцы — помощники учёных. Каждый день с 12 до 14 часов на летней эстраде вёл факультатив по решению олимпийских (самых трудных) задач студент четвёртого курса КГУ Андрей Ведёрников. Народу на этот факультатив, как я могла убедиться, ходит так много, что Андрею стали помогать его друзья по

университету — Михаил Борисовер, Олег Киселёв. На факультативе давали и домашние задания. И ребята выполняли их с желанием.

...Здесь хочется сделать небольшое отступление и немного рассказать об Андрее Ведёрникове. На республиканских химических олимпиадах он дважды завоёвывал памятные медали академика А. Е. Арбузова. А в июне 1978 года в Польше на международной химической олимпиаде за абсолютно первое место он, капитан команды советских школьников, был награждён хрустальной вазой. Приказом министра высшего и среднего специального образования СССР он был зачислен на химический факультет КГУ без вступительных экзаменов. Его школьная учительница по химии Тамара Фёдоровна Алексеева, характеризуя своего ученика, выпускника 131-й казанской школы, говорила:

— Андрюша человек удивительно собранный. Живёт на Горках, а в школе вы его увидите за 30-40 минут до начала занятии. Очень принципиальный. Никогда не даст списать, но не пожалеет времени, чтобы объяснить непонятное одноклассникам.

Сейчас Андрей Ведёрников, успешно окончив аспирантуру, ведёт научно-исследовательскую работу. А дружбу со школьниками по-прежнему не прерывает. И остаётся верен характеристике своей учительницы. У Андрея Ведёрникова занимался по индивидуальному плану и казанский школьник Серёжа Фомин, который сейчас учится в КХТИ и успешно занимается по индивидуальному плану, составленному им и преподавателями вуза. Самой большой наградой для Серёжи, когда

он учился в школе, была поездка в «Орбиталь».

Много раз со своими воспитанниками бывала в «Орбитали» Дина Галеевна Гильманова — преподаватель химии ципьинской средней школы Балтасинского района. Человек удивительно целеустремлённый, она вырастила целую плеяду юных химиков. Как-то она вспомнила один курьёзный случай. Однажды её воспитанники — участники нашей первой заочной химической олимпиады — засиделись в школе допоздна. И к педагогу прибежали разгневанные родители:

— Это что же за кружок такой появился?! Почему детей мучаете, не отпускаете домой?

Через два года родители извинились: их дети успешно выдержали вступительные экзамены в КХТИ. Ну а в школе они, конечно, не мучились, а просто занимались с увлечением. Здесь было создано одно из самых больших школьных химических обществ. Его библиотека, благодаря стараниям учительницы и учеников, насчитывала более пятисот книг и постоянно пополнялась. Большую помощь школе оказали учёные КХТИ, подарившие ей химическую лабораторию. И примечательная деталь: все воспитанники Дины Галеевны, учась в КХТИ, всегда помогали учёным проводить олимпиады, участвовали в составлении конкурсных задач, имели своих подшефных — были добрыми наставниками многих своих новых товарищей, которым наука давалась не так-то легко.

Около двух тысяч студентов принимает ежегодно на все формы обучения Казанский химико-технологический институт. И связь со

своими будущими абитуриентами — одна из важнейших проблем и задач вуза. Вот почему такое большое значение придаётся здесь профориентации, развитию творческих способностей молодёжи. Формы работы МаХТИ всё время совершенствуются. Сегодня это и предметные кружки при кафедрах, и лектории, и олимпиады, и Татарская заочная школа для учащихся национальных школ, и заочная школа «Юный естественник», и «Орбиталь», и филиал МаХТИ в Нижнекамске и многое-многое другое.

— С 1987 года, — рассказывает профессор Пётр Аркадьевич Гуревич, — на базе КХТИ впервые стали заниматься по углублённой программе учащиеся трёх казанских школ. Вуз постоянно интересуется мнением ребят о связи учёных со школьниками. Проводит анкетирование.

Вот как ответили на вопросы анкеты казанские школьники, которые в 1987/88 учебном году стали учиться в классах с углублённым изучением химии и раз в неделю приходить в КХТИ на занятия.

Тимур Салихов:

— В КХТИ мне нравится химия, информатика, черчение. Хорошо бы почаще ходить в дисплейный класс.

Михаил Харитонов:

— Мне нравится то, что в КХТИ мы изучаем химию практически.

Ксения Фесенко:

— Мне очень нравится заниматься в КХТИ. Во-первых, узнаёшь много нового. Во-вторых, эти занятия помогают выбрать профессию. Здесь, в институте, все преподаватели относятся к нам, как ко взрослым людям, в школе этого не ощущается.

Аида Мансурова:

— Уроки черчения можно было бы сделать более углублёнными.

Альбина Шагеева:

— Очень быстро диктуют на уроках химии. Не успеваем записывать.

Михаил Торопов:

— Не нравится то, что в КХТИ на одну машину в дисплейном классе сажают по пять человек.

Пожелания ребят, без сомнения, будут учтены.

Великий мыслитель Леонардо да Винчи говорил: «Так же, как поглощение еды без удовольствия превращается в скучное питание, так занятие без страсти засоряет память, которая становится неспособной усваивать то, что поглощает».

Надо отдать должное КХТИ и химическому факультету КГУ: они стремятся у своих будущих абитуриентов пробудить живой интерес к знаниям. Трудно это делать? Не легко. На эту общественную работу уходит много сил, времени. И не оплачивается она к тому же, так что материальной выгоды нет. А моральные стимулы есть? Конечно! И очень большие.

Вот представьте: идёт экзамен, и преподаватель буквально «клещами» (подсказками) пытается вытянуть из студента правильные ответы на вопросы билета. Доля случайно поступивших в те или иные вузы, доля троечников всё ещё довольно велика. И в то же время можно представить себе, какое чувство удовлетворения испытывает экзаменатор, когда

видит перед собой единомышленника, студента, увлечённого наукой, своего воспитанника. Это чувство удовлетворения — награда за большой труд.

Бывают и другие награды. Сравнительно недавно в зимнюю сессию 1988 года Пётр Аркадьевич Гуревич спешил на экзамен к студентам. Его неожиданно окликнули, остановили в коридоре института сотрудники, сказали:

- От души поздравляем с наградой: присуждением вам знака Гайдара. Вы настоящий ребячий комиссар. Так вас назвали в газете. Читапи?
- Нет! Где напечатано? В «Комсомольской правде»? Обязательно прочитаю. Спасибо!

В голосе — волнение и радость. А вечером домой ему звонили из Москвы, Киева, Нижнекамска друзья, коллеги, ученики. Поздравляли, желали...

Пётр Аркадьевич Гуревич — доктор химических наук, профессор КХТИ и вдруг — ребячий комиссар, награждённый знаком ЦК ВЛКСМ, которым до него в нашей республике награждено всего два человека, не странно ли? Этот вопрос могут задать иные читатели.

— И ничуть не странно! — возразят им те, кто хорошо знает его на протяжении многих лет.

Во-первых, надо сказать, что Пётр Аркадьевич ребячьим комиссаром был, можно сказать, всю свою жизнь. И в родной шестой казанской школе возглавлял совет дружины, и в Артеке, где ему, пионеру первых послевоенных лет, довелось побывать, был

своего рода комиссаром — председателем совета отряда, будучи студентом, работал вожатым в пионерском лагере, став преподавателем, вёл занятия в клубе юных химиков и механиков. А когда удалось осуществить давно задуманную вузом идею и создать летнюю химическую школу «Орбиталь», отдал работе со школьниками всё своё свободное время. Из этих всех своих комиссарских университетов он извлёк простую истину: ребят не надо постоянно опекать, сковывать их инициативу, составлять за них планы. Им надо доверять. И очень важно в каждом школьнике, который участвует в олимпиадах, учится в «Орбитали», сотрудничает по мере сил с учёными, видеть своего будущего коллегу.

По своей популярности «Орбиталь», которая стала сейчас по сути дела всесоюзной школой, может соперничать с «Орлёнком». Уже шестнадцать лет она, словно магнит, притягивает к себе школьников.

— Родители мои летом собираются на юг. А я — в «Орбиталь». Это о чём-то говорит, правда? — спросил как-то друзей, будучи восьмиклассником, казанский школьник Серёжа Фомин. И его прекрасно поняли. Потому что сюда стремились и стремятся ребята из Фрунзе и Воронежа, Пензы и многих других городов.

Нина Бобкова, студентка химфака МГУ, написала как-то в письме к друзьям: «Орбиталь» не просто повлияла на выбор профессии, она определила его. «Орбиталь-78» стала как бы моим соприкосновением с большой химией — открытием науки».

После написания этого письма прошло десять лет... А «Орбиталь» не потускнела. Вот отзыв о ней сегодняшней студентки КХТИ Ольги Краснобаевой, приехавшей учиться в Казань из города Кузнецка Пензенской области.

— Я была в «Орбитали» три раза: после седьмого, восьмого, девятого классов. И благодаря ей не только полюбила химию, но и подружилась со многими ребятами, живущими в разных уголках страны. Знаете, в Москве, в МГУ, как нам рассказали, есть даже землячество орбитальцев. Чем нас привлекает этот лагерьшкола? Ну, конечно, и лекциями учёных, и опытами в лабораториях, и научными спорами, и песнями у костра под гитару, остроумными КВН, дружбой молодых вожатых из КХТИ и ребят. А душой «Орбитали» всегда был и остаётся Пётр Аркадьевич Гуревич, главный организатор всей жизни этой необычной школы.

Он вечно хлопочет о нашем быте, стремится подружить ребят с интересными людьми, и не только своей профессии, но и с учёными-физиками, биологами, медиками, писателями, поэтами. В «Орбитали» всегда царит дух творчества. И даже очень замкнутые по натуре ребята здесь оживают, раскрывают свои таланты.

Пословица гласит: один в поле не воин. И секрет успеха МаХТИ состоит в том, что учёные КХТИ сумели приобщить к работе со школьниками большую группу студентов-комсомольцев, сделав их своими верными помощниками, друзьями ребят. Вот и у ребячьего комиссара Петра Аркадьевича Гуревича сколько

среди студентов единомышленников! И этому содружеству могут только позавидовать многие руководители организаций, занятых работой с подростками.

Возьмём, к примеру, обыкновенный пионерский лагерь. Всегда ли бывает заранее известно, какие вожатые, педагоги будут там работать? Чему они смогут научить детей? Увы, далеко не всегда. А в «Орбитали» известно. Потому что там конкурс среди вожатых. И «с ходу» вожатых и педагогов не берут. Вот, например, Марина Хазановская и Игорь Мукменев ездили в «Орбиталь» вожатыми с первого курса. Сейчас они инженеры, у них сын — трёхлетний Арсений. Игорь собирается защищать кандидатскую. А они по-прежнему не могут расстаться с «Орбиталью». Ездят туда теперь всей семьёй, в свой отпуск.

- Хлопотно?
- Конечно! говорит Марина. Ведь бываешь занята чуть ли не все 24 часа в сутки. Большая ответственность за ребят. Зато всегда интересно. По традиции любая «Орбиталь» начинается с концерта вожатых. Танцуют, поют, импровизируют... Задают тон. И через день-два даже те ребята, которые раньше никогда не пели, не выступали, выходят на сцену.

Так рождается инициатива. В лагере самоуправление. Комитет ВЛКСМ (в лагере неуставная комсомольская организация) проводит политбои, спартакиады. Вместе с учёными, вожатыми, педагогами устраивают защиты фантастических проектов, например, о создании звездолёта.

В лагере царит дух демократии. После

лекции можно поговорить с ректором вуза, академиком, получить у них автограф. Возраст ребят (им от четырнадцати до шестнадцати лет) и их увлечённость создают особую атмосферу в лагере.

Расставаться с ребятами после окончания смены всегда не хочется. И вожатые, и школьники с грустью считают дни, которых становится всё меньше и меньше.

...Вот как: с грустью считают убывающие дни! А нам, журналистам, известны пионерские лагеря, где вожатые отмечали с радостью крестиками каждый прошедший день. И искренне радовались, что их (дней) становилось всё меньше и меньше. Эти вожатые из пединститута не могли возглавить ни один кружок. И откровенно скучали. Скучали и дети. А ведь многим из отдыхавших в пионерском лагере было по пятнадцать-семнадцать лет. Народ (хотя к нему и применяли слово «дети» в отчётах) был взрослый. Но ум этих ребят и их руки оставались не занятыми делом.

Поделившись сомнениями в отношении пользы таких лагерей с Мариной Хазановской и Петром Аркадьевичем Гуревичем, я услышала их совет:

— Необходимо как можно больше создавать профильных лагерей, по интересам ребят. Пусть найдут себе полезное занятие юные любители биологии, филателии, техники... Лето ведь не пора безделья. Лето тоже должно учить ребят всему полезному. Круг интересов школьников очень разнообразен. И их надо удовлетворять.

Эту же мысль подтвердили и участники

Пленума ЦК КПСС «О ходе перестройки средней и высшей, школы и задачах партии по их осуществлению». Они подчеркнули важность развития индивидуальных способностей учащихся, умело поставленной ориентации школьников.

Кстати, коли речь зашла о развитии индивидуальных способностей учащихся, надо сказать и о том, что несколько раз мы пытались по возможности точно узнать коэффициент полезного действия наших заочных олимпиад. Сомневались: продолжают ли они приносить пользу? Одна из преподавателей сельских школ так ответила на этот вопрос:

— Олимпиады очень нужны. Ещё когда я только начинала работать в сельской школе, мечтала о том, чтобы кто-нибудь из учёных столичного вуза интересовался нами, нашими успехами, думал о нас, помогал нам. Заочные олимпиады помогли установить такую связь.

Конечно, не все участники олимпиады впоследствии становились студентами КХТИ. Часть из них поступала учиться на химические и биологические факультеты КГУ, других институтов страны.

- Не огорчает ли вас это обстоятельство?— спросили мы ректора КХТИ Петра Анатольевича Кирпичникова.
- Как учёный и инженер я должен только радоваться тому, что эти олимпиады дали возможность многим школьникам приобщиться к естественным наукам, пробудили интерес к их изучению.

А вот мнение о важности усиления работы со школьниками коллег Петра Анатольевича.

Заведующий кафедрой КХТИ, доктор химических наук В. В. Москва:

— Школьник двадцатилетней давности очень отличается от сегодняшнего школьника. От контакта с нашими орбитальцами выигрывают обе стороны — и школьники и учёные. Для нас каждая встреча со старшеклассниками, увлечёнными наукой, — это новый заряд творческой энергии.

Доктор физико-математических наук А. Р. Кессель:

— Помню, как во время моей встречи со школьниками в «Орбитали» передо мной сидела аудитория из 170 человек и очень энергично задавала вопросы. Образно говоря, мне казалось, что вода попадает на почву, жаждущую влаги. Этим ребятам, надо читать не двадцатиминутную лекцию, а целый курс науки. Что ж, учёные никогда не отказывали в консультациях, советах школьникам. Время диктует, что эта связь с нашей будущей сменой должна быть ещё крепче!

Большие задачи стоят сегодня и перед КХТИ, и перед школами, с которыми вуз поддерживает дружеские связи, и перед промышленными предприятиями республики.

— Сказать, что у нас нет проблем, было бы неверно, — говорит профессор П. А. Гуревич. — Во всей работе нам большую помощь оказывают Министерство просвещения, Татоблсовпроф, обком ВЛКСМ. А вот что касается наших больших химических предприятий, то, думается, что помощь с их стороны могла бы быть более щедрой. Взять хотя бы «Орбиталь». Который год она кочует с места на место по пионерским лагерям треста

«Промстройматериалы», «Татсельстроя», кожевенного объединения! Почему же химики в стороне? Надо подумать и о создании летней химической школы для юных химиков в Нижнекамске.

Есть проблемы и v нашей школы «Юный естественник», созданной в КХТИ в 1980 году. Объявления о её создании мы печатали более чем в двадцати молодёжных газетах страны. В этой школе, которая примыкает к МаХТИ, на трёх её отделениях физики, химии, математики — занималось более 3500 школьников. Мы давали задания, потом четыре раза в год высылали рецензии на их выполнение и поняли, что вести школу лишь на общественных началах очень трудно. По этой причине школа прекратила временно своё существование. С этого года школа вновь возобновляет свою работу. Она очень нужна, особенно для молодёжи отдалённых сёл и деревень, где нет поблизости базовых вузов. Где иной любознательный школьник порой знает больше, чем посредственный педагог. Поэтому хочется надеяться, что вопрос о штатном сотруднике для школы «Юный естественник» будет решён. А наши студенты-добровольцы, как всегда, будут активно участвовать в работе этой школы.

Заканчивая рассказ о МаХТИ, о содружестве учёных и школьников, надо сказать, что премия Ленинского комсомола — вторая большая награда Малого химико-технологического института. Первую премию комсомола Татарии имени Мусы Джалиля ему присудили в 1976 году. От души поздравляем МаХТИ с новой победой.

СЕКРЕТ ПРИТЯЖЕНИЯ

не помню, чтобы подобное собрание было до этого,— говорит первый секретарь Дрожжановского райкома КПСС Сагадатулла Рахматуллович Тухбатуллин.— Народ стоя аплодировал своему председа-

телю.

Этот разговор состоялся после отчётно-выборного собрания в колхозе имени Фрунзе.

К этому собранию колхоз пришёл, перевыполнив план продажи всех видов сельскохозяйственной продукции. Нельзя сказать, что 1986 год был благоприятным для района. Мешали всё те же капризы природы. В степном краю засуха даёт о себе знать особо. Несмотря на это, четыре хозяйства района, в том числе колхоз имени Фрунзе, справились с планом заготовок. Были решены и социальные вопросы. Построен детский сад — один из лучших в районе. В Доме животновода, каких, наверное, по всей республике можно насчитать единицы, работают столовая, буфет, профилакторий, медпункт, имеется зрительный зал, душ, оборудуется сауна. А спортивно-педагогический комплекс при сельском Доме культуры! Очень многое сделало правление колхоза по закреплению людей на селе. Договорившись с Министерством местной промышленности ТАССР, в деревне открыли мастерскую по пошиву рукавиц и белья, появились и надомники. В Татарских Шатрашанах создали тепличное хозяйство, развилась новая отрасль — пчеловодство.

Несколько лет назад зоотехник Рашит Махмутов из Сабинского района привёз 50 ульев. За дело взялся увлечённо, с любовью. И результаты налицо: через два-три года количество пчелосемей перевалило за 200. Рашит получает по 20 центнеров мёда вместо 15 по плану, справляется также с планом заготовок воска, прополиса. Новая отрасль начала приносить прибыль в колхозную кассу.

Плёночная теплица в Татарских Шатрашанах дала возможность обеспечивать свежими овощами не только своё хозяйство, но и соседние колхозы.

В память павших в Великой Отечественной войне заложили аллею Победы, в центре села поднялась каменная фигура воинапобедителя. Рядом с памятником — краеведческий музей, где собрано около тысячи экспонатов. И во всех этих делах чувствуется забота, внимание со стороны правления колхоза.

Поэтому колхозники так ратовали за своего председателя Курбангали Зарипова. Говорили от сердца: «Он близкий каждому из нас человек. Отдаёт работе всего себя. Даже говорит с каждым на нашем родном языке — и по-татарски, и по-чувашски, и по-русски. Делим с ним и радость, и горе. Его будем выбирать, нет достойнее его».

Курбангали Хаснятович Зарипов родом из Чувашии. И школу окончил на чувашском языке. Чуток к нуждам сельчан, не пренебрегает советами старших, принимает меры к тому, чтобы люди и зимой, и летом были обеспечены работой. Словом, умелый, инициативный руководитель. Потому дружно аплодировали колхозники решению собрания.

В деревне всё на виду: и хорошее, и плохое не остаётся незамеченным. В этом колхозе, объединяющем пять деревень, где единой семьёй живут татары, чуваши, русские, есть свои неповторимые традиции. Неплохо подготовлены руководящие кадры, сформировавшиеся в основном за последние годы. В большинстве своём молодые, энергичные ребята. И председатель исполкома сельсовета Владимир Васильевич Токмаков, и главные специалисты, и руководители партийной, профсоюзной, комсомольской организаций работают согласованно, устремлены к единой пели.

В деятельности социально-педагогического комплекса прослеживается несколько направлений: в арсенале воспитательных средств лучшие старые традиции и новые современные ритуалы и обряды, спортивные секции, лекторий. Часто проводятся спортивные состязания.

Многим участникам запомнилось торжественное открытие зимнего спортивного сезона. И стар и млад высыпали поболеть за спортсменов. А на улице, словно на весеннем сабантуе, развернулись торговые точки, где можно полакомиться и сдобной выпечкой, и шашлыком, и горячими бэлишами.

В лыжных соревнованиях на пятикилометровой дистанции лучший результат показала главный экономист колхоза Гузалия Нуретдинова. Олег и Валерий Албутовы, близнецы Ирина и Марина Огурцовы, их брат Пётр Огурцов, Людмила Музыкантова, Пётр Миронов выполнили нормы спортивного разряда. Команда фрунзенцев из десяти человек

защищала честь колхоза на районных соревнованиях. Был там и сам председатель.

Это лишь одно из мероприятий, проводимых на базе культурно-спортивного комплекса. По вечерам в спортзале Дома культуры занимаются гиревики и штангисты. Секцией тяжёлой атлетики руководит председатель исполкома сельсовета Владимир Токмаков. А секцию лыжников возглавляет секретарь парткома колхоза Николай Кузьмин. Гимнастов тренирует преподаватель начальной военной подготовки местной средней школы Николай Бунтуков, боксёров — учитель физкультуры той же школы Владимир Бунтуков, с самбистами занимается директор Дома культуры Анатолий Матюшин. А председатель колхоза Курбангали Зарипов ведёт кружок велосипедистов. Велосипедисты совершили поход в деревню Языково Ульяновской области — бывшее имение близкого друга Пушкина, поэта-лирика Николая Михайловича Языкова. И отлично отдохнули, и узнали много поучительного. Команду, как всегда, вёл Курбангали Хасиятович.

Правление колхоза не жалеет средств для вовлечения сельчан в спортивные секции, кружки. Приобретено 20 велосипедов, 30 пар лыж, маты, боксёрские перчатки, разное спортивное снаряжение.

Весело и организованно прошли соревнования «Папа, мама и я — спортивная семья». Заранее были приготовлены призы, разработана специальная программа. Самыми спортивными оказались семьи электрика Рафаэля Айнулова и пастуха-скотника Петра Кузнецова.

Большое место в работе культурно-спортивного

комплекса отводится художественной самодеятельности. И в райцентре, и в соседних деревнях выступления участников драматического и хореографического кружков проходят с большим успехом. Учительница Любовь Токмакова и художественный руководитель Зинаида Огурцова умеют находить самодеятельные таланты среди односельчан.

Члены кружка фотолюбителей, которым руководит электросварщик Валерий Огурцов, немало сделали для оформления сельского краеведческого музея. Партийная организация колхоза большое значение придаёт воспитанию молодого поколения на базе этого музея. К его организации, сбору экспонатов много сил приложили учителя, ветераны войны и труда. Общественный директор музея Хусаин Хисматович Хисметов, участник Великой Отечественной войны, в течение двадцати семи лет работал секретарём парткома колхоза.

В музее немало документов, экспонатов, рассказывающих о героизме простых сельских тружеников на фронте и в тылу. Их нельзя смотреть без волнения. Вот номер районной газеты от 1 июля 1943 года. В нём рассказывается о патриотическом почине жителей деревень, входящих в колхоз имени Фрунзе. Читаем о том, что Нурулла Настиев сделал для фронта и отправил бричку, что люди подписались на заём на три тысячи рублей, собрали три тысячи рублей на танковую колонну «Колхозник Татарии» и авиаэскадрилью...

Героям тыла посвящён специальный стенд. Интересна и поучительна судьба Рахимы Садретдиновны Забировой. Она с юных лет осталась сиротой, зарабатывала себе на жизнь. В 1940 году вступила в ряды партии. Была избрана председателем сельского исполкома в соседнем Мочалееве, затем работала на той же должности в родном селе. В 1960 году её избрали председателем колхоза «Марс» в Татарских Шатрашанах. Когда колхозы были укрупнены, была избрана председателем объединённого сельсовета. Эта скромная трудолюбивая женщина чемто напоминает Толганай из «Материнского поля» Чингиза Айтматова. В колхозе имени Фрунзе проживает немало интернациональных семей. Причём интернационалисты фрунзенцы в самом широком смысле этого слова. Немало их земляков проявили отвагу и героизм при прохождении военной службы в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

Брат секретаря колхоза парткома Н. М. Кузьмина подполковник Пётр Михайлович за подвиги, проявленные на земле Афганистана, отмечен орденом Красной Звезды. Грудь его украшают и другие награды. Тракторист Альфред Мусин, шофёр Иван Токмаков, Рифкат Рахимов, работающий ныне в Ульяновске, удостоены медали «За отвагу».

В музее представлены экспонаты, свидетельствующие о трудовом героизме наших дней. Шарифзян Бадамшин, работающий на тракторе ДТ-75, стал кавалером ордена Трудовой Славы второй и третьей степени. Большой интерес посетителей музея вызывают документы, рассказывающие о механизаторах подрядного звена Николае Жиркове, Ренате Волкове, Юрии Матюшине, животноводах Анне Матюшиной, Алии Юлдашевой, Эльмире Абельхановой, Анне Патшевой и других.

В музее представлены орудия труда, предметы домашнего обихода, одежда, украшения, свидетельствующие о далёком прошлом народа. Здесь часто устраиваются любительские выставки.

Музей поддерживает связи со своими земляками, известными далеко за пределами республики.

Стоит, наверное, рассказать и о такой доброй традиции, которая служит своеобразной формой сплочения сельчан. Это древняя традиция чаепития. Такие вечера организуются здесь часто. На них приглашаются солдатские вдовы, ветераныфронтовики, известные люди села.

Одна из красивых традиций — чествование трудовых династий. Во время таких торжеств выступают самодеятельные артисты. Особенно нравятся землякам песни в исполнении доярки Ольги Волковой, которая хорошо поёт и по-чувашски, и порусски, и по-татарски.

Чувствуя о себе постоянную заботу, молодёжь охотно остаётся на селе. Только в 1987 году около 30 выпускников средней школы связали свою судьбу с родной деревней. В деревне работает филиал сельского профтехучилища. Там учатся 35 ребят, которые летом и осенью участвуют в полевых работах. После окончания училища они останутся работать в родном колхозе.

...А вечером в буфете спортивно-культурного комплекса весело поёт самовар, на столе вкусная выпечка. После трудового дня люди тянутся сюда, чтобы за чашкой чая поделиться своими планами и заботами, которые никогда не покидают сельского труженика.

ОСНОВНАЯ РАБОТА — ВПЕРЕДИ

25 декабря 1987 года в редакции газеты «Вечерняя Казань» состоялся сеанс прямой телефонной связи с подростками города, их родителями комсомольскими активистами, специалистами, работающими с несовершеннолетними, — теми, кого волнуют судьбы наших детей. Диалоги с читателями лишний раз убедили в том, что в публикациях, посвящённых, подростковым проблемам, показана лишь верхушка айсберга. Основная наша работа — впереди.

Многое могла бы сделать школа

Алло? Это журналист «Вечерней газеты»? Можно я не буду представляться? Мы тут в своей компании подумали и решили сказать вам, что группировки возникают из-за недружных классов. Лет до двенадцати мы живём ещё ничего, более-менее дружно. Потом — каждый сам за себя. И никому в классе ничего не нужно. И нет у нас ни вечеров, ни дней рождения. А ведь школа очень многое могла бы сделать для того, чтобы сдружить нас. Но настоящих коллективов (я говорю о старшеклассниках) нет практически ни в одной.

- Здравствуйте, десятиклассник одной из школ Ленинского района с вами говорит. Не верю, что вам пишут мои сверстники. Вы, наверное, сами выдумываете их письма.
  - Не хотите назвать себя?
  - Ну, допустим, Андрей.
- Андрей, приходите к нам в редакцию. Мы покажем десятки писем подростков.

Из письма в редакцию.

«Хеллоу! Мне понятен ваш интерес ко мне. Кто я? О, раньше меня звали Рыжий Дженни, теперь я — генерал. Мои верные солдаты — маньяки. Куда пошлю, туда и пойдут. Кого прикажу, того убьют. Я нашёл ключ к их душонкам. Что я им дал? Вам не понять! В каждом человеке живёт скотина. В мальчишке — две скотины. Я долго думал, чем взять их. Взял принцип «Стенка на стенку». Прибавил к нему круговую поруку, строгий секрет (мальчишки их любят), свободный балдёж вместо ваших уроков и острые ощущения. Ну и ещё игру во власть, смерть и страх. Страх за свою жизнь днём и ночью. А за древний принцип «Все на одного, один я за всех» теперь могу получать награду. Машина пущена, мальчишки сами уничтожают друг друга. И пусть ждёт их тюрьма или могила, пусть остаются калеками.

Ну, кто хозяин вашего города? Я поставил стену перед мо- подыми. Они никого не слышат, кроме меня. Так кто же я? Генерал».

— Прямая связь? Рушана, восьмиклассница, вам позвонила. А вы как сами считаете, почему возникают группировки?

- Знаешь, Рушана, во все времена, везде и всегда подростки объединялись в группы. Нет мальчишки или девчонки, не мечтающих о какой-нибудь компании и о друзьях. Объединяет всё что угодно: улица, двор, микрорайон, общие увлечения. Вам важно выделиться из среды взрослых, иметь что-то своё. Важно кому-то противостоять. Ведь так?
  - Так.
- И нас, взрослых, не беспокоили бы ваши объединения, если бы бессмысленная вражда между ними не уносила мальчишеские жизни, не калечила вас, 14-17-летних. Как ты считаешь, можно ли помирить «конторы» города?
- В принципе возможно. Судя по нашим ребятам, в группировки входят те, кого понимают в классе, кто пользуется у нас пусть небольшим, но авторитетом. Вот с ними нужно говорить по душам. Желательно с каждым в отдельности. По одиночке они люди, учатся неплохо, ведут себя не вызывающе. Но когда вместе... Только у вас разве хватит сил и возможностей говорить с каждым группировочником?
- Вопрос, конечно, сложный, но мы подумаем над ним.
   Привлечём комсомол.
- Извините, я давно вышел из подросткового возраста (мне 27 лет), но его проблемы волнуют и поныне. На мой взгляд, вы неверно ориентируете несовершеннолетних. Уже сам термин «перемирие» неточный. Как вы это заключение мира представляете? Со всего города соберутся наглые лидеры и вы будете пытаться их помирить? Разве это возможно? Да у них смысл жизни стоять

и ждать «чужих», чтобы избить. Вы же хотите лишить их этого. У меня в подъезде они стоят целыми днями. Придите взглянуть на их лица. Полная эмоциональная глухота! Да таким хоть сотню самых интересных кружков откройте — всё равно будут стоять! Их культурный уровень равен нулю. Попробуйте провести среди таких социологические исследования, поставьте в анкетах элементарные вопросы. Уверен от их ответов будете шоке.

- Что же вы посоветуете?
- Нужно поднимать культурный уровень таких подростков. Духовный потенциал личности проявляется в противодействии злу...
- Телефон гласности? Я не верю вам, взрослым, не верю журналистам. Вы заигрываете с нами! С одной стороны, говорите, что нас нужно понять. Учесть, что мы первое понастоящему мирное поколение и проходим невиданное испытание испытание благополучием. С другой не можете не поиздеваться над нами и нашей модой. Рассказывая о нас, обязательно съязвите насчёт причёски, длины юбки, подведённых зелёным карандашом глаз. Это же старый-престарый приём!

Ещё один телефонный звонок. Собеседника зовут Игорь, ему 16 лет, десятиклассник.

— Перемирия быть не может. Если «мотанки» (мы их так теперь называем) заключат мир, потеряется смысл существования их группировок. Один наш парень предложил какого-нибудь «мотанку» выставить на площади с табличкой на груди «Наказан за то, что мотался»,— завтра же у нас не будет группировочни-

ков. Почему бы обществу не пойти по такому пути?

- А ты уверен, что он эффективен?
- Абсолютно. Уговорами ничего не добъётесь. Но это одно. Второе: вы не учитываете, что группировки очень разные. В некоторых ребята довольно интересно проводят время: слушают музыку, общаются, никто никого не бъёт и не унижает. В школе же мы все очень скрытные... (Эти взрослые учителя, родители учат-учат, говорят красивые слова, а делают по-другому.) На улице, в компании можно откровенно говорить обо всём.
- И ты не можешь назвать учителя, с которым можно общаться так же?
- Почему? Есть одна. По географии. Ещё я хотел сказать о том, что много ребят сейчас занимается в разных клубах, ходят в отряды имени Дзержинского (ОИД), типа«Каскада». Но ведь, если откровенно, последних не уважают подростки, они не престижные.
  - Почему?
- Спросите об этом у любого. Вам скажут: не любим, потому что они организованы по указке. Я сам был в одном из них. До сих пор на мне клеймо: «А он в ОИДе был, значит, «козёл», «бык». Группировки придумали подростки, которые устанавливают в них законы и правила. Поэтому, думаю, «конторы» и живут так долго.
  - Может, в ОИДе тебе просто не понравилось?
- Нет, почему? Нравилось. До сих пор, как шесть вечера, тянет к ребятам. Но

сработало окружение, отношение к ОИДу сверстников, их шуточки и колкости.

- Неужели нельзя быть выше этого?
- В 16 лет не каждый сможет противостоять им... По вечерам теперь сижу дома. Скучать, конечно, не приходится 10-й класс, в институт собираюсь. Но не удивляйтесь: делать нечего, когда нет друзей.
- Журналист «Вечёрки» у телефона? Вы, наверное, всё записываете? Так вот пишите: идём в «мотанки» потому, что в школе скука смертная. Классы недружные. У меня лично ни одного приятеля из нашего восьмого. Вроде бы и нет резкого разделения в классе, но всюду маленькие группки, группочки. Каждый ходит, как та кошка, сам по себе. Дискотеки бывают очень редко из-за того, что суются «мотанки». Учителя считают: раз так, лучше пусть вообще никаких вечеров не будет. А ведь в принципе дискотеки могли бы помирить нас. Но школьный комитет комсомола никакого влияния на учителей не оказывает, своего мнения не имеет. Как скажут педагоги, так и будет.

Ещё были вопросы: «Неужели есть родители, способные понимать нас?». И просьбы взять шефство над подростковым клубом на улице Шоссейной, дом 1. Почти семь лет ходит в него одна из группировок Кировского района и варится в собственном соку, сообщила нам руководитель клуба В. Абрамова. Вот если бы создать для ребят что-то типа общественнополитического клуба, привлекать психологов, социологов с тем, чтобы помогать ребятам формировать правильный взгляд на вещи.

Шаг навстречу

На сеанс прямой связи в редакцию «Вечёрки» первый секретарь горкома ВЛКСМ Андрей Фролов пришёл, что называется, налегке: без вороха всевозможных справок и графиков. Объяснил так: «Трудно найти общий язык с собеседником, если всё время ориентироваться на вспомогательный материал. Нужно рассчитывать лишь на свои силы».

- Андрей, вы слышите меня? Отлично слышу!
- Вот что я вам скажу: если вы собираетесь бороться с группировками лишь при помощи отрядов комсомольской оперативной дружины, то ничего не добъётесь!
- По-моему, вы сейчас поддаётесь излишним эмоциям, считая, что в отрядах ОКОД мы видим лишь «средство борьбы» с группировками. Безусловно, члены ОКОДа проводят большую работу по пресечению различного рода правонарушений и наведению порядка в нашем городе. Но главное всё-таки предупредить нежелательные инциденты, которые в последнее время не столь уж редки. Работать с молодёжью нужно не от случая к случаю, а постоянно и целенаправленно. Ведь зачастую подростки и начинают «мотаться» от безделья, нежелания и неумения занять свободное время конкретным, интересным делом. Вот вы, например, сами чем-то занимаетесь после уроков?
- С ребятами собираемся по вечерам. А вообще-то хотелось бы записаться в какую-нибудь секцию.

Да только не знаем, где нас примут...

- Подскажу несколько адресов. В Вахитовском районе, например, есть клуб «Факел», где ребята своими руками собирают машины, мотоциклы, планёры, а летом со всей своей техникой выезжают в военно-спортивный лагерь. Можно стать членом клуба технического творчества «Планета», который находится в Приволжском районе, заниматься атлетической гимнастикой в клубе «Витязь», расположенном в Бауманском районе... О каждом из клубов (а их в нашем городе насчитывается более ста) более подробно можно узнать в районных или городском комитетах комсомола.
- Вот тут мой товарищ ещё спрашивает, когда построят в Казани картодром?
- Точной даты не назову. Но есть надежда, что в ближайшее время вопрос о сооружении картодрома наконец-то решится. Об этом шла речь и на конференции ДОСААФ, которая состоялась недавно. А ещё планируем восстановить парашютную вышку. Так что круг интересов постепенно расширяется.
- Я говорю с первым секретарём городского комитета комсомола?
  - Да, на прямой линии Андрей Фролов.
- Моему сыну всего пять лет, а я уже обеспокоен его будущим. Подрастёт и вдруг начнёт «мотаться», войдёт в какуюнибудь группировку. Как же всё это остановить?
- Вы не первый, кто сегодня обращается ко мне с подобными вопросами. Все просят сообщить о каком-то универсальном рецепте, но конкретных предложений что-то неслышно. А вот вы сами могли бы выйти во двор

своего дома и предложить ребятам какое-то увлекательное дело?

- Да как-то об этом не думал...
- Скажите, пожалуйста, будет ли нынче в Казани проводиться юморина?
- Обязательно будет. В прошлом году улица Баумана, к сожалению, не смогла вместить всех, кто любит хорошую шутку, добрый юмор. Если у вас есть конкретные предложения, каким должен быть праздник 1 апреля, приходите к нам в горком комсомола. Примем любой дельный совет.
- Ответьте, только откровенно, как вы относитесь к неформальным объединениям молодёжи?
- В общем-то неоднозначно. Согласитесь, есть и такие неформальные объединения, которые противоречат нравственным и духовным основам нашего общества. С этими «неформалами» комсомол ведёт и будет вести бескомпромиссную борьбу. Но мы приветствуем создание таких объединений, как клуб самодеятельной песни «Апрель», насчитывающий сотни поклонников творчества бардов, клуб рок-музыки, в который вошли 14 самодеятельных групп... По их инициативе проводится немало концертов, которые пользуются большой популярностью у молодых казанцев. А разве мало дел у советов, которые организованы воинами запаса, выполнявшими интернациональный долг в Афганистане? Так что никаких препятствий для создания неформальных объединений нет. Нужно только чётко знать, ради чего, во имя каких целей объединяется молодёжь.

Подсказывает сама жизнь

— При чём здесь депутат, если речь идёт о подростках?

Инженер Р. Ибрагимов задал этот вопрос сразу. Другие об этом не спрашивали, но нотка недоумения в выступлениях некоторых участников прямой связи проскальзывала. Поэтому мы решили начать новую главу нашего репортажа с небольшой справки.

Александр Харитонов работает слесарем-ремонтником завода КПД-3 Казанского домостроительного комбината. Комсомолец. Учится заочно на 1-м курсе КХТИ. В июне 1987-го избран депутатом городского Совета, является членом постоянной комиссии по делам молодёжи.

Первый звонок — и сразу проблема.

- Зовут меня Наталья. Учусь в СПТУ-68. Помогите нам: на последней контрольной вся наша группа получила «двойки» по специальности. Мы и к директору обращались с просьбой заменить педагога. Дело в том, что машинопись у нас ведёт человек случайный. Она никогда не работала с учащимися. Как же так: главному предмету учит человек некомпетентный...
  - Разберёмся с этим, Наташа, обещает Харитонов.

Наша справка. Вопрос, который волнует учащихся 21-й группы СПТУ-68, рассматривался в Государственном комитете ТАССР по профтехобразованию.

— Воронин Александр с вами говорит, отец подростка. Мы живём в 39-м квартале.

Мой-то сын в спортивную школу ходит. У меня за других ребят сердце болит. Почему в районах новостроек так мало спортивных сооружений? Сам я учился в 16-м ремесленном училище. Помню, у нас несколько секций работало, двери спортзала практически не закрывались. А разве нельзя сделать так, чтобы и школьные залы не пустовали вечерами, чтобы дети одни или вместе с родителями могли подтянуться на перекладине, покидать мяч, принять участие в весёлых стартах?

Вопрос этот волновал не только отца Серёжи Воронина. А потому через пару дней после сеанса прямой связи А. Харитонов отправился в комитет по физкультуре и спорту Ленинского района. Адресов ему назвали немного: подростковый клуб «Олимп» (ул. Маршала Чуйкова, 32), шахматный клуб «Белая ладья» и секция туризма (проспект Ямашева, 54) подростковый клуб «Союз» (ул. Адоратского, 10), акробатическая секция детской спортивной школы № 7.

К указанным адресам скоро можно будет добавить ещё один: проспект Ямашева, 30. В подвале этого дома в недалёком будущем откроется атлетический клуб. Идея его создания родилась у Харитонова, когда жильцы дома стали жаловаться ему как депутату, что «ребята от безделья в подъездах безобразничают». Посоветовался с мальчишками, связался с участковым инспектором, сходил в райком ВЛКСМ. И решили все вместе: сделаем клуб своими руками...

- Шестиклассница Ира Орлова говорит. В этом году нам сказали, что вместо Дома культуры нас в кафе «Детское» на ёлку поведут. Думаю, что там будет неинтересно. Мы даже между собой поговариваем, стоит ли идти... Почему ёлки в школах не проводятся?
- Предложение принимаете? звонкий мальчишеский голос свидетельствовал о том, что его обладателю не больше тринадцати. Уж если улицу Баумана сделали пешеходной, пора бы там старые подвалы и подвальчики в маленькие уютные кафе переоборудовать. А одно из них отдать в полное распоряжение подростков. И вообще нам надо больше доверять. Согласны?

...Депутат городского Совета Александр Харитонов записал в блокнот все вопросы. На очередном заседании комиссии по делам молодёжи он обязательно расскажет о трёх часах прямой связи с юными горожанами, их родителями, всеми, кому не безразлична судьба подростков. И наверняка в планах работы комиссии появятся новые пункты, подсказанные самой жизнью.

Где вы, энтузиасты?

Николай Ильин — руководитель спортивного клуба «Титан», Николай Панов — студент юридического факультета КГУ, руководитель трудового отряда «Спарта» и Владимир Батраков — директор Дворца культуры имени Урицкого впервые встретились у телефонов прямой связи.

Как мы и предполагали, больше всего вопросов было адресовано H. Ильину.

- Здравствуйте! Студент КГПИ Дамир Мухарлямов говорит. Под руководством некомпетентных тренеров многие ребята просто наращивают мышцы. Где же у нас истинный атлетизм?
- Согласен с вами. Недавно по этому вопросу мы собирались в горкоме комсомола. В ближайшее время планируем организовать федерацию атлетической гимнастики в республике. Для учёбы будут приглашены руководители всех клубов города. Хотим также провести аттестацию тренеров, создать базовый клуб, в котором можно почерпнуть новейшие знания по атлетизму.
- Добрый вечер! Беспокоит Яруллина Миляуша. Можно поговорить с Ильиным?
  - Слушаю вас.
- Очень много говорят о вашем клубе. Огромное вам спасибо за работу с подростками. Но меня беспокоит то, что на улицах встречаешь много праздношатающихся ребят. Что вы думаете по этому поводу?
- Видите ли, то, что я думал, я сделал и делаю. Но один человек, как бы он ни старался, может собрать вокруг себя только 120-130 ребятишек. Нам нужны энтузиасты. Нужно, чтобы детский спорт развивался неформально. По отчётам у нас почти каждый ребёнок занимается в той или иной секции, а на деле...
  - Но энтузиастов немного.
- Ошибаетесь, их сотни. Но дело в том, что энтузиазм иссякает, как только человек

начинает бегать по кабинетам руководителей. И происходит не естественный, а искусственный отбор. Те, кто потвёрже, идут до конца. Многие не выдерживают, бросают дело на полпути. Сейчас мы решаем вопрос о том, чтобы создать не только сеть клубов, но и клуб энтузиастов-руководителей, будущих тренеров.

- Вам помогают сверху?
- Знают о наших бедах и в республиканском комитете, и в городском, но, откровенно говоря, палец о палец никто не ударит... Всё брошено на большой спорт. А массовая физкультура пущена на самотёк.
- Николай? Говорит студент КХТИ Ренат Галимуллин. Знаю, что развиваете у ребят силу. А уверены, что они не выйдут на улицу и не станут бить сверстников?
- Вопрос сложный. В большинстве таких клубов ребята действительно лишь «качаются». Мы ездим по секциям, видим это, стараемся исправлять положение. А за своих ребят я спокоен. У нас в клубе мальчишки занимаются с девяти-десяти лет. Это тот «пластилин», из которого можно вылепить всё, что угодно.
- В. Батраков, директор ДК. имени Урицкого, слышал в тот вечер в основном благодарности за проведённый недавно брейкфестиваль.
- Были ли сложности в его организации? спросила студентка КГПИ Альфия Закирова.
- Конечно. Если в субботу у нас была одна танцующая группировка, то в воскресенье мы имели уже два круга. Видя, что не миновать конфликта (то есть драки), мы вынуждены

были «сломать» программу, что не понравилось и участникам, и зрителям.

Моё мнение — сейчас молодёжь разделилась на два лагеря: с первым можно работать, второй не признаёт ничего.

- Вы не пробовали приглашать социологов, чтобы они помогли вам понять суть этого разделения?
- Знаете, я пока не встречал в Казани социологов, которые могут хотя бы грамотно об этом судить. У многих из них полная оторванность от жизни. Так что приходится учиться на собственных опибках.

К сожалению, подростки не воспользовались возможностью задать вопросы руководителю отряда «Спарта» Н. Панову. А жаль, Николай Панов летом 1987 года создал первый трудовой отряд из учащихся ПТУ. Он имеет опыт общения с подростками. Как оказалось, создать отряд не так просто. Есть трудности организационные, юридические. И в других отрядах можно было бы не изобретать велосипед.

Нужен спецтелефон

Телефоном, возле которого дежурил прокурор отдела по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних Прокуратуры ТАССР Владимир Петрович Логинов, воспользовались пятнадцать человек. Мы выбрали из разговора несколько диалогов.

— Владимир Петрович? Знаю работника милиции, который избивал подростков. Могу точно назвать — кого, дать адреса потерпевшего и свой...

Наиль (так назвался собеседник) рассказал немало подробностей, сообщил и адрес: «Если понадоблюсь, можете меня найти». Прокурора, конечно, заинтересовали факты, которые привёл подросток.

Забегая вперёд, скажем, что соответствующим органам было дано задание провести расследование. Попытались отыскать и звонившего Наиля, но безуспешно: адрес оказался ложным. Но расследование продолжается.

- У меня предложение, это звонок от молодого юриста. В управлении внутренних дел нужно установить специальный телефон, по которому горожане могли бы обращаться с вопросами, связанными с подростковой преступностью. Так, например, как при службе ОБХСС. Думается, польза от этого будет немалая.
- Предложение дельное, ответил Владимир Петрович. Действительно, есть смысл в установке такого телефона. Руководство МВД решит этот вопрос.
- Звонит мама Носовой. Вы, наверное, слышали о четырёх девочках, совершивших преступление...
  - Да, слушаю вас.
- Почему только мою дочь лишили свободы? Она виновата не больше других.
  - Мне сейчас трудно ответить, не помню дело до тонкостей.

(После прямой связи Владимир Петрович вкратце рассказал о случившемся. Минувшим летом четыре девочки — А. Носова, Ю. Зайцева, Е. Валиуллина и А. Глухова — глумились

над честью и достоинством своей сверстницы. Даже опытных юристов возмутила дерзость этого преступления. Учитывая особую общественную опасность содеянного, суд приговорил Носову к трём годам лишения свободы в воспитательно-трудовой колонии общего режима, других — к двум с половиной годам и году с отсрочкой исполнения приговора на два года).

- Так что же мне всё-таки делать?
- Советую обратиться к адвокату. Попробуйте обжаловать приговор.

Многие звонившие прокурору интересовались, что делается в городе по борьбе с групповыми драками, предлагали своё участие. Другие давали собственные «рецепты» решения проблемы подростковой преступности. Вот образчик одного из них.

- Надо собрать всех «мотающихся» и сослать их в Заполярье. Пусть осваивают новые земли.
- Что на это ответить? Жестокость всегда порождает только ответную жестокость.

Давайте думать вместе

На связь с психологами Александром Липиным и Сергеем Петрушиным вышли четыре подростка. Можно сразу добавить — всего лишь. Но при этом необходимо учесть два немаловажных обстоятельства. Первое: каждый диалог длился как минимум тридцать минут. (Значит, остальные желающие просто не смогли пробиться.) Второе: к психологам (как, впрочем, и к социологам) отношение у нас осторожное.

Согласитесь, попав в беду, мы больше привыкли полагаться на собственные опыт и интуицию, нежели на советы и рекомендации специалистов. Отчасти, конечно, и от того, что не было возможности их получить. Хотя подросткам больше, чем нам, необходима помощь психологов. Это доказали вопросы, заданные на прямой связи.

- Телефон гласности?
- Да. Психолог Линии слушает.
- Меня зовут Александр. 16 лет. Работаю и учусь в вечерней школе. Когда же, наконец, покончат с группировками? На улицу выйти невозможно, в чужой двор тем более.
  - У вас есть рецепт?
- Полагаю, что группировкам нужно противопоставить свою, не менее сильную организацию.
  - Вы имеете в виду отряд «Каскад»?
- Я лично не одобряю методов его работы. Поэтому и ушёл из него. Поначалу идея была хорошая. А потом, борясь с группировками, ребята, сами того не замечая, переняли их же методы. Теперь в «Каскаде», по-моему, тоже процветает культ силы. Нет, нужно что-то другое.
  - А вы сами входили или входите в группировку?
- Нет. Но и у меня есть друзья, которых в них втянули. Они хотели бы выйти, но не знают как. Это не так просто.
- Александр, значит, вы согласны, что в группировках есть хорошие ребята и им необходима помощь? Ведь в чём опасность подобных групп? Каждый в отдельности вроде бы

неплохой парень. Но вот объединяются они в группы — и уже несут в себе отрицательный заряд. Установка группировок — подавить в человеке всё хорошее, сделать его не отличающимся от других, таким, как все.

- Значит, нужно вытянуть тех, кто был вовлечён в «конторы» не по своей воле...
- И тогда в них останутся только плохие? А с ними что делать? Будем равнодушно наблюдать, как они, балансируя на грани дозволенного и недозволенного, скользят вниз, в пропасть? Как на них воздействовать? Подростки не совершили преступления, не попались...
- Вот именно не попались. А это ещё ни о чём не говорит.
  - Так вы за то, чтобы их всех пересажать?
- Не всех, но лидеров. Они безнадёжны. А остальных ещё можно спасти. Но сами сделать это мы не в силах. Необходима помощь.
- Понимаю вас. Нужно социальное прикрытие. Как, например, у «Каскада». Без него вы будете уязвимы. Пробовали обращаться к кому-нибудь за помощью?
- Да, в заводской комитет комсомола. Нотам живут совсем другими проблемами: лишь бы взносы вовремя собрать да отчитаться. А ждать, пока комитет комсомола очнётся от спячки, у нас нет времени.
  - А взрослые?
- У них своих забот хватает. От нас они или просто отмахиваются, или стараются держаться подальше. Преподаватели ПТУ... боятся своих учеников и предпочитают не ввязываться в конфликты. Если на улице драка, взрослые либо безучастно стоят, либо проходят мимо.

- К сожалению, во многом вы правы. Взрослые часто не хотят вникать в проблемы подростков, считая их несерьёзными. Прикрываются расхожим рецептом: повзрослеют поумнеют... Но ведь до восемнадцати лет надо ещё дожить. Причём почеловечески, не опасаясь быть втянутым в группировку. И всётаки я советую вам найти взрослого человека, увлечённого делом, которому ваши проблемы были бы не безразличны. Трудно, согласен. Но всё же попытайтесь. Если вы объединитесь и будете чем-то заниматься, например туризмом, то влиять на вас со стороны станет сложнее. И ребята из группировок просто вынуждены будут с вами считаться. Ваша задача противопоставить их пустому времяпрепровождению свою увлечённость. А она, поверьте мне, заразительна.
  - Добрый вечер. Меня зовут Оля, 14 лет.
  - Слушаю. Какие проблемы вас волнуют?
- Помогите мне наладить взаимоотношения с мамой. Мы всё время ссоримся. Она меня не понимает.
  - А ваших подружек мамы понимают?
  - Да. Но моя признаёт за собой только права.
- Думаю, здесь вы ошибаетесь. Вы когда-нибудь пробовали поставить себя на её место? Или обговорить с ней свои претензии в спокойной обстановке?
  - Пробовала, но она и слушать не хочет.
- Необходимо добиться, чтобы она выслушала. Иначе вы просто не выйдете из конфликта.
  - А вы можете объяснить это маме?

Поворот был, прямо скажем, неожиданным: к телефону подошла мама Оли.

- Вам необходимо точно выяснить с Олей, что она хочет от вас, а вы от неё. У родителей, к сожалению, существует тенденция навязывать своё мнение детям. А это опасно тем, что рано или поздно ребёнок вырабатывает своё, а ваше начинает отвергать. Если это произойдёт, вы потеряете возможность влиять на дочь. Она перестанет допускать вас в свой внутренний мир. И тогда налаживать контакт будет уже намного сложнее. Вам необходимо понять, что если девочка ищет пути выхода из конфликта, она уже повзрослела. Только средства не у неё, а у вас. Попробуйте сесть и спокойно обговорить ваши совместные претензии. Возможно, в чём-то придётся пойти и на компромисс.
  - Мы попробуем. Я и сама над этим задумывалась...
- Здравствуйте. Вас беспокоит Хасанов Алик. Учусь в авиационном техникуме. Объясните, пожалуйста, почему группировки всё ещё существуют? Ведь все знают, какие там порядки.
- Алик, а вы никогда не думали над тем, что у них есть и притягательные стороны? Как это ни странно, но существует необходимость состоять в них.
  - Вы что же, их одобряете?
- Конечно нет, но пытаюсь понять. Давайте попробуем разобраться вместе. Ребят привлекают в них различные факторы. Стремление быть психологически защищённым, например. Или, скажем, принимается решение, которое

затем выполняется всеми, и за него не нужно отвечать. Привлекательно? Наверное.

- А если что-то случится, придётся отвечать...
- Безусловно, но осознание этого приходит много позже. Поначалу же срабатывают чисто ситуативные мотивы. Я ответил на ваш вопрос?
- В общем, да. И в чём-то я с вами согласен. У меня товарищ живёт в Ометьево. Входит в группировку. Не из идейных соображений, а просто от того, что по вечерам нечем заняться, некуда пойти. И многие так. Но нельзя же со стороны за всем этим наблюдать. Надо что-то делать. И я, и мои товарищи готовы внести свой посильный вклад. Только что нужно сделать?
- Сложный вопрос. Все мои советы будут носить, к сожалению, общий характер, а вам нужен конкретный ответ. Давайте думать вместе.

Без доверия нет контакта

Первый звонок по телефону 53-52-51 раздался на другой день после объявления о прямой связи.

— Ничего у вас не получится! — девичий голос был строг и решителен. — Никакого перемирия не будет! И группировки вы не разгоните! Почему вы на них так накинулись? Что же в этом плохого, если мы собираемся вечерами вместе? А разве у вас в детстве компаний не было?..

Хорошо, что юная собеседница умела слушать, а журналист приучен не поддаваться

первому впечатлению. Вскоре разговор пошёл вполне дружелюбный. Ведь в главном мы были солидарны: жизнь с постоянными драками и даже убийствами, с милицией и судами вряд ли можно считать нормальной.

Лена позвонила и в час прямой связи. Вместе мы искали пути к тому, чтобы сдружить классы (тогда ребят не будет так тянуть в дворовые «конторы»), улучшить работу дворовых клубов (своим она довольна, но знает, как скучно в других). А через несколько иней сообщила, что их класс решил после уроков работать на заводе.

Мы много говорили с Леной о школе. Она с горечью рассказывала, что большинство её сверстников школу недолюбливают, что у старшеклассников нет контакта с учителями. На вопрос, почему подростки по вечерам собираются в подъездах, и подвалах, ответила так: — А из школы выгоняют...

- Это Женя Зайцева. Я хочу рассказать о пионерлагере «Вертолёт» на Азовском море. Очень мне там понравилось. С утра работали на колхозных бахчах, а потом играли, купались, загорали. А в наших лагерях такая скука! Я в лагере имени Ленинского комсомола отдыхала. Целый день сам себе предоставлен, зато в столовую строем.
  - А в лагерь труда и отдыха ты ездила?
- Да, в «Дружбу». Там тоже интересно было. Всем классом ездили.

Следующей звонила тоже девочка, ученица школы № 16. Разговор был короткий.

— Где можно научиться фотографировать?

- В вашем Доме пионеров, рядом с десятой школой, очень хороший фотокружок. Запишись туда.
- Но я наверняка там буду одна среди мальчишек. Да и далековато это от моего дома. Я бы хотела в школе.
- Сходи к директору. Может, возьмётся кто-то из родителей— организуйте в школе. Многие так делают.
  - Схожу, но думаю, ничего из этого не получится.
  - И всё-таки сходи...

После разговора с девочками (они и тут проявили большую активность) пошли подряд «взрослые» звонки.

Пенсионерка А. Крайнева прочитала своё стихотворение. Несовершенное по форме, оно подкупало искренностью и страстностью. Речь шла о том, что истоки становления личности в семье.

O том, что за воспитание детей ответственны прежде всего родители, мы говорили и с членом родительского комитета школы № 24 В. Макаровой. А позвонила она по другому поводу:

- В нашей школе, кажется, полторы тысячи учеников. Естественно, учатся в две смены. И классы, и спортзал вечно заняты. Для «продлёнок» условий нет. О какой воспитательной работе после уроков тут может идти речь?
- Л. Хабибуллина, работница одного из казанских НИИ, предложила организовать в «Вечёрке»

клуб общения по примеру «Комсомольской правды».

Военнослужащий В. Дорофеев с недоумением говорил о том, что вход в клуб «Мираж» на улице Мавлютова, который строился с помощью подростков, стал вдруг платным.

— Может, не будем с детей денег брать? Невелика плата, но для кого-то она — барьер. Да и не каждый родитель пацану денег на клуб даст...

Tему спорта продолжила читательница, пожелавшая назвать только инициалы — $\Pi. X.$

— Что делать с сыном, если он везде признан неперспективным — в плавании, водном поло, хоккее? Вы не подумайте — он у меня крепкий, здоровый... Не по улицам же ему после уроков шататься? Возраст самый опасный — 13 лет. Вот так ведь и попадают в разные компании. Почему в школах так мало кружков и секций?

Ветеран труда М. Яхин позвонил, чтобы высказать своё возмущение поведением подростков, собирающихся в его подъезде. И как не гневался он на ребят, нам показалось, что в этой ситуации правомернее говорить не столько о них, сколько о взрослых, которые, как сообщил товарищ Яхин, боятся сделать парням замечание.

Самый обстоятельный разговор получился с Н. Рисположенской. Она затронула сразу несколько проблем.

— Мне кажется, зря в последнее время так много внимания уделяется зарплате школьников. Это безобразие, когда речь идёт об отряде милосердия! Дети будут получать деньги за то, что принесут старым людям молоко и хлеб?! Так мы коллективистов не вырастим.

Меня удивляет позиция современной молодёжи: видите ли, нечем заняться. Если захочешь, дело найдёшь. Я доживаю до шестидесяти, и мне никогда не было скучно. Двоих детей вырастила, и они тоже скучать не умеют.

Ещё беспокоит положение учителя в школе. Он бесправнее ученика. Почему-то сейчас в порядке вещей за чаем обсуждать поведение педагога. В наше время такого не было. Человек, не научившийся уважать учителя, никогда не будет уважать других.

И последнее — это уже в ваш адрес. Мне кажется, журналисты в своих публикациях уж очень оправдывают подростков. Виноваты родители, учителя, улица, милиция — только не они сами. Больше пишите об ответственности человека за свою судьбу...

Журналисты сегодня оказались в очень сложном положении, как бы между двух огней. Многие, как Н. Рисположенская, винят нас в том, что мы зря защищаем подростков, а ребята, наоборот, упрекают, что мы не хотим их понимать. Не обошлось без такого упрёка и во время прямой связи.

— Это телефон гласности? Вы пишете о перемирии... Как вас понимать? Если обращаетесь к нам, то почему хотите что-то противопоставить группировкам? Если, как все, хотите нас разогнать, то зачем вам эта прямая связь?

Парень не представился, не пожелал назвать даже имени. Удивляться не приходится. Узнали мы лишь то, что он второкурсник ПТУ, учится на токаря.

- *Мне интересно, как вы собираетесь нас помирить?*
- Но ведь мы именно для этого и пригласили вас к разговору. Разве не вы сами должны решить свои проблемы! Мы, взрослые, можем только помочь.
- *Ну, тогда помогите чем-то занять ребят. У нас в 39-м* квартале, например, вечером пойти некуда.
- Может, ты просто не знаешь, но рядом открыто сразу несколько дворовых клубов, в том числе спортивный и технический... Кстати, сам ты как думаешь, когда драки прекратятся?
  - Лет через пятнадцать.
  - Ты пессимист.
- Слишком много у ребят злости накопилось. Мы уйдём в армию, младшие за нас мстить будут... Как я сам попал в группировку? Вечером шёл один, подошла группа, спросили, где живу. Не впервой так было. Но на этот раз избили, топтали ногами. Попал в больницу. Знаете, какая злость была! Теперь я не один. Если кто обидит, из «конторы» своих приведу защитят.
  - А ваша «контора» на драки ходит?
  - Для чего же она существует?!
  - *Родители знают?*
- Нет. Правда, однажды мать всё-таки узнала про милицию.
  - И как к этому отнеслась?

- Я сказал, что меня случайно взяли: стоял рядом, когда дрались.
  - Поверила?
  - Да, и всегда верит.

Собеседник, защищённый анонимностью, был откровенен. Рассказывал *о* нравах своей «конторы», которая имеет влияние даже на шестиклассников. Лишь на один вопрос отвечать не стал: мы так и не узнали, кто организует ребят на драки. Факт примечательный. Наблюдается такое не первый раз. Благодаря этому вожаки группировок уходят от ответственности.

Подросток подтвердил многие уже известные нам факты. Как оказалось, он живёт на новой квартире, но в «контору» ходит старую, в другом районе. ПТУ выбрал рядом с домом.

- Не бьют в училище?
- Нет. Учиться можно. Только после занятий нельзя оставаться, на дискотеку, например. Тогда могут избить.

Я про милицию сказать хочу. Милиция тоже поступает подчас жестоко. На себе испытал. Могут забрать ни с того, ни с сего.

- У вас ведь есть право обжаловать неправильные действия работников милиции.
  - Я не стукач!

При всём недружелюбии к милиционерам, парень признал, что именно благодаря их стараниям в последнее время драк стало меньше.

Звонков из «контор» было не так много, как хотелось бы. Правда, много раз по всем телефонам в ответ на наше «Алло!» не раздавалось ни слова, лишь слышно было чьё-то дыхание.

Видимо, проверяли. Ещё одно свидетельство того, что подростки нам не верят. Не верят в то, что мы готовы выслушать и помочь. Значит, у них есть на это основания.

Что же показала эта прямая связь? Признаемся, мы не надеялись услышать, особенно от подростков, конкретных ответов на поставленные вопросы. Слишком сложна проблема. И ошибутся те читатели, которые надеются найти в этой публикации рецепты избавления города от поразившего его «недуга». Пока их нет. Мы должны в этом признаться. Как показали телефонные диалоги, всё ещё в стадии поиска точек соприкосновения между миром взрослых и миром детей.

Мы привыкли возмущаться внешним видом ребят, их поведением и бросать им в лицо: «Что вы делаете? Как одеваетесь?» Реже (вернее, совсем редко) думаем над тем, почему они растут такими. Что с ними происходит, если нормальные ребята — не дебилы и не хулиганы — в одну минуту по зову группировки способны превратиться в убийц?

«Может, хватит с нас поучений, что им слушать, что петь, что надевать? — сказал в одном из своих последних выступлений в печати писатель Борис Васильев.— Какое, милые, сейчас тысячелетье на дворе? Не лучше ли просто дать молодым хорошее воспитание, добрый пример?»

Репортаж вели наши корреспонденты: Л. Агеева, Г. Григоренко, Н. Григорьева, В. Гудимова, Л. Колёсникова, М. Сажина, Л. Фазуллина.

СОДЕРЖАНИЕ

Кто я в этом мире?

С. Бессчётнова. «Мне мешает жить совесть».	4
А. Вайсбург. Зарони доброту	13
А. Вайсбург. Найти себя.	28
М. Рожков. Быть хозяином	51
В. Гудкова. Жизненная высота	62
Е. Мартынова. Поэзия педагогики	81
Ф. Сафин. Нет трудных подростков	94
Ш. Байгильдин. Товарищ инструктор!	105
Каждый подросток — личность	
С. Петрушин. Творчество общения	118
В. Козин. Этот нескучный двор	139
Ю. Молчанова. «Я влюблён в них, своих ребят!»	149
Ю. Калинин. Рябиновская повесть	165
В. Козин. «Каскад» спешит на помощь	185
Ю. Колчанова. Науки юношей питают	206
С. Хайрутдинов. Секрет притяжения	226
Ещё одна точка соприкосновения	
Основная работа — впереди	234

Массово-политическое издание

СТО ДОРОГ — ОДНА ТВОЯ

Редактор-составитель В. С. Шакирова Художник С. Л. Набутовский Художественный редактор Г. Е. Трифонов Технический редактор Л. М. Тилк Корректоры З. В. Хасанова, Г. Ф. Хайруллина

ИБ № 5492

Сдано в набор 2.06.88. Подписано в печать 28.09.88. ПФ 09206. Формат $70 \times 90^{-1}/_{32}$. Бумага книжно-журнальная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,65 + форз. 0,15. Усл. кр. отт. 10,16. Учётн.-изд. л. 9,71 + форз. 0,24. Тираж 7000 экз. Заказ Е-308. Цена 60 коп.

Татарское книжное издательство, 420084, Казань, ул. Баумана, 19. Полиграфкомбинат им. Камиля Якуба Государственного комитета Татарской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 420084. Казань, ул. Баумана, 19.

Оцифровано для страницы
Педагогического музея А.С. Макаренко
(Makarenko-museum.ru)
Нумерация страниц и разбиение текста по ним
с точностью до 1-2 слов на границах страниц
соответствует бумажному изданию